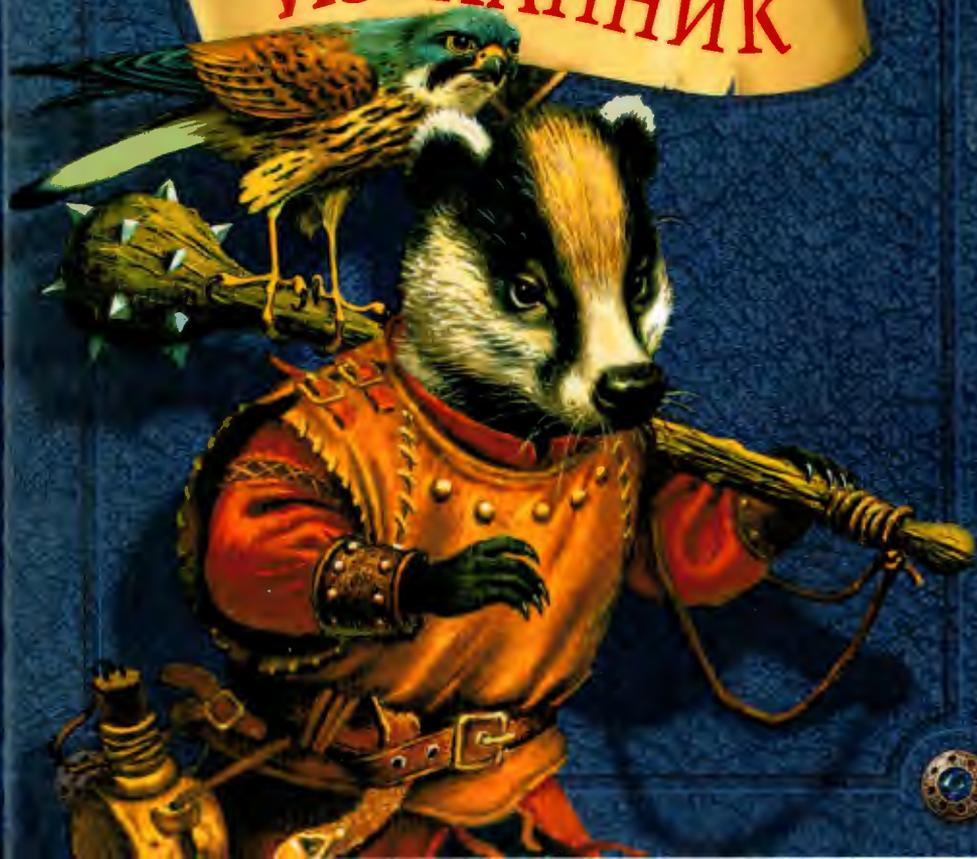

БРАЙАН

ДЖЕЙКС

УЗГНАННИК

Пещера
Линала и Дуббо

Лагерь
Криволапа

Озеро

Рытмовь

Болото

Лес
Цветущих
Ахос

Карьер

Море

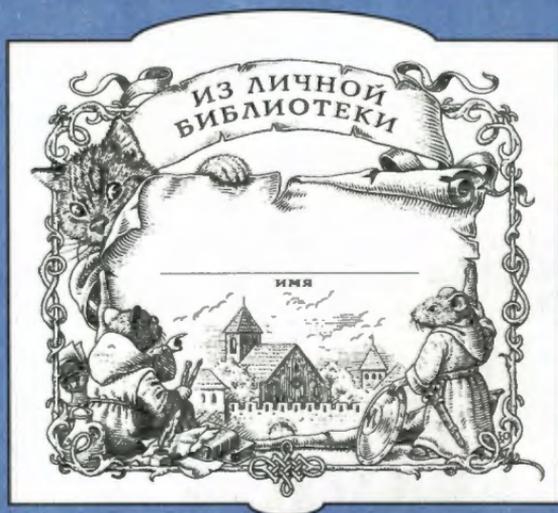
Саламандастрои

Водопад

Аббатство
Рэдволл

Река Широкая

Гс

THE
ROSE
BLOSSOM
CIGARETTES
MADE IN
AMERICA

СЕРИАЛ
«РЭДВОЛЛ»

ВОИН РЭДВОЛЛА

ВОЙНА С КОТИРОМ

ПОХОД МАТИАСА

МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА

САЛАМАНДАСТРОН

МАРТИН ВОИТЕЛЬ

КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА

ИЗГНАННИК

Брайан Джейкс
ИЗГНАННИК

Санкт-Петербург
Издательство «Азбука-классика»
2004

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
Д 40

Brian Jacques
OUTCAST OF REDWALL
Copyright © Brian Jacques 1995
First published by Hutchinson Children's Books 1995

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Эндрю Нюринберг
Перевод с английского Татьяны Кадачиговой

Иллюстрации на обложке
Сергея Бордюга,
Дмитрия Тимохина

Иллюстрации на форзаце
Сергея Гончарова,
Дмитрия Тимохина

Художники
Сергей Гончаров,
Игорь Ганзенко

Д 40 Джейк Б.
Изгнанник / Пер. с англ. Т. Кадачиговой. — СПб.:
Азбука-классика, 2004. — 352 с.
ISBN 5-352-00710-3

Совсем юным барсук по имени Солнечный Блик попал в плен к безжалостному Сварту Шестигогтю. Много сезонов терпел он издевательства слуг разбойника, пока дух легендарных предков — правителей Саламандастропа не оказался сильнее цепей и веревок. Вырвавшись на свободу, бывший пленник стал Великим воином — Страна Цветущих Мхов давно не видела такого решительного и беспощадного защитника обиженных, но думал барсук только о мести ненавистному врагу. Отныне Сварт Шестигогть обречен жить в страхе возмездия, но он даже не подозревает, что у него есть еще один смертельный противник — собственный сын, которого когда-то приютило аббатство Рэдволл.

- © Т. Кадачигова, перевод, 1998
- © С. Степанов, перевод стихов, 1998
- © «Азбука-классика», редакция, 2004
- © «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00710-3

Благородная кровь с подлой —
Враждовали они искони,
Будет день, сойдутся в битве —
Бурю, что посеял, жни!
Беспощадного злодея
Темный Лес возьмет себе,
И поставит крест навеки
Мох лесной в его судьбе.

Темнуха-Профицательница

Стояла теплая багряно-золотая осень —
пора легенд и сказок о давно минувших
временах. Далеко на горизонте в голу-
бой дымке небо сливалось с морем. После при-
лива тихий песчаный берег покрылся россыпью
мелкой гальки и осколками ракушек. Словно

огромный дикий зверь, властелином приморья
возвышалась гигантская таинственная гора —
Саламандастрон!

Давным-давно, когда земля была совсем
юной, на этом месте находился огнедышащий
вулкан, но ветры веков погасили его, развеяли
дым и охладили камни, и Саламандастрон стал
домом и одновременно крепостью, где залы,
гроты и спальные покои соединялись лабирин-
том узких коридоров, подземных переходов и
тайников.

У западного выхода одного из туннелей, на
широком выступе скалы, обитатели крепости
затеяли завтрак на открытом воздухе. Внима-
ние доброго десятка больших и малых зайчат и
самой хозяйки мамы было обращено к старику
выдре по имени Рилбрук.

Зайчата засуетились вокруг пожилого гостя,
изо всех сил стараясь выказать ему уважение,
а зайчиха, едва сдерживая улыбку, молча на-
блюдала за этой картиной.

Когда лакомства были выставлены, все рассе-
лись по своим местам.

Не обращая внимания на наказ матери си-
деть тихо, толстый пухлощекий зайчонок вдруг
возмущенно заверещал:

— Давай, дед, рассказывай что-нибудь та-
кое-разэтакое нам на пользу!

К негодованию зайчихи, остальные малыши
тоже завизжали от восторга.

Подождав, пока зайчата затихнут и приготовятся слушать, старик начал свой рассказ:

— Прозвали меня Рилбрук Странник, сын Рилбрука Странника, и деда моего тоже звали Рилбруком Странником...

Щекастый Бурбоб тихо пробубнил:

— А его двоюродную прабабку звали Рилбрук Какбишьее. Слыхали мы это. Уж лучше б переходил к делу. Уххх!

На этот раз зайчиха отвесила сыну хорошую оплеуху и, смерив его ледяным взглядом, произнесла:

— Еще одно слово — и пойдешь спать без ужина.

Вняв словам матери, Бурбоб не издал больше ни звука.

— Всю свою жизнь я странствовал, и чего я только не повидал! Слышал я песни и легенды, которые нередко вызывали у меня слезы радости и сострадания.

Сегодня я расскажу вам историю — длинную-предлинную. Сагу о Лорде Барсуке, который некогда правил этой горой, и о его смертельном враге хорьке. Их судьбы тесно переплелись с судьбами многих других, но более всего с судьбами двух молодых воспитанников аббатства Рэдвалл, которых, к счастью или несчастью, свел вместе случай.

Каждый из нас родился под своей звездой — либо яркой и счастливой, либо темной и роко-

вой. Порой звездные пути пересекаются, принося любовь или ненависть. Если вы посмотрите ясной ночью на небо, среди бесчисленных мерцающих огней вы непременно увидите свою звезду — огромную горящую комету с длинным огненным хвостом, нависшим над землей. Подумайте об этом, пока я буду вести свой рассказ. Может статься, вы откроете для себя что-нибудь новое — не о звездах, а о ценности дружбы.

ДРУЖЕСКИЕ
УЗЫ

КНИГА
ПЕРВАЯ

Скарлет, сокол пустельга, стал на крыло позже своих братьев и сестер и лишь на исходе осени покинул родное гнездо — покинул навсегда. Так уж заведено у соколов. Неистовые, гордые и свободолюбивые, они любят парить высоко в небесах.

Таким был и Скарлет: по-юношески безрассудный, он улетел далеко на север, где его и настигла зима. Лютая снежная буря налетела, завертела, закружила птицу над полями, лесами и холмами. Свирепый ветер под-

хватил промокшего и беспомощного перед стихией сокола и быстрее молнии понес его в сторону дремучего леса. Там его швырнуло о ствол старого граба. Пронзительно взвывая на прощание, буря помчалась дальше, оставив позади себя потерявшего сознание юного сокола.

Очнулся Скарлет только глубокой ночью, когда ни одно дуновение уже не нарушало покоя леса. Стоял сильный мороз, на ветвях деревьев серебрился иней. Где-то поблизости мерцал огонек, но Скарлет не ощущал его тепла. Оттуда же, маня его, доносились голоса и хриплый смех; несчастный сокол чуть шевельнулся, но тут же вскрикнул от боли — тело его насквозь промерзло.

Сварт Шестикоготь сидел у костра. Его банда насчитывала десятков шесть хищников. Крупный, жилистый и свирепый, он стал вожаком, поскольку никто не мог сравниться с ним в силе и ловкости, никто не смел вступить с ним в противоборство. Вид его наводил ужас на врагов и друзей. Его морду испещряли пурпурно-зеленые полосы, кровавой краснотой отсвечивали зубы. С шеи свисало ожерелье из когтей и зубов поверженных врагов. На левой передней лапе у Сварта было шесть когтей. Эта уродливая лапа всегда покоилась на рукояти длинного кривого меча, заткнутого за пояс из змеиной кожи.

Страдальческий крик сокола насторожил Сварта. Пнув лежащего рядом горностая, хорек прорычал: — Эй, Траттак, живо выясни, что там такое.

Горностай покорно нырнул в утонувшую в снегах чащу. Долго искать Скарлета не пришлось.

— Тут какая-то шальная птица примерзла к дереву! — крикнул из глубины леса горностай.

Со злобной усмешкой Сварт взглянул на привязанного к бревну барсука. Бедняга был примерно тех же лет, что и хорек; лапы и морда пленника были крепко перетянуты ремнями из сыромятной кожи. Посреди его головы пролежала широкая дорожка золотистого меха. Вытащив меч и его концом коснувшись этой необычного цвета полосы, хорек приказал:

— Эй ты, Сочный Блин, вставай и вези своего господина!

Под дружный хохот и язвительные выкрики собравшихся у костра хищников Сварт уселся верхом на барсука и погнал его вперед, пришпоривая когтями и подбадривая плашмя мечом. Тугие веревки на лапах позволяли только семенить, бедный зверь спотыкаясь пробирался по глубокому снегу.

Когда Сварт, плотоядно облизываясь, взглянул в упор на заочневшего Скарлета, того охватил ужас.

— Ну, что тут у нас? Пустельга. Не то чтобы вкусный, но мясо у него наверняка молодое и нежное. Что, крылатенький, крепко примерз? Зато будешь свеженьким, когда явишься к моему завтраку.

Резко дернув за ремень, хорек подтащил барсука к грабу и привязал его к суку.

— Будешь до утра охранять мой завтрак, Сочный Блин. Ты чересчур залежался у костра.

Ухмыляясь, Сварт оставил прикованных к дереву двоих несчастных.

Прошел час, разбойничий лагерь спал. Вдруг барсук тихо придвинулся к соколу и прижал его боком к

дереву. Сперва юный сокол решил, что его душат, но вскоре почувствовал, как от тепла барсука стал таять лед и согрелась кровь в жилах. Скарлет наконец смог повернуть голову: на него глядели темные барсучьи глаза, разделенные золотистой полоской меха. Пленники поняли друг друга без слов. Барсук замер, а сокол приступил к делу. Резко, порывисто он в клочья рвал намордник барсуна. Сначала тот, стиснув зубы, проверил, в порядке ли челюсть, затем, нагнув могучую золоченую голову, принялся перегрызать связывающие лапы кожаные ремни. Наконец оба были свободны!

— Давай, друг, бежим скорей! — хриплым шепотом произнес Скарлет.

Однако барсук, казалось, его не слышал. Глаза его налились страшным гневом. Вытянув вперед лапы, он схватил сук граба и одним махом отломил его. Треснул им по стволу, и тот развалился надвое. Откинув в сторону тонкую половину, барсук двумя лапами поднял толстую. Это была огромная дубина, длиной в половину роста барсука. Хищники крепко спали у костра и не ждали беды. Словно бросая им вызов, барсук разразился диким криком:

— Эулалиааааа!

Лагерь мгновенно ожил. Бросившись к Сварту, барсук попутно сшиб дубиной двух разбойников. Но хорек не успел вынуть свой меч — дубина барсука обрушилась на его шестипалую лапу. Взыв от боли, хорек упал на спину, зловеще зарывав:

— Схватить! Убить его!

Разбойничья шайка окружила пленника. Но ватага Сварта была не в силах сломить барсука. Он стоял,

как могучий дуб, во все стороны молотя своей дубиной, и на весь лес раздавался гортанный боевой клич:

— Эулалиааааа!

Скарлет решил было, что его друг тронулся рассудком. Работая когтями и клювом, Скарлет пробился сквозь толпу разбойников и, сев на плечо барсуку, крикнул:

— Уходим, иначе нам конец. Бежим!

Отбиваясь от шайки Сварта, барсук отступил к краю костра и дубиной стал раскидывать горящие угли. На снегу угли шипели, испуская удушливые клубы дыма. Молодой барсук со Скарлетом на плече помчался что было мочи по ночному лесу. Жажда свободы влекла их вперед: и усталость, и слепящий падающий снег, и заросли шиповника и ежевики были им нипочем.

Горноста́й по имени Мугр с трудом выбрался из сугроба, куда угодил во время схватки с барсуком. Потирая ушибленную спину, он подполз к месту, где лиса Темнуха залечивала раны Сварта. Взяв пригоршню трав, Мугр потер свою спину и спросил:

— Может, вдогонку им выпустить стрелы?

Не отрываясь от дела, лиса ответила:

— Да, и чем быстрее, тем лучше, пока они далеко не ушли.

Рассвирепевший Сварт собрался было замахать, чтобы съездить по морде им обоим, но только дико зарычал от боли в сломанной лапе.

— Идиоты! — рывкнул он. — Бежать за ними? Это с моей-то сломанной лапой и при том, что пятеро уби-

то и, похоже, столько же ранено?! Преследование начнем, когда я буду готов, ни минутой раньше!

Здоровой лапой он молниеносно схватил горностаю за шкуру и притянул к себе.

— А когда моя лапа срастется, — прошипел он, и его горячее дыхание обдало морду Мугра паром, — барсук не сможет укрыться от Сварта Шестикогтя. Я найду его на краю света, из-под земли достану, он будет долго и мучительно умирать. Я запытаю его до смерти, убивая постепенно, пусть даже на это уйдет не один год.

Лиса Темнуха продолжала прикладывать к лапе Сварта травы со снегом, приляпывая их землей, вырытой из-под костра и смешанной с шелухой из осиновой коры.

— Продержишь это до утра — будешь как новенький, — хлопотала она над сломанной лапой.

Сварт сморщился, когда ему затягивали повязку.

— Заткни свою елейную пасть, лиса, вечно талдычишь всякую чушь. Вот порешу твое будущее одним ударом меча, и будет тебе вечное молчание.

Мугр задыхался в мертвой хватке Сварта. Хорек взглянул на горностаю, будто впервые его заметил...

— Какого рожна ты тут делаешь? Марш разжигать костер! — С этими словами он швырнул горностаю в сторону.

Спустя некоторое время, отогреваясь у костра, Сварт свирепо проскрежетал:

— Мы с тобой еще встретимся, барсук. Наслаждайся последними деньками, тебе не много осталось. От меня не уйдешь, Сочный Блин!

Барсук неся вперед как очумелый до самого утра, которое выдалось ясным и холодным. Наконец на опушке леса он на всем ходу бросился в снег и, высунув язык, еще долго тяжело дышал, а от его толстой шубы валил пар. Скарлет сел рядом. Впервые после падения сокол, разминая крылья, сделал несколько осторожных попыток оторваться от земли и при этом благодарственно отметил, что вышел из этой передряги целым и невредимым. На радостях он встряхнул оперением и широко распростер крылья.

— Хииии! Отдыхай, друг, нам предстоит еще долгий путь! — воскликнул он.

Барсук встал и поднял дубину:

— Ты иди куда хочешь. Я только отдохну да найду перекусить что-нибудь, а потом вернусь и убью негодяя Шестикогтя.

Сокол реял кругами над золоченой головой барсука, порой касаясь его крыльями.

— Хиииикиии! — кричал он. — Тогда, друг мой, тебе крышка. С бандой Сварта одному тебе ни за что не справиться.

Барсука обуял гнев, и он стиснул зубы:

— Долгое время хорек держал меня в рабстве, таскал меня на привязи, в наморднике и со связанными лапами, морил голодом, избивал и потешался надо мной. Сочный Блин — так он меня прозвал. Сочный Блин! Я заставлю его повторить мое имя двести раз, прежде чем убью вот этой дубиной! Но... какое имя? Как меня зовут?

Барсук прицелился и что было сил долбанул по гнилому остатку дерева... Ухххх! В пне открылось дупло, и Скарлет взвизгнул от восторга:

— Криииии! Гляди, еда!

На снег посыпались орехи, каштаны и желуди. Не скрывая радости от неожиданно привалившей удачи, друзья с громким смехом стали хрупать запасы какой-то белки.

Набив клюв орехами, сокол сказал:

— Я Скарлет. Прежде я был один, но ты спас мне жизнь, теперь я с тобой. Откуда ты родом, друг?

Почесав золотистую полоску шерсти на голове, барсук с набитым ртом задумчиво произнес:

— Даже не знаю. Кажется, мать мою звали Белла или Беллен, точно уже не вспомнить. Тогда я был слишком мал. В памяти осталось еще одно имя — Вепрь Боец. Похоже, так звали отца или деда, но и в этом я не уверен. Порой мне снится дом, а может, я просто так думаю, но я дорожу этими снами. Еще мне снится какая-то гора. В памяти все перепуталось. Но Сварга Шестикогтя я ни за что не забуду... — На устах барсука заиграла насмешка, и он взглянул на крылатого друга. — А ты, друг Скарлет, как бы ты меня назвал?

От сострадания к барсуку у сокола сжалось сердце. Скарлет вспорхнул на сильное темное плечо друга и воскликнул:

— Крииии! Я не знаю твоего настоящего имени. Но я знаю, что ты великий воин. Ты одним махом убил пятерых врагов и нанес тяжелые увечья многим другим. Ты самый сильный и самый ловкий боец на булавах!

Подняв дубину, барсук покачал ее в руке:

— Уж не это ли булава?

Скарлет поглядел на молодого друга, державшего в лапе грабовый сук.

— Если ты назовешь это булавой, думаю, ни один зверь не возьмется с тобой спорить. Как скажешь — так и будет. Слово такого воина, как ты, — для других закон. Ты не помнишь своего настоящего имени. Я дам тебе другое замечательное имя. У тебя есть отметина солнца на лбу, есть собствен-

ное особое оружие, которым ты владеешь с быстротой молнии... Имя твое будет Блик Булава.

Барсук радостно захохотал и, выпрямившись во весь рост, завертел дубиной, крича во все горло:

— У меня есть имя! Прекрасное имя! Я знаю, как меня зовут! Блик Булава! Эулалиааааа!

Скарлет высоко взлетел и, пара кругами, истошно вторил:

— Крииииии! Блик Булава! Крииииии!

Не успел сокол приземлиться, а Блик уже мчался по лесу обратно, в разбойничий лагерь.

— Прочь с дороги! — заорал он, отмахнувшись от Скарлета. — Я должен свести счеты с хорьком.

— Ты мчишься навстречу смерти! — заключил Скарлет, взгромоздившись на богатырское плечо барсука и крепко в него вцепившись. — Будь что будет, но я поклялся всегда быть с тобой рядом. Пусть мы оба погибнем, но я тебя не оставляю.

Блик ошеломленно замер на месте:

— Но что же мне делать? Шестикоготь — мой враг!

Скарлет был не по годам мудрой птицей. Постучав клювом по дубине барсука, он произнес:

— Давай подумаем. Зачем рисковать головой, когда у врага такой перевес? Выждав время, в один прекрасный день мы непременно победим.

Блик сел на снег и, подперев подбородок булавой, уставился на друга:

— Скажи, как это сделать. Я буду слушать и мотать на ус.

Так Блик Булава начал учиться у друга думать. План Скарлета оказался весьма прост.

— Сварт сам будет следовать за нами. Так пусть он истощит свои силы в погоне, а мы поселимся в теплых краях, где много зелени и пищи. Там мы будем готовиться к встрече с ним. Я буду твоими глазами и ушами, буду парить высоко в небе, наблюдая за приближением врага. Когда же придет час, мы будем действовать с умом, мой друг, мы напустим такого страху на Сварта и его шайку, что они будут шарахаться от собственной тени. Убивать будем их по одному. Налетим как молния — и исчезнем как дым. Вот тогда Сварт будет с ума сходить от мысли, что ты где-то рядом и в один прекрасный день можешь застигнуть его врасплох. Что скажешь?

Блик широко расплылся в улыбке:

— Это великий план, Скарлет. Я буду учиться у тебя мыслить.

Так началось их путешествие. Блик шагал по равнинам, долинам и холмам, а Скарлет кругами парил в небе, разведывая окрестности. На смену зиме пришла весна, а друзья все шли и шли.

Шло время, сменялись сезоны, но не все складывалось так, как предсказывал Скарлет. Поначалу Сварт Шестикоготь действительно шел за ними по пятам, а Блик Булава с крылатым другом наносили ему неожиданные удары. Но Сварт был не дурак, и вскоре он разгадал партизанскую тактику барсука. Накануне ночью исчезли два самых лучших и ценных воина — горноста́й Спурхакка и хорек Балфи. Скрючившись у небольшого костра, Сварт потирал изувеченную лапу. Она уже обрела прежнюю силу,

но у самых когтей была немой и неподвижной. К Сварту подошла лиса Темнуха, а с ней еще трое зверей — те, что разыскивали пропавших бойцов. Хорек поспешно натянул на омертвевшую лапу рукавицу. Довольно увесистая, из сетчатой меди, с двумя тяжелыми медными защелками, она представляла собой грозное оружие. Взглянув на лису, Сварт сердито буркнул:

— Ну что, нашли их?

Темнуха присела по другую сторону костра:

— Да, вон там, в роще, под сосной. Холодны как лед. У каждого в руках было вот это. — И она бросила Сварту два болотных, на длинном стебле растения.

Сварт поднял их и стал разглядывать.

— Камыш? — удивился он.

Темнуха была знахаркой и знала названия всех растений.

— Или рогоз широколистный, а в некоторых странах его зовут просто булавой.

Швырнув камыши в костер, Сварт наблюдал, как они тлеют.

— Булава! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чьих лап это дело.

— Зря ты не схватил его в ночь побега, — прищурившись от попавшего в глаза дыма, посетовала лиса. — Убил бы его сразу — и дело с концом.

Сварт резко вскочил. Выхватив меч, он принялся им крушить костер.

— Если бы да кабы! — орал он. — Задним умом все мы крепки. Пусть эти бездельники поскорее задирают хвосты, мы отправляемся на восток.

Лиса отшатнулась от горящих углей:

— Зачем это, если Блик движется на юго-запад.

Кто там, на востоке?

— Криволап.

Темнуха вопросительно подняла глаза:

— Криволап?

Засунув меч обратно себе за пояс, Сварт ухмыльнулся:

— Да, старина, толстяк, обжора Криволап!

— У него большая банда, — пожала плечами

Темнуха.

— Пока большая... — зло усмехнулся Сварт, уходя.

Семейства крота Бруфа Дуббо и ежа Тори Лингла жили в одной пещере. Так повелось с незапамятных времен. Тори и его жена Мила растили четверых ежат, которым еще не исполнилось и полутора лет. На попечении крота Бруфа и его жены Лули были две маленькие дочки, Нили и Подд, а также двое стариков — дядюшка Блун и тетушка Умма.

Надо сказать, жизнь их на северо-западе Страны Цветущих Мхов текла отнюдь не безоблачно. Одним пасмурным и дождливым

днем обитатели пещеры оказались в осаде. Семейство лис завалило задний выход из пещеры и старожило вход днем и ночью. Почти полгода правдами и неправдами лисы старались выманить бедных зверюшек из дому. Спешить им было некуда: рано или поздно голод все равно заставил бы узников покинуть дома.

— Эй, ребята, кончайте валять дурака, выходите, еды тут хоть завались! — хитрила лиса.

У черного выхода измывался над беднягами верзила лис:

— Хи-хи, когда вы выйдете, тут будет чем полакомиться. Хи-хи-хи. То бишь вами.

Лиса крепко тянула его за ухо:

— Заткнись, курья твоя башка, чего доброго, запугаешь их до смерти.

— Ну, выходите, будьте благоразумны, — умасливал бедолаг глава лисьей банды. — Поговорить надо. Никак вы думаете, что мы обидим ваших крошек?

Бруф Дуббо помог Тори взгромоздиться на верх баррикады, выстроенной из мебели и присыпанной сверху землей, которую им пришлось соскабливать со стен пещеры. Печально покачав черной меховой головой, Бруф сказал соседу:

— Урр, кабы мне сейчас это самое... лук и стрелы, паршивцы быстро убрались бы вон, урр.

Тори Лингл подглядывал за сидящими лисами в щелку между креслом и столом:

— Видишь ли, Бруф, этим негодьям-то что, а наши малыши допили последнюю воду, и осталась все-го корочка ржаного хлеба.

— Эй вы, поганые морды! — протрубил дрожащим голосом дядя Блун. — Попляшете вы у меня, задам вам сейчас такую трепку! Своих это... не узнаете!

Повернувшись к старику, Бруф похлопал его по плечу:

— Ты, значит... храбрый крот, дядя Блун, но сейчас пойдика лучше вздремни.

Малыши проголодались и стали капризничать. Старания мам успокоить детей не имели успеха, верно, оттого, что взрослых охватило безнадежное отчаяние.

Неподалеку от осажденной пещеры, на холме, поросшем сосняком и кустарником, сидел Блик Булава. Ни сном ни духом лисы не ведали, что он за ними наблюдает. Дождь лил как из ведра и ручьями стекал с зеленого, накинутаго поверх головы барсук плаща. То и дело поглядывал Блик сквозь пелену ливня на пасмурное небо, надеясь узреть знакомый силуэт Скарлета, но сокол все не появлялся, и барсук в очередной раз опускал могучую голову на рукоять булавы. Много сил и времени потратил Блик на то, чтобы превратить грабовую дубину в оружие, которому предстояло служить ему всю жизнь. Рукоять он туго обмотал бечевой, связав ее на конце большой петлей, чтобы булаву можно было носить за плечом, остальную часть дубины он обжег, промаслил и гладко обстругал, а в круглый набалдашник воткнул наконечники стрел и копий. Только у Блика хватало сил и ловкости владеть таким страшным оружием.

Скарлет тоже заметил лисиц. Он взлетел ввысь, дабы не попасться им на глаза, и тихо приземлился рядом с Бликом.

— Милый Скарлет, что слышно о Сварте Шести-когте? — осведомился барсук, не сводя глаз с сидящих внизу лисиц.

Чтобы укрыться от дождя, сокол юркнул под плащ Блика.

— Третьего дня он отправился на восток. Верно, ряды его сильно поредели, поэтому следовать за нами он не рискнул.

Блик по-прежнему не отрываясь следил за лисами.

— Похоже, ты прав, но сломанная лапа не даст ему нас забыть. Наверняка он вновь заявится с мощным подкреплением. Может, подождем его здесь?

Острый соколиный глаз нацелился на лис.

— А эти-то чего там забыли?

Блик указал лапой на вход в пещеру:

— Думаю, они подстерегают добычу. Убивать я их не буду, а вот хороший урок никогда не повредит. Послушай, друг, чтобы мне их не спугнуть, спустись к ним сам и вразуми.

Лисы вконец извелись от ожидания и от нечего делать стали забрасывать вход пещеры камнями и кричать:

— А ну, выметайтесь оттуда, глупые твари!

— Считаю до десяти, и мы идем за вами. Раз!

Как раз в этот момент Скарлет преградил им путь к пещере:

— Криии! Прочь отсюда!

Старый лис сохранял невозмутимый вид.

— Кто ты такой и какого лешего приперся? — презрительно процедил он.

— Не важно, кто я, — ответил сокол с нескрываемым отвращением. — Я тут, чтобы передать вам: проваливайте отсюда подобру-поздорову. Иначе завтрашнего дня не видать вам как собственных ушей.

— Да он нам мозги пудрит! — небрежно бросила лисица. — Он тут один. Гоните его вон!

Но не успели они и глазом моргнуть, как в воздухе просвистела булава и воткнулась в мокрую землю. Услышав громовой голос, лисья банда застыла столбом.

— Не двигаться — убью! Эулалиаааааа!

Лисы оторопело уставились на мчавшегося к ним с горы чудовищных размеров барсука. С оглушительным криком он сиганул с огромной скалы и приземлился прямо посреди них.

— Я Блик Булава!

Наслышанные о нем звери от страха припали к земле.

— Пойди глянь, кто живет в пещере, — обратился Блик к Скарлету, — и скажи, что они спасены.

Высунув нос в амбразуру мебельной баррикады, Лули, жена Бруфа, воскликнула:

— Урр, так это ж сокол.

— Сокол, говорришь? — спросонья подхватил дядюшка Блун. — погоди, вот сейчас возьму свою палку и как... это самое... отлуплю его!

Тори вскарабкался наверх и выкрикнул:

— Этого только не хватало: сперва лисы, теперь сокол! Кого принесет еще? Что, дружок, видать, ты тоже на нас глаз положил?

— Нет, что вы, — принялся разуверять их Скарлет, — не собираюсь я вас есть, я ваш друг. Вы слышали что-нибудь о Бликке Булаве?

— Блик Булава, говоришь? — На сей раз из-за мебели торчала острая мордочка Милы, жены Тори. — Как же, слышали. Говорят, он великий воин. Так он здесь? Буду рада с ним познакомиться.

Не так-то просто оказалось убедить дядюшку Блуна и тетюшку Умму выйти из дому, зато малышей уговаривать не пришлось: легендарный боец барсук не вызывал у них ни малейшего страха. А лисы, все это время находившиеся под прицелом свирепого взгляда Скарлета, боялись даже морды оторвать от грязной земли. Осмелевший дядюшка Блун все же вышел и тут же принялся палкой дубасить лисиц.

— Урр, дядюшка, уважаемый Блик, чай, сам решит, что делать с негодями! — вырвав у старика палку, произнес Бруф.

Тори поведал своим спасителям, каким страданиям подвергли их лисицы. Блик слушал и с умилением поглядывал на маленьких кротят, которые лакали дождевую воду у него из лапы. Наконец он схватил дубину и, подмигнув Скарлету, произнес:

— Прежде чем вынести приговор злодеям, я хочу взглянуть в их гнусные морды.

Чумазы лисицы разом взвыли и затрепетали от страха.

— Значит, это вы мучили детей и стариков, вы преследовали беззащитных? Что скажете в свою защиту?

Старый лис открыл было рот, но удар соколиного крыла лишил его дара речи. Скарлет туго знал свое дело. Со страшным видом он взлетал вверх и пикировал вниз.

— Блик, — обратился он наконец к барсуку, — мерзавцам даже сказать нечего. Считаю, что они злодеи и наши враги. Надо предать их смерти.

— Пощади нас, мы ничего дурного не хотели! — в один голос жалобно завопила лисья банда, уткнувшись носами в мокрую землю.

Скарлет подмигнул Блику, тот взял дубину и медленно завертел ею в лапе, размышляя вслух:

— Хмм, если прикончить их прямо здесь, пожалуй, это огорчит малышей, к тому же придется копать яму и хоронить трупы... — Блик подмигнул Тори, который схватил его мысль на лету. — Что скажешь на это? Страдала-то твоя семья.

С печальным видом Тори Лингл вышагивал по загравкам лисиц, прижимая их морды к земле:

— Может, завести их куда-нибудь подальше и там укокошить? Чего с ними церемониться? Впрочем, дело твое, Блик.

Лисий вой стал просто невыносим, и Блик был вынужден цыкнуть, чтобы те замолкли. Потом он достал крупный лист лилии и, слегка надорвав его с краю, сложил вдвое, поместил между лап, вставил в рот и свистнул.

— А у тебя так выйдет? — как бы невзначай поинтересовался он, передавая лист Тори Линглу.

У ежа звук вышел еще громче.

— В молодости я обожал делать свистульки из листков. А почему ты спрашиваешь?

Вместо ответа барсук повернулся к лисам и строго сказал:

— Отныне у каждой доброй зверюшки будет при себе такой листок. В случае опасности свист услышит сокол или другие птицы. И тогда вам недобрововать. А теперь убирайтесь на север и, коль вздумаете вернуться, пеняйте на себя. Мне сообщат об этом те, кому вы угрожали, и я, Блик, торжественно клянусь своей булавой, что отыщу вас и больше не ждите от меня пощады. Ясно?

Лисицы, онемев от страха, склонили головы и отчаянно закивали. Блик принялся угрожающе вертеть булавой, перекидывая ее из одной лапы в другую и с каждым словом говоря все громче и громче, так что под конец разразился оглушительным рычанием:

— Ну-ка покажите мне, как сверкают ваши пятки. На север марш!

И пятеро дюжих зверей припустили что было мочи, словно сам черт наступал им на пятки. Очень скоро их топот затих вдали. На какое-то время у порога дома Дуббо и Лингла воцарилась тишина, которую вскоре нарушил дружный хохот.

Оба семейства принялись наперебой знакомиться со своим спасителем. Ежата и кротята первый раз в жизни увидели такого крупного пушистого зверя. Вскарabкавшись к нему на плечи, они радостно поглаживали золотистую меховую полосу на голове.

— Тут это... как на меховой горе!

— Большой хороший зверь!

Барсук стоял, почти не дыша, млея от восторга и боясь уронить или придавить малюток.

Гостеприимно предоставив Блику и Скарлету свое жилище, хозяева отправились на поиски пищи в близлежащий лес. Двое друзей устроились на толстых тростниковых циновках и безмятежно заснули.

Во сне Блик слышал шум плещущихся волн, видел светлый песчаный берег, море и гору. И ему до боли захотелось оказаться там! Однако вожденный берег казался далеким и недостижимым. Тогда низкий голос — голос другого взрослого барсука — пропел ему:

Сыщешь однажды меня,
Море и берег храня,
Ибо незыблем закон —
Реки текут под уклон.
Ты благороден по крови,
Утром ищи и в ночи,
Море в багровом покрове,
Звездные колки лучи.
Цели достигнет пытливый,
Кто справедлив и умен, —
Сбудется сон твой счастливый
До Окончанья Времен...

К завтраку Блика разбудили малыши.

Посреди пещеры стояла плоская каменная печь, где на огне готовились всевозможные кушанья. Бруф

Дуббо подал гостям кружки, а ежиха обратилась к гостям с торжественной речью:

— Примите нашу благодарность за то, что спасли нас от лисиц. Отныне наш дом — это ваш дом, живите здесь сколько пожелаете. Однако соловья баснями не кормят, так что угощайтесь, друзья.

Стол ломился от всевозможных блюд — столько вкуснятины Блику со Скарлетом и во сне не снилось. Суп из молодого лука и лука-порей, горячий черный хлеб с паштетом из буковых орешков, салат из лесных трав и огромный яблочно-сливовый десерт. Последний очень пришелся по вкусу малышам, и они щедро поливали его медом.

Присвистывая и причмокивая от удовольствия, старый дядюшка Блун хлебал суп из деревянной плошки.

— А я уж решил, что вовсе... это самое... зачехну с голоду. Гурр! До чего же все вкусно! Сто лет во рту ничего не держал!

Барсук на аппетит не жаловался, но хлебосольные хозяйки и слышать не хотели, когда он от чего-нибудь отказывался.

— Кушайте на здоровье, теперь, когда вы нас, значит... спасли, мы можем собрать в нашем лесу чего только душа пожелает.

Так Блик Булава восстановил в этих краях справедливость.

Поздним вечером отдохнувшие, разомлевшие и впервые в жизни наевшиеся до отвала барсук с соколом подползли к огню. Старая кротиха тетушка

Умма извлекла откуда-то прелюбопытнейший инструмент, этакий «шест-оркестр»: барабан, шесть с колокольчиками и двумя струнами — все на одной подставке. Умма стала щипать струны, дергать за колокольчики и пристукивать задней лапой по барабану. Малыши так развеселились, что им было не до сна. Хлопая в ладоши и притопывая в такт музыке, они скакали вокруг печи.

В пещере долго звучали смех и аплодисменты. Оба семейства любили развлекаться от души и знали множество песен и стихов. Наконец, когда в печи тлели последние угли и по теплому жилищу разлился ночной мрак, взрослые и дети стали отходить ко сну.

Первый раз в жизни Блик ощущал себя по-настоящему счастливым. Он тихо вторил сонной малышке, мурлыкавшей на сон грядущий странное четверостишие:

Жалко, в лапах не песок, что на юг и запад,
На подушке свет луны и далекий запах,
Жалко, на песке нет лап, чайки над прибоем,
Все уходит далеко, глазки мы закроем...

Малышка доходила до конца куплета и начинала сначала, с каждым разом голос ее становился слабее и слабее, пока не смолк совсем. Почему-то эта бессмысленная вереница слов и печальный мотивчик не шли у Блика из головы. Любопытство подмывало его спросить, и он потормошил Тори за плечо:

— Прости за беспокойство. Ты спишь?

— Хм, хм, почти, друг, а что?

— Что это за песенка, которую пела твоя маленькая дочка?

— А, та, у которой забавные путанные слова и приятная мелодия? Это старая история. Моя жена Мила слыхала ее от матери, а та, верно, от своей матери. Теперь ее знают все наши ежата. Глухие слова и милый мотив.

Уставившись слипающимися глазами на мерцающие угли, Блик произнес:

— Сам не знаю почему, но я хочу ее выучить.

— Завтра же скажу малышам. Они будут счастливы услужить тебе, — заверил его Тори, уютно свернувшись клубочком.

На смену весне и лету пришла осень. Когда Сварт с изможденной и изрядно потрепанной бандой вступил во владения Криволапа, раскинувшиеся в далеком горном краю на востоке, раздался предупредительный бой барабанов. Перехватив этот сигнал, три крысы из лагеря Криволапа понеслись что есть духу к гряде крутых гор, подобно старческим морщинам выпячивавшимся на поверхности земли.

У подножия этих гор стояли палатки Криволапа.

Гонцы вбежали под пышно убранный просторный шатер и пали ниц перед стоящим в центре круглым подиумом. Развалившись на троне, Криволап из-под мохнатых бровей устремил на крыс внимательный взгляд. Со смачным хрюканьем его необъятная туша слегка подалась вперед.

— И о чем вещает бой барабанов? — осведомился он.

Старший гонец поднял глаза.

— Всемогущий господин, — начал докладывать он, — бой барабанов гласит о том, что сюда движется банда Сварта Шестикогтя числом не более четырех десятков хищников.

— Ха! Тот, что сбежал когда-то, а я грешным делом думал, что его давно уж нет в живых, — фыркнул Криволап и с этими словами отпустил гонцов.

Находившийся поблизости горноста́й, наклонившись, сообщил Криволапу на ухо:

— Я бы на твоём месте к нему пригляделся, господин, он всегда считался лютым зверем и сильным воином.

Схватив со стоявшего рядом стола жареного дрозда, Криволап оторвал зубами кусок.

— Пожалуй, можно взять его в наши ряды, хорошие бойцы никогда не помешают. А коли не захочет, разделаюсь с ним, как с этим дроздом. — И, схватив птичью тушку, Криволап одним ударом расплющил ее.

Быстро отсалютовав, горноста́й по имени Зеленоклык тотчас удалился.

Ровно в полдень Сварт Шестикоготь был в лагере Криволапа. С собой он нес дары — резное копье, два пояса, усеянные блестящими камнями, флягу хорошего вина и серебряную чашу. Банда Сварта, без оружия, осталась ждать его за воротами под охраной отряда меченосцев, на каждом из которых был темно-красный камзол с эмблемой Криволапа — зеленый кружок с изображением белого клыка. Зеленоклык препроводил Сварта к Криволапу. Молодой хорек почтительно преклонил колени и в этот момент приметил стоящую позади трона завоевателя огромную ласку.

Сварт преподнес подарки, но Криволап концом скипетра пренебрежительно откинул их в сторону.

— Оставь нас одних, — приказал он Зеленоклыку.

Растянув рот в презрительной ухмылке, Криволап окинул взглядом стоявшего перед ним на коленях хорька:

— Когда-то молодой и нахальный Сварт решил, что превзойдет Криволапа и, убежав, вскоре вернется с награбленным богатством. Тогда ему никто не мог перечить. Еще бы, ведь он считал себя всеведущим. Ха! И это все, что ты награбил за столько лет?

Сварт, если требовалось, мог быть сама любезность. Пожав плечами, он одарил Криволапа обезоруживающей улыбкой:

— Странствуя по миру, я много повидал, но постичь истинную мудрость и мужество вернулся к учителю.

Туша Криволапа сотрясалась от смеха.

— Ха-ха-ха! Хорошо, что ты еще не забыл, кто твой учитель.

Сварт подался вперед и почтительно приложил губы к задней лапе Криволапа:

— Как мог я забыть, господин? Ты научил меня всему, что я знаю. Я был молод и глуп, когда сбежал отсюда. Теперь я поумнел.

Криволап жестом велел Сварту подняться с колен:

— Рад слышать, что ты набрался ума, но не считай себя умней меня. Тот, кто так думает, долго не проживет.

Старый хорек, указав скипетром на стоявшего позади трона верзилу ласку, произнес:

— Его зовут Вург Костолом. Он охраняет меня днем и ночью. Он свернул голову не одному зверю. Взгляни!

Предводитель кивнул, и Вург подхватил и поднял трон вместе с сидящим на нем Криволапом. Казалось, без всякого усилия и напряжения. Затем по знаку Криволапа Вург медленно опустил трон на место.

— Ну, что скажешь об этом? — прохрипел старый толстяк.

Сварт, казалось, был потрясен. Ловко прикинувшись, будто у него от удивления открылся рот, он затряс головой, словно не верил своим глазам:

— Первый раз в жизни вижу такого огромного и сильного зверя. Господин, у тебя есть все — мудрость и сила, ни один зверь не посмеет на тебя посягнуть.

Наклонив голову, Криволап не сводил со Сварта испытующего взгляда.

— Тогда скажи, зачем пожаловал? — полюбопытствовал он.

Усевшись на верхнюю ступеньку подиума, Сварт произнес:

— Только затем, чтобы служить тебе, господин, верой и правдой, чтобы рассказать о богатых землях, лежащих на юго-западе. Возможно, придет день, когда ты поведешь туда свое войско.

Почесав толстой лапой брюхо, Криволап прыснул со смеху:

— Чего я там забыл? Моя земля здесь. А впрочем, ты мне нравишься, Сварт, — молодой, одержимый идеями. Итак, что же ты принес? Копье? У меня их и так хватает. Пояса? Не мой размерчик — слишком малы для меня. Чаша и вино? И вовсе никому не нужны.

— Копье — символ твоей власти, господин, — начал представлять свои подарки Сварт. — Пояса — знак моей признательности и поддержки, а вино особое, только для великих мира сего. — С этими словами он протянул флягу Криволапу.

Тот, понюхав, подозрительно ухмыльнулся:

— Сначала выпей ты, а я уж погляжу.

Сварт поднес флягу ко рту и на минуту замешкался:

— Видишь, господин, я и сейчас учусь у тебя. Если вино отравлено, тогда сейчас перед тобой будет мертвец... — И, наклонив горлышко, он сделал большой глоток. — Но только последний дурак добавит яду в такое вино. Это отменное вино, самое лучшее — вот почему я принес его тебе.

Какое-то время Криволап молча следил за Свартом, не появятся ли признаки отравления.

— Ну-ка, дай попробовать, — распорядился он. — Скажу тебе, хорошо оно или нет.

Сварт поначалу подал было флягу, но, вспомнив о хороших манерах, осекся и, налив вина в большую серебряную чашу, протянул ее Криволапу.

Поднеся ко рту чашу с вином, тот осклабился:

— А ведь я все еще за тобой наблюдаю. Как себя чувствуешь, а?

— Лучше не бывает, — усмехнулся Сварт. — Но коль ты мне еще не доверяешь, пусть отведает вина тот здоровяк.

— Ах да, мой верный Вург, поди-ка выпей.

Зажав чашу, как куриное яйцо, между двумя огромными клыками, Вург с громким чмоком опустошил ее и, передав господину, с улыбкой заключил:

— Вино что надо!

Криволап с притворным возмущением взглянул на Вурга:

— Ну! Раз хорошее, дай скорее мне.

Сварт трижды наполнял чашу, чтоб утолить жажду ненасытного Криволапа, а тот, уверовав, что юный хорек не несет угрозы для его власти, спокойно откинулся на троне.

— Ладно, ладно, теперь, Шестикогть, ступай. Пойди найди себе палатку, а завтра мы с тобой по-толкуем.

Изящно выгнув заднюю лапу, Сварт поклонился и, прежде чем выйти, произнес:

— Спокойной ночи, господин Криволап.

В легкой дымке брезжил рассвет, предвещающая погожий теплый день. Из-за крутых, поросших кустарником гор вновь донесся бой барабанов, но на этот раз крысы-гонцы не подняли тревоги, поскольку к лагерю приближался всего один зверь. То была лиса Темнуха, которой Сварт предусмотрительно велел прибыть на день позже его.

Приняв лису за колдунью, крысы решили держаться от нее подальше. А ей только этого и надо было: даром, что ли, она так вы-

рядилась? В рваных лохмотьях, вся вымазанная грязью, она несла длинную палку с привязанными к ней костями, ракушками и клочками шерсти. Заметив посыльных, она затрясла клюкой и под звяканье и бряканье ее причиндалов стала завывать:

Смертный выдох, стук костей,
Громыханье бубенца,
Принимай скорей гостей —
Темный Лес прислал гонца!

Когда крысы доставили лису в лагерь Криволапа, она отыскала глазами главный, богато украшенный шатер и устремила свои стопы к нему. Проходя мимо караульных, лиса-оборванка и вовсе превратилась в безумную: отплясывала дикий танец и предсказывала всем смерть. Опешившие звери решили пойти к начальству — пусть оно разбирается.

Сперва горностаи капитаны Зеленоклык и Агал, а также старший советник крыса Скроу внимательно выслушали гонцов и караульных. Вскоре они и сами увидели, как у шатра Криволапа пляшет лиса, крича нараспев:

От Могучего Владыки,
Что повелевает нам,
Чьи леса темны и дики,
Я пришла к твоим шатрам!

Зеленоклык был неробкого десятка. Схватив меч, он отшвырнул лису в сторону и громко рявкнул:

— Взять ее и держать под стражей! Я еще с ней разберусь.

Вскрыв входные створки шатра, он смело вошел внутрь. За ним гурьбой ринулись все офицеры.

Криволап сидел развалясь в кресле, верзила Вург — на верхней ступеньке подиума, прислонившись спиной к ножкам трона. Казалось, они мирно спали, но Скроу тотчас учуял неладное. Он приблизился к морде Криволапа, одновременно щупая запястье Вурга.

Все разъяснилось сразу.

— Они мертвы, оба! — объявил он, обернувшись к толпе и тряся головой. — Никаких признаков жизни. Кто мог это сделать?

Не задумываясь, Зеленоклык ляпнул первое, что пришло на ум:

— Вчера, когда я их оставил потолковать со Свартом, они были живы и здоровы. Надо его допросить.

Четверо вооруженных воинов притащили хорька Шестикогтя в шатер. Он вырывался и кричал:

— Лапы прочь, не то шкуру сдеру!

— Скажи, Сварт, — обратился к нему Зеленоклык официальным тоном, — что тут стряслось вчера, когда ты остался наедине с Криволапом и Вургом?

— Я изволил преподнести Криволапу подарки, — насмехаясь над официальностью капитана, ответил Сварт, — а он сказал, что возьмет меня в свои ряды капитаном, вот и все.

Скроу поднял то, что Сварт назвал подарками, — копье, пояса и вино. Встряхнул флягу: внутри еще что-то плескалось.

— Вино ты тоже принес в подарок? Господин его пил?

— Конечно пил, — с гордостью ухмыльнулся Сварт.
— И ты тоже?
— Нет. Невежливо принести в дар вино и самому его пить.

— А Вург?

— Нет, Криволап сказал, что вино слишком хорошо для такого олуха, как он, и пил его один, — солгал Сварт.

Покачивая головой и мрачно улыбаясь, Скроу протянул хорьку флягу:

— Я полагаю, вино отравлено. Если нет, докажи — сделай глоток.

Сварт схватил флягу и осушил ее до дна.

— Чего еще от меня надобно, крыса? — с издевкой осведомился он.

Зеленоклык в ярости вырвал у Сварта флягу и, швырнув ее прочь, заорал:

— Скажи сперва, зачем ты сюда притащился?

Сварт заговорил громко, чтобы его услышала собравшаяся у шатра толпа:

— Идти сюда мне не было нужды. В своей банде я жил припеваючи. Но однажды приснился мне сон. Явился ко мне Криволап и стал просить прийти к нему, дескать, ему нужна моя помощь.

Зеленоклык презрительно скривил рот:

— Знакомая история. Привести лису!

Несколько солдат, тыча лису со всех сторон копиями, лишь бы самим к ней не приближаться, затолкали ее в шатер.

— Видал ее когда-нибудь? — спросил Зеленоклык Сварта.

— А как же, во сне видел не один раз.

— Брось ты нести чушь! — отрезал Зеленоклык, разъяренно шагая по ступенькам подиума.

Лиса угрожающе затрясла клюкой:

— Грешно глумиться над тем, чего не понимаешь. О смерти Криволапа я узнала задолго до того, как пришла сюда. Я вестник Смерти и Судьбы. Мне говорят об этом звезды, ветер, а также многие глаза.

Терпение Зеленоклыка было на исходе. Схватив меч, он бросился к лисе, но Скроу отстранил меч горностая:

— Лиса — вещунья. Такие таланты грех губить.

— Вещунья, как же! — злорадно ухмыльнулся Зеленоклык, с недовольной физиономией вкладывая меч в ножны. — Ну-ка поведай нам, что тебе при-
виделось, лиса?

Темнуха яростно затрясла клюкой, кости и ракушки зловеще забрякали. Закрыв глаза, лиса возопила:

Без славной добычи у нас ни один
Не будет, пока Шестикогть — Господин.

Капитан рассвирепел. Он обернулся к Сварту, но тот опередил его: выхватил у Агала резное копьё и вонзил его в горностая.

Темнуха продолжала вещать нараспев:

Всяк, кто супротив Шестикогтя пойдёт,
Тропу в Темный Лес непременно найдет.

Сварт Шестикогть торжественно вышел вперед. Обняв обеими лапами лисью голову и глядя ей прямо в глаза, он произнес:

— Отныне ты будешь моими глазами, будешь следить, чтобы ни один зверь не затаил против меня дурных намерений.

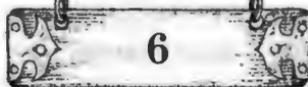
И стал Сварт Шестикоготь предводителем большого войска, что стоило ему всего лишь нескольких даров: двух поясов, копья, фляги хорошего вина и еще одной вещицы — серебряной чаши, которая внутри и по ободку была вымазана смертельным ядом.

Все войско собралось вокруг небольшого холма, где новый предводитель собрался известить о своих планах. Сварт покрыл зеленой и пурпурной краской полосы на морде и освежил кроваво-красный цвет клыков. По его команде два десятка стрелков выпустили горящие стрелы по главному шатру, где до сих пор находились трупы Криволапа и Вурга.

В глазах Сварта плясали отблески пламени, и он, подняв вверх, чтобы видели все, шестипалую лапу, сказал:

— Шестикоготь — вот что вы должны зарубить себе на носу. Больше вам не придется валяться без дела под солнышком. Снимайте палатки и собирайтесь в путь: мы отправляемся в благодатные земли юго-запада. Еда, добыча, пленники. Все у вас будет, если последуете за мной в эти теплые края. За Свартом Шестикогтем!

Нрошел год. Цветущая весна уступила место щедрому лету. После долгой работы в огороде Блик Булава выпрямился и слегка прогнул спину. Поблизости резвились кротята Нили и Подд. Барсук окинул взором ровные грядки, которые вспахал прошлой осенью, расчистив землю от кустарника и камня. Теперь меж горами посреди леса расцвел громадный сад. Там росли яблони, сливы, груши и даже два конских каштана.

Подхватив малышей кротят, Блик усадил их в корзину поверх собранных ими овощей.

Одним махом перекинул ее через плечо и направился к пещере, в которой обитал кротово-ежовый клан.

На скале над самым входом в пещеру сидел и грелся на солнышке Скарлет, он взмахом крыла поприветствовал вернувшегося Блика.

После обеда, приготовленного добрыми хозяйками Милой и Лули, на лужайке у пещеры отдыхали старшие члены семейств, наблюдая за тем, как играют дети. Скарлет улетел на разведку окрестностей, пообещав вернуться к ужину. Удобно растянувшись на траве и прислонившись спиной к нагретым солнцем камням, Блик смотрел, как малыши, ухватившись с двух сторон, пытаются поднять его булаву.

Сидевший с ним рядом Тори невольно улыбнулся бесплодным стараниям детей:

— Да, пройдет еще не один год, прежде чем они возьмут в лапы такую штуковину.

— Поверь мне, Тори, — Блик затряс могучей головой, — учить детенышей военному ремеслу — значит лишать их счастливой юности, они слишком быстро станут взрослыми. Так было со мной. Мир — это величайшая ценность.

— Ты принес его в наши семьи. — Тори похлопал барсука по лапе. — Если тебе и впрямь здесь хорошо, наш дом будет твоим домом.

До чего заманчивым было это предложение! Блик вспомнил о выращенном им огороде и пещере, которая с его помощью стала шире и удобнее. Как улаждали его взор смеющиеся и кувыркающиеся под полуденным солнцем малыши! Старшие члены

семейств, в том числе тетя Умма и дядя Блун, жившие в любви и согласии, были неразлучны и в будни, и в праздники. Их простая жизнь пришлась по вкусу и преданному другу бурсука Скарлету, и тот с радостью ее постигал. Не жизнь, а мечта! Но Блик знал, что долго так продолжаться не может.

— Послушай, если я останусь здесь, то могу навлечь на вас большую беду и даже смерть. Помнишь, я говорил тебе о Сварте Шестикогте, злом хорьке? Если я здесь останусь, в один прекрасный день он заявится сюда вместе со своей бандой. А если нет, то я сам буду искать с ним встречи. Мы с ним заклятые враги. И еще мне снятся удивительные сны. Я часто вижу гору в огненной дымке и слышу странные, зовущие меня голоса барсуков, великих воинов, чьи имена мне неизвестны. Зачем я должен идти к той горе, где она и как называется, я не знаю. В одном я уверен — с ней связаны моя жизнь и судьба. Одним прекрасным утром ты можешь меня здесь больше не увидеть. Это, Тори, неотвратимо, как смена времен года.

Стараясь не выказать печали и разочарования, Тори тихо проговорил:

— Я знал это давно. Предчувствовал, когда смотрел тебе в глаза. Обещай мне одно, что не уйдешь не попрощавшись.

— Обещаю, Тори Лингл, я не уйду не попрощавшись.

После этого нелегкого разговора Блик отправился к ручью и, свесив лапы в теплую воду, старался вникнуть в суть загадочной песенки:

Жалко, в лапах не песок, что на юг и запад,
На подушке свет луны и далекий запах...

Голос Бруфа Дуббо прервал его размышления:

— Не знаешь, куда... это самое... могли запропас-
титься двое ежат, Гурмил и Тирг?

Блик вытер задние лапы о траву.

— Не видал их с самого обеда. А что?

Бруф почесал копытальной лапой затылок:

— Похоже, они это... потерялись!

Дома, в пещере, Мила старалась разузнать у дру-
гих детей о своих сыновьях, но все безуспешно. Гур-
мил и Тирг были совсем крошки. Их сестренки Бит-
ти и Гиллер все это время играли с кротятами Нили
и Подд, и никто не заметил, когда исчезли ежата, —
дети есть дети.

Мила была не на шутку встревожена и умоляю-
щими глазами смотрела на Блика.

Тот нежно погладил ее по колючей голове, исходя-
щее от барсука тепло вселяло в ежиху спокойствие.

— Не волнуйся, я их найду. Тори, иди в обход
на восток. А ты, Бруф, двигайся по большому кругу
на запад. Я же буду держать курс прямо на юг.
Встретимся на большой просеке у пруда — вы это
место знаете.

Блик двигался не совсем на юг. С огромной була-
вой, перекинутой через плечо, он стремительно шел
вперед, рыская глазами повсюду в поисках хоть ка-
ких-нибудь следов.

Наконец он кое-что заметил. Крошки от смороди-
ново-яблочного пирога, — стало быть, дети шли этим

путем и направлялись к югу. Пролетел черный дрозд, держа в клюве кусочек сыру. Блик прибавил шагу. Не иначе как Гурмил и Тирг где-то рядом.

Вдруг он услышал детские крики и вопли. Ломая по дороге кусты и сучья, барсук выскочил на поляну, где условился встретиться с Бруфом и Тори. Один беглый взгляд — и он понял: вот-вот стряется беда. В пруду, который раскинулся в конце поляны, по плечи в воде стояли двое ежат; насмерть перепуганные, они прижались друг к другу, не в силах произнести ни звука. Вокруг в панике носились Тори с Бруфом и с ними — старик белка. Угрожающе вздыбив голову, две здоровенные, клубком свернувшиеся у самого края воды гадюки преграждали беднягам путь к детям. Змеи не успели заметить Блика, и он мгновенно замедлил шаг, подав друзьям знак, чтобы те не выдали его присутствия взглядом.

Как ни напуган был Тори Лингл, но за своих ежат был готов пожертвовать жизнью. Он хватал все, что попадалось ему на глаза — прутья, землю, траву, — и швырял в громадных чешуйчатых тварей, крича дрожащим от страха голосом:

— Прочь от моих маленьких деток, ползучее отродье! Только попробуйте подойти к ним! Гурмил, Тирг, стойте в воде и не двигайтесь!

Его поддержал старик белка. Не иначе как змеи давно были ему знакомы и ненавистны.

— Ках, прочь от малышей, бессердечные твари! — кричал он им.

Пока одна змея стращала собравшихся на берегу, вторая начала медленно скользить по воде, направ-

ляясь к малышам. Ее глаза обжигали жестоким холодом, рассеченный надвое язык трепетал:

— Вон отсюда, иначе вам смерть!

Тут Блик взялся за дело. Отшвырнув в сторону булаву, он бросился в пруд с противоположной стороны и по мелководью напрямик стал пробираться к ежатам. Гадюка припустила что было сил, но куда ей было сравниться с барсуком, в котором разыгралась кровь бойца. Одним махом выхватив у нее изпод носа малышей, он опрометью ринулся к берегу. Мелькая во взбаламученной воде, гадюка гналась за Бликом, который, поднимая фонтаны брызг, пробиравал себе путь среди камыша и ряски. Тем временем вторая змея, извиваясь, помчалась во всю прыть встретить барсука у берега.

Блик выскочил из воды и опустил малышей на сухую травку. Те оцетинились и, едва касаясь земли, покатались прочь, как два одинаковых мячика. Блик обернулся как раз в тот момент, когда из воды показалась змея и впилась ему в бок острыми ядовитыми зубами. Вторая же ползучая тварь принялась оплетать заднюю лапу барсука. Громко взвывая, Блик схватил укусившую его гадюку за голову и швырнул в воду, тем временем вторая еще сильнее обвивалась вокруг его лапы. Бруф и старик белка, не в силах ему помочь, громко кричали от ужаса.

Блик вошел в воду, глубже и глубже, пока вода не дошла ему до плеч. Почувствовав, что змея отпустила его лапу, он, прежде чем вцепиться ей в голову когтями и удержаться на дне пруда, несколько раз ее сильно придавил. Другая тварь, хлестнув его

дважды по боку и по спине, скользя по воде, бросилась наутек. Поймав ее за хвост, Блик принялся вертеть ею над головой, будто плетью, раскручивая сильнее и сильнее, так что даже на берегу было слышно, с каким свистом она рассекает воздух. Словно стрела, выпущенная из лука, гадюка взлетела высоко в воздух. Тори взглянул вверх и увидел, как она плюхнулась на вязовый сук. Там она и осталась навечно висеть, подобно мокрой веревке.

Блик еще долго продолжал давить другую змею под водой, пока трепыхания твари не стихли. Когда схватка была закончена, он медленно побрел к берегу; бок и спина у него ныли от боли. С грехом пополам он доковылял до мелководья, откуда друзья помогли ему выбраться на сушу.

Блик без сил рухнул на землю. Старик белка взял лапами барсука за голову и быстро выкрикнул:

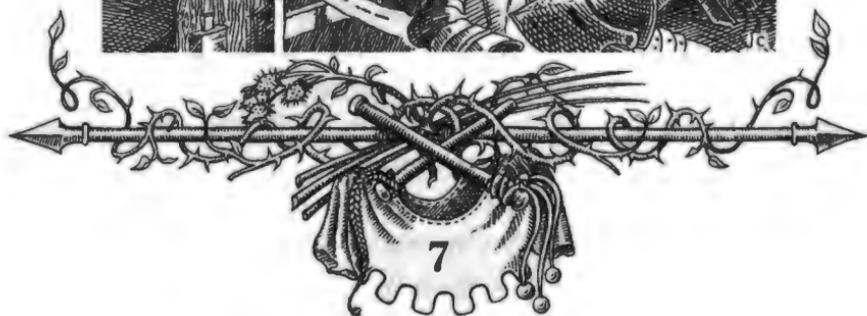
— Куда она тебя укусила?

Блик погружался в черную бездну, слова едва доходили до его сознания. Собравшись с последними силами, он выдал:

— Укусила... дважды... в бок... и в спину.

С этими словами Блик Булава провалился во тьму.

Тот пустынный край под безжалостным солнцем являл собой удручающую картину: засуха редко где пощадила кустарник или раkitник.

Дела у Сварта Шестикогтя складывались далеко не лучшим образом. Сидя в палатке, хорек размышлял, что делать дальше: слишком много солдат и слишком мало пищи и воды, а самое страшное то, что они заблудились. Его огромное войско начало роптать. Одни хотели идти за обещанными богатства-

ми, другие не прочь были остаться на прежнем месте, где всегда были в достатке вода, растительная пища, птицы и яйца. К тому же возникли непредвиденные проблемы с женами и детьми воинов, которым тоже пришлось срываться с насиженных мест.

Подчас Сварту казалось, что он не возглавляет войско, а лишь сопровождает его великое переселение. Мало того, теперь, как выяснилось, у него появилась жена — дочь Криволапа, о существовании которой он ни сном ни духом не ведал. По неписаному закону ей полагалось стать женой нового предводителя. Голубика, как ее звали, была довольно милой и кроткой. И как только мерзкий толстяк Криволап умудрился произвести на свет такое прелестное создание, удивлялся про себя Сварт. Зная крутой нрав предводителей и то, как сильно их порой обуревают гнев, Голубика никогда не вмешивалась в дела отца, а теперь и в дела мужа.

Но Сварту было не до жены. Он ломал голову над тем, как выбраться из тяжелого положения, в которое попала его армия. То, что они блуждают по пустыне, ни для кого уже не составляло секрета. Сварт был уверен, что лиса Темнуха неверно рассчитала путь. Три дня назад, вызвав виновницу всех бед к себе и разделив ее под орех, он отправил ее на поиски воды, пищи и дороги, ведущей на юго-запад. Для пущей уверенности он дал ей в помощники двух разбойников ласок — Твердозада и Марбула. Тщеславные, беспощадные и хладнокровные убий-

цы, они были в самый раз для его тайных поручений.

Сидя в палатке, Сварт слышал, как войско разбивает лагерь. Когда ночная прохлада слегка остудит землю, поутру они вновь продолжают путь. В палатку Сварта тихо проскользнула Голубика, положила с ним рядом флягу и поспешно удалилась. Казалось, Сварт даже не заметил ее появления, он молча вытащил пробку из фляги и сделал глоток. Скорчив гримасу, он тотчас выплюнул солонатовую на вкус воду, и плевков угодил прямо на лапу Траттака, которого в это мгновение угораздило войти в палатку.

— Закрой полог! — рявкнул хорек. — Не хочу, чтобы тебя застукали во время донесения. Они все еще там?

Траттак повиновался:

— Господин, все, как ты сказал. Их двое — хорек капитан Вилдаг и его подлипала крыса Сальнохвост. Я опивался поблизости, пока они ходили из палатки в палатку и шушукались о тебе.

Сварт отшвырнул флягу с водой и сел.

— Скажи, что они говорили? Ну же, не бойся.

Тяжело сглотнув, доносчик приблизился вплотную к своему господину.

— Они говорили, что из-за тебя войско заблудилось и что ты не знаешь дороги, — понизив голос, с расстановками произнес он. — Еще они говорили, что ты никудышный предводитель, досыта жрешь и пьешь, а доблестные воины страдают от голода и жажды... и...

— Ну, договаривай, что еще? — понимающе кивнул ему Сварт. — Я же знаю, что это их слова, а не твои.

Еще более доверительным тоном Траттак добавил:

— Они сказали, что нужно всадить кинжал тебе между ребер — и дело с концом. Тогда они преспокойненько вернутся в свои скалистые горы и будут жить припеваючи. На сходке были все капитаны.

Заметив, что Траттак пожирает глазами флягу, Сварт по-дружески похлопал его по плечу.

— Ты славно поработал, — произнес предводитель. — Возьми, если хочешь пить, — это не хорошее вино, а грязная вода, но ею можно смочить горло. Как только появится лиса, сразу ее ко мне.

Лиса вернулась с наступлением сумерек. Темнуха оставила сопровождавших ее зверей по другую сторону палатки, а сама вошла, чтобы доложить о своем приходе.

Увидев перед собой принесенный лисой чем-то набитый мешок, Сварт поднял глаза.

— Для тебя будет лучше, если новости окажутся утешительными. Говори, лиса! — прорычал он.

Слова полились из уст лисицы, точно вода из кувшина:

— Хорошие вести, господин. Я нашла дорогу на юго-запад. Через два дня нас ждут широкий ручей с чистой водой, тенистые рощи и зеленые холмы. Там есть пища — рыба, птицы и фрукты. Гляди!

Темнуха вытряхнула мешок, и оттуда посыпались клубни и коренья, пара румяных яблок и в придачу мертвая птица, которую лиса протянула Сварту.

Надкусив яблоко, Сварт перевернул мертвую птицу концом меча и с отвращением затряс головой:

— Это же ворона, и к тому же старая! Хочешь меня отравить?

Не дождавшись ответа, Сварт засунул мертвую ворону обратно в мешок и злорадно ухмыльнулся:

— Ладно, пригодится этой ночью. Теперь мы, по крайней мере, знаем дорогу. Завтра мы двинемся в путь вдвое быстрее прежнего. Ласок пришли ко мне.

Тщедушный хорек Вилдаг и обрюзгий, толстый Сальнохвост стояли лицом к собравшимся на краю лагеря капитанам и солдатам, недовольным предводительством Сварта. Все вместе они представляли собой весьма внушительное зрелище, лица говорящих мерцали в свете горящего костра.

— Итак, братва, — говорил Вилдаг, которому подкивал Сальнохвост, — как мы дошли до того, что заблудились и стали голодать?

— Что правда — то правда: вокруг хоть шаром покати — только ветер да песок, — раздался голос из толпы. — Одно утешает: раз мы голодаем, значит, и Сварт тоже.

— Это Шестикоготь голодает? — Вилдаг негодуяще махнул лапой и затряс головой. — Как бы не так! Скажи им, Сальнохвост!

— Я видел, как лиса сегодня вечером прокрасалась в лагерь. И напрямик с мешком еды в палатку Сварта!

Вилдаг жестом утихомирил разбушевавшуюся от возмущения толпу:

— Слыхали, друзья, мешок еды! Бьюсь об заклад, подонок сейчас сидит в своей конуре, пьет вино и набивает свое ненасытное брюхо жареной уткой.

Поднялся шум, и вдруг в воздух взлетел мешок и угодил прямо в морду Вилдага. Тот, разъярившись, схватил мешок и затряс им перед собравшимися.

— Кто это бросил?! — взревел он.

К костру подошел Сварт, его раскрашенную морду и отливающие краснотой клыки ярко озарили языки пламени. В воздухе повисла гнетущая тишина. Равнодушно и непринужденно Сварт подмигнул двум бунтовщикам и потер лапы, грея их у костра.

— Солнце село, и похолодало. Что, Вилдаг, продрог? Иль, может, проголодался?

Капитан нутром почуял, что вот-вот стрясется неладное. Сальнохвост попятился назад.

Сварт продолжал говорить с несостоявшимися мятежниками тем же благовоспитанным тоном:

— Болтают, будто мы заплутали. Это ж какой предводитель позволил бы своему войску заблудиться, зная, что всего в двух днях пути отсюда есть широкая река со свежей водой, пища, фруктовые деревья? В этом вы убедитесь сами. — Он поднял мешок и обернулся к хорьку-капитану: — А ты,

друг мой, думаю, был не прав, когда говорил, что я пью вино и ем жареную утку. Я ем только то, что есть у каждого из вас.

Из уст Вилдага сорвался стон, губы его задрожали. Сварт успокаивающе похлопал его по плечу:

— Старина Сварт ценит своих воинов. Я бы охотно разделил с тобой ужин, но, чтобы убедить тебя в моей преданности, отдам все целиком.

Дружески улыбаясь Вилдагу, он выудил мертвую ворону из мешка:

— Как видишь, это не жареная утка, но уж не обессудь. — И, вцепившись когтями в ухо Сальнохвоста, Сварт потянул его взглянуть на труп вороны. — Возьми это, дружок. А сам ты ничего не хочешь?

— Нет, господин, — жалобно взвыл Сальнохвост, — я не голоден!

Собравшиеся, мягко говоря, не отличались преданностью и, разобравшись, к чему клонит Сварт, стали посмеиваться. Размахивая перед носом крысы увечной лапой, Сварт твердо заявил:

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас скормил своему другу Вилдагу все это — мясо, кости, клюв, когти и перья. Все без остатка. Пусть Вилдаг знает, что я не только делю с ним свой ужин, но от чистого сердца отдаю весь целиком.

Не знавшие жалости разбойники разразились громом смеха, когда Вилдага поволокли, чтобы накормить жутким ужином. Взмахом лапы Сварт утихомирил их:

— А я иду к себе. И буду есть вместе с остальными дня через два или чуть раньше, если мы при-

бавим шагу. И знайте, я лично готов выслушать все ваши жалобы.

Предводитель скрылся во тьме, и еще долго не смолкал гул одобрения. Сварт ухмыльнулся. Войско вновь было на его стороне.

На следующее утро Сварт ожидал, пока свернут палатки и раздадут остаток продовольствия. Затем он обратился к воинам с речью. Легкий ветерок развеивал знамя, барабаны били не умолкая до тех пор, пока вся армия не собралась наконец вокруг своего вождя. Сварт знал, что его власть держится на страхе. Он не стремился к привязанности и дружбе, на которые, по его разумению, были падки лишь слабаки. Уважение и преданность — вот что ему было нужно. А завоевываются они только страхом! И утром на глазах всего войска он доказал это.

Перепуганный до смерти Сальнохвост, оказавшись в окружении Твердозада и Марбула, припал к земле.

— Что-то не видать нигде капитана Вилдага. Куда он подевался? — спросил Сварт.

Вместо трепещущего от страха Сальнохвоста ответил Марбул:

— Вилдаг мертв, господин.

Морда Сварта искажилась в гримасе притворного сострадания и изумления.

— Мертв? Как же это? — осведомился он.

Твердозад с презрением пнул в бок дрожащего Сальнохвоста:

— Этот безмозглый болван скормил ему мертвую ворону. Целиком — вместе с клювом, когтями и перьями. Бедняга Вилдаг подавился.

— Да неужто? — Сварт покачал головой, будто не верил своим ушам. — За убийство капитана Вилдага виновник жестоко заплатит!

Сальнохвост всхлипывающим голосом запротестовал:

— Но, господин, ты же сам велел мне накормить Вилдага этой птицей. Я лишь выполнил приказ.

Скованной металлом лапой Сварт осуждающе указал на несчастную крысу:

— Ты лжешь! Я не приказывал тебе убивать Вилдага, я просил лишь накормить его. За убийство полагается смертная казнь.

Взвизгнув, Сальнохвост пал ниц перед предводителем:

— Нет, повелитель, умоляю тебя! Пощади меня, Шестикогты!

Повернувшись к крысе спиной, Сварт кивком велел Твердозаду и Марбулу привести приказ в исполнение. Кинжалы убийц тотчас блеснули в лучах утреннего солнца. Сварт, не удостоив мертвую крысу взгляда, вновь обернулся к войску. Над могучей армией нависла гнетущая тишина.

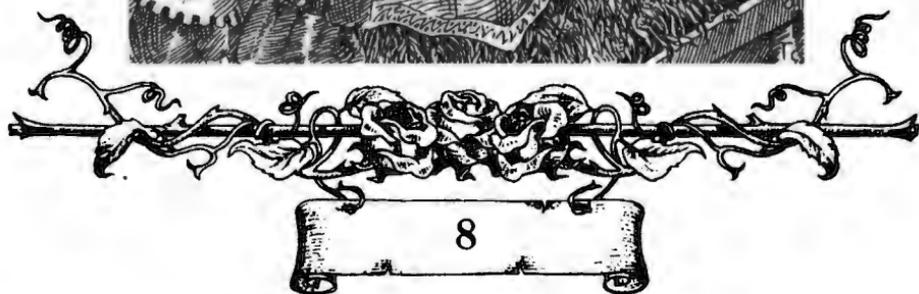
С жестоким хладнокровием Сварт обратился к замершей от страха толпе:

— Сальнохвост получил урок. И Вилдаг тоже. Я все вижу, все знаю, все слышу! Взгляните на любого стоящего рядом с вами — он может быть моим осведомителем. Вы должны помнить это всегда. Не пытайтесь скрыть ваши мысли, лиса-прорицательница Темнуха прочтает их с закрытыми глазами. Слушайте вы, заморыши, жалкое отродье! Вы теперь

все в моей власти до самой смерти! Криволап был властелином бесплодных восточных земель. Я же буду властелином всей страны. Если я прикажу идти, голодать, воевать, умирать — вы исполните все беспрекословно. Это касается каждого воина, а также жен и детей. Зарубите себе на носу: отставших не будет — либо держаться вместе со всеми, либо смерть.

Ударили барабаны, и войско двинулось в путь вдвое быстрее обычного. Колонну возглавлял Сварт, рядом с ним, указывая путь, шла Темнуха. По дороге усталые воины бросали тяжелую кухонную утварь и громоздкие вещи, лишь бы не оказаться позади колонны. Страшный урок был усвоен, и к имени Сварта с тех пор стали добавлять прозвище Беспощадный.

Высоко над клубами пыли, поднятой полчищами Сварта, там, куда не долетит ни камень, ни стрела, парили четыре вороны — четыре темных пятнышка в небе. Две птицы свернули на юг, а две другие продолжали следовать за войском. Подхваченная потоком горячего воздуха, первая пара ворон вскоре покинула безжизненную пустошь и к полудню добралась до холмистых плодородных земель. Там вороны приземлились в сосновой рощице.

Кракулат, вождь Вороньего Братства, сидел, как истукан, на сосновом пне. Он тосковал по своей матери, и никто не осмеливался приблизиться к нему. Вороны-разведчики остановились на почтительном расстоянии, выжидая, пока к ним доковыляет жена вождя, Костоклюва.

— Завтра, когда солнце поднимется высоко, здесь будет тьма хищников.

— Яаагаа! — обратилась Костоклюва к мужу. — Слышал? Те, кто убил твою мать, направляются в наши края.

От гнева налившиеся кровью глаза Кракулата выкатились наружу, он вонзил когти в сосновый пенёк и, предвкушая расплату, огласил рощу хриплым криком:

— Завтра хищникам не поздоровится! Это сказал Кракулат!

Роща задрожала от карканья — сотни ворон подняли дикий гвалт. Кракулат, переливаясь великолепным иссиня-черным оперением, взмахнул воинственным клювом, словно готовился к предстоящему бою, и пронзительно крикнул:

— Каррраааа! Нашим птенцам будет чем поживиться на заре, когда солнце осветит останки тех, кто погубил мою мать!

Блик Булава увидел ворота Темного Леса. Он прилег отдохнуть, как вдруг окутанные туманом деревянные створки стали медленно, без единого скрипа открываться. Блика неумолимо влекло туда, и он не хотел, был не в силах противиться; даже жгучая боль отступила перед необоримым желанием войти и отдох-

хнуть в Темном Лесу. За распахнутыми воротами стояли два вооруженных до зубов барсука. У одного был меч, у другого — обоюдоострая алебарда. Вскоре к ним подошел третий. В простом одеянии и без оружия, он приветливо улыбнулся Блику.

— Мой маленький Блик, узнаешь меня? — спросил он.

Слезы хлынули из глаз Блика, и, улыбнувшись в ответ, он произнес:

— Отец!

— Да, сынок, это я, муж твоей матери Беллы. А эти барсуки — наши предки: Вепрь Боец, твой дед, и старик Броктри, твой прадед. Послушай их, они пришли сообщить тебе нечто важное.

Вепрь Боец и старый Броктри, преградив вход мечом и топором, заговорили в один голос:

— Тебе, владыка, сюда нельзя!

Печаль тяжело легла на сердце Блика. Он так хотел воссоединиться со своими родными, хотел, чтобы они его взяли с собой! Но он был беспомощен и одинок!

— Отчего мне нельзя войти, ведь я так устал и хочу спать? И почему вы называете меня владыкой? — осведомился он.

И вновь замогильным голосом барсуки протрубили:

— Прежде чем войти сюда, тебе предстоит прожить долгие годы. Не сдавайся, вставай, тебя ждет гора! Ей нужен владыка барсук.

На лужайке под ласковым солнышком резвились дети кротов и ежей. Не подозревая, как близок был

Блик к смерти, они выдумали новую игру — спасение от гадюк. Малыши визжали, орали и носились что было сил.

Порывшись в кармане фартука, Мила Лингл достала несколько кусочков яблочного пирога и отдала их детям со словами:

— Наш барсук очень болен. Если вы будете вести себя тихо, он обязательно поправится.

Дети сели на травку и стали есть пирог, поглядывая друг на друга.

— Ты слишком громко жуешь, Гурми!

— Разве я виноват, что мне попался такой шумный кусок?

— Урр, тогда рот... это самое... держи на замке!

— Тогда я не смогу говорить!

— Вот и хорошо, значит, будет тихо, урр!

В пещере завтракали овсяными лепешками с мятым чаем. Все ели молча, то и дело поглядывая на барсука. Он лежал на постели, сделанной из тростника и душистой сухой травы, в изголовье сидел Скарлет. Два дня и две ночи сокол не отходил от больного друга ни на шаг.

Сзади подошла Мила и осторожно потормошила Скарлета:

— Поешь немного, сокол, как бы нам не пришлось выхаживать и тебя.

Скарлет покорно последовал совету ежихи и присоединился к общему столу.

Блик тихо застонал и попытался перевернуться. К нему тотчас подскочил Вязник и смочил горячий лоб примочкой из щавелевых листьев. Затем, попра-

вив припарки, которые были приложены к ранам больного, он сказал:

— Надеюсь, он будет жить. Впервые вижу такого сильного зверя. Еще никто не выживал после укуса гадюки.

Только теперь, когда барсук мирно спал, все остальные могли сами вздремнуть. Уставшие взрослые и дети пригрелись под лучами утреннего солнца и заснули прямо на лужайке.

Однако Гурмил и Тирг спать целый день были не намерены. Они проснулись около полудня и, весело перешептываясь, прошмыгнули мимо взрослых в пещеру. Чуть позже к ним присоединились другие малыши.

Каждый из малышей хотел ухаживать за Бликом, и после недолгого спора было решено спеть любимую песенку героя.

Вдруг во сне Блик увидел, что Темный Лес куда-то исчез. Теперь барсук шел по залитым солнечным светом лугам и цветущим холмам. Он прилег под сенью огромного дуба и посмотрел на небо. На него легла чья-то тень, и он в удивлении раскрыл глаза: в жизни не видел он такой красоты. Перед ним стояла барсучиха, наделенная мудростью веков и безмятежностью тихого озера на рассвете. Сердце ему подсказало, что это Белла, его мать. В эту минуту он ощутил одновременно радость и печаль, жгучую тоску и успокоение. С нежной улыбкой барсучиха погладила его золоченую голову и запела:

Жалко, в лапах не песок, что на юг и запад,
На подушке свет луны и далеский запах,
Жалко, на песке нет лап, чайки над прибором,

Все уходят от меня, глазки мы закроем.
Пусть опасности грозят нам со всех сторон,
Гору дальнюю пойдем...

— Саламандастрон, — докончил Блик песенку.

Спящие на лужайке звери, будто перепуганные громом, разом проснулись, вскочили, как по сигналу, и, услышав доносившееся из пещеры дикое рычание, ошетинились. Скарлет, взвизгнув от испуга, стрелой взмыл в воздух; малыши, визжа, кубарем выкатились из пещеры, и тут во второй раз раздался оглушительный крик:

— Эулалиаааааааа! Саламандастрон!

Слегка пошатываясь, барсук взял грабовую булаву и показался на солнечной лужайке. Из его огромных темных глаз ручьем катились слезы, но он улыбался. Отбросив в сторону булаву, он обеими лапами подхватил остолебеневших детей и еще раз выкрикнул:

— Саламандастрон!

В пещере допоздна ярко горел огонь — домашний праздник был в полном разгаре. Из котла разносился такой аромат тушеных овощей, что у всех текли слюнки и каждый мечтал съесть не одну и не две порции, а барсук — не меньше четырех-пяти. За стаканом клубничного вина Блик пересказывал свой сон снова и снова. Когда он стал повторять историю в очередной раз, Тори невольно улыбнулся:

— Блик, я не посмеиваюсь, а радуюсь за тебя. Ты видел своих предков, узнал, кто они

и как их зовут. Теперь ты знаешь, откуда ты родом. Саламандастрон! Ну и названьице! Кто только такое выдумал!

Постукивая богатырской лапой по столу, барсук принялся опять за свое:

— Я уже вам говорил, что, когда песенку запела мама, я сразу вспомнил про Саламандастрон.

Гурмил взобрался на стол и без приглашения стал уплетать летний пудинг из тарелки Блика:

— Ха-ха, твоя мама не знала бы слов песни, если бы мы ее не запели.

— Это верно, дружок. — Барсук погладил по мягким иголкам детскую голову. — Я бы не пришел в себя, если бы не вы, мои маленькие друзья.

Подд тщательно облизывала ложку:

— Урр, все-таки хорошо, что тебя... это самое... укусила змея!

Детская непосредственность слегка озадачила барсука, остальные же, оценив невинное замечание ребенка, попросту покатались со смеху. Отсмеявшись, старый Блун стукнул чашей по столу и запел любимую песню малышей:

Знавал я когда-то обжору крота,
Он пищу не мог пропустить мимо рта,
Ужасны размеры его живота —
Не сыщешь таких в нашей чаше!

Еду непрерывно жевал толстобрюх,
От перееданья он дико опух,
Но мимо не мог пропустить даже мух —
И все пожирал в нашей чаше.

Однажды лежал он, изжогой томим,
Из Темного Леса явились за ним,
И он оказался под небом чужим —
В ужасной той сумрачной чаще.

Но мертвый народ на него заорал:
«Обжора, ты наши Ворота сожрал!
Нам на дух не нужно таких объедал —
Обратно ступай в свою чашу!»

«Сожрал я немало плодов и корней, —
Крот молвил, — грибов, лопухов, ревеней,
Но ваших Ворот ничего нет вкусней —
И я ворочусь в вашу чашу!»

Веселье с песнями и танцами продолжалось еще долго, пока детей не сморил сон и их не отправили в постель. Когда все стихло, Тори Лингл грустно произнес:
— Итак, Блик, ты скоро нас покинешь?

Барсук медленно кивнул своей золоченой головой:
— Да, Тори, я отправляюсь завтра за час до рассвета.

Скарлет спорхнул с выступа, на котором обычно любил сидеть:

— Завтра наступают осенние дни. Я ненадолго останусь здесь, с друзьями, пока не выстоится сыр. Время от времени я буду совершать разведывательные полеты и смотреть, не появился ли где Сварт Шестикоготь, а также не упускать из виду тебя, Блик.

Блик на прощание слегка скользнул лапой по темно-фиолетовой спине Скарлета:

— О таком друге, как ты, мой сокол, можно только мечтать. — Голос барсука заметно дрожал.

Лули, стесняясь своих чувств, прикрыла лицо фартуком:

— Я... это самое... соберу тебе в дорогу поесть, чтобы не пришлось в пути голодать, и, глядишь, когда-нибудь вспомнишь о нас.

Растроганные прощанием Лули и Мила поспешно удалились. Блик протянул обе лапы Тори и Бруфу, и те крепко их пожали.

— Ну, тепер идите спать, — произнес Блик. — Я обещал, что не уйду не попрощавшись. Поэтому говорю вам до свидания, Тори Лингл и Бруф Дуббо.

Вытерев слезы, крот и еж отправились спать.

За час до рассвета Блик взял булаву, мешок с провизией и, не оглядываясь, тихо вышел; так начались его скитания в поисках заветной горы. Вдруг у выхода из пещеры он услышал какой-то шум. Прокравшийся к нему на цыпочках, Вязник держал лапу у губ, призывая к молчанию. Барсук понимающе кивнул, и они вместе скрылись в лесу, направляясь на юго-запад. Ни один лесной зверь не издал звука, пока они, пробираясь по кустам и подлеску, не дошли до небольшого холма. На востоке сквозь голубую дымку горизонта показались первые желто-лиловые лучи; лесные голуби и дрозды начинали возвещать о рассвете; зеленая, напоенная росой земля пребывала в сладостном умиротворении.

Вязник остановился и, схватив сильную лапу своего спутника, крепко ее стиснул:

— Дальше наши дороги расходятся. Я не хотел, чтобы ты покидал дом друзей в одиночестве.

Блик осторожно пожал лапу Вязника:

— Спасибо, друг мой, я тебе обязан жизнью. Но куда ты держишь путь? Какой тропой пойдешь?

Посмотрев назад, Вязник улыбнулся:

— Дни странствий для меня остались в прошлом. Я возвращаюсь в пещеру, где буду жить в мире и достатке с невинными семействами кротов и ежей. Мне думается, что мой опыт в некоторых делах им пригодится. Так что, Блик, будь спокоен, мы с соколом позаботимся о наших друзьях.

Барсук в знак признательности коснулся золотой отметины на челе:

— Ты добрый зверь. Ты облегчил мне сердце, сказав, что семьи Бруфа и Тори обрели защитника в твоём лице. Я чувствую, что мы ещё встретимся. Если тебе будет нужна моя помощь, пошли за мной Скарлета. До свидания, Вязник.

Порывшись в своей плетеной сумочке, Вязник выудил оттуда и протянул Блику бирюзовый камень. Плоский, вырезанный в форме платанового листа, с продетым в него тонким шнуром. Надев его на запястье Блика, Вязник сказал:

— Возможно, этот амулет когда-нибудь тебе сослужит службу. Покажи его белке или выдре, если они встретятся на твоём пути. Скажи им, что камень из дубовых лесов Ельника и достался тебе от его сына. Амулет поможет тебе в дороге. Счастливого пути, Блик Булава! Желаю тебе найти гору, победить врагов и благоденствовать в своей стране.

Несмотря на преклонные годы, Вязник с невероятным проворством исчез среди деревьев.

Барсук уверенно шагал под утренним солнцем. Когда он спускался с крутого, поросшего лесом холма, когти его задних лап с каждым шагом все больше хлюпали и увязали в болотистой земле. Затем стало и того хуже: приходилось скакать по кочкам и гниющим пням. Присев отдохнуть, Блик достал овсяные лепешки и флягу с лопухово-одуванчиковым напитком. Не спеша поглощая припасы, он обвел взглядом раскинувшееся впереди ог-

ромное болото. Повсюду кружили тучи комаров и мошек.

Как оказалось, барсук тут был не один: множество пресмыкающихся, засевших в укромных местах, не спускало с него глаз. Услышав странный звук, Блик перестал пить, быстро огляделся и сразу же понял, в чем дело. На камышовой флейте играл худосочный тритончик. Он весь был разукрашен оранжевыми и ярко-синими красками. Тритон прыгал и скакал с ветки на прутик, с камыша на цветок, вертя флейтой и издавая бессвязные звуки, будто вязкое болото ему было нипочем. Он подскочил к Блику, и тот благородно убрал заднюю лапу с гнилого пня, где с удобством устроился незнакомец.

— Добрый день! — поприветствовал его Блик.

Однако вместо ответа тритон бесцеремонно забрался в походный мешок барсука. Блик схватил наглеца за шкурку, и тот повис в воздухе. Тритон извивался, словно на крючке, и гнусаво-визжающим голосом дерзил:

— Эй, ты, отвали и живо гони еду!

Блик для начала хорошенько встряхнул негодника:

— Держись крепче, щекастый, ты хоть знаешь, с кем говоришь?

Тритон нацелился долбануть его флейтой, но терпение у барсука лопнуло, и он слегка щелкнул наглеца по лбу.

Блик все еще не подозревал, что из густого кустарника за ним наблюдает несчетное число глаз. Он аккуратно опустил тритона на пенек и стал ждать, пока тот очухается; когда же тритон пришел в себя

и открыл один глаз, барсук прижал его лапой и прочел наставление:

— Еще одно слово — и я придавлю тебя, как комара. А теперь слушай меня внимательно. Тебя учили родители, как себя вести? Заруби себе на носу, что ко всем ты должен обращаться вежливо.

Тритон сглотнул, и глотка у него раздулась.

— Я голодный, а у тебя есть еда, дай Смерку чуток... пожалуйста.

— Вот так уже лучше, — сказал барсук, открывая мешок. — Меня зовут Блик Булава. Хочешь поесть — прекрасно. Услуга за услугу: выручишь меня, и тебе будет еда. Ты, наверное, знаешь тут все дороги. Проведи меня через болото, и я тебя накормлю. Как тебе такая сделка?

Тритон, извиваясь под лапой барсука, поспешно произнес:

— Идет, идет сделка! Дай Смерку поесть, и я покажу тебе, куда идти.

Блик отломил половину овсяной лепешки, свернул кульком листок, наполнил его лопухово-одуванчиковым напитком и передал Смерку. Тот, словно семь лет не ел, стал с громким чмоком сосать напиток и жадно поглощать лепешку, так что в два счета от нее остались одни крошки. Глядя на него, барсук не мог сдержать удивления.

Протянув свернутый в кулек лист, Смерк затряс им перед носом барсука:

— Ух! Мне нравится, хорош-хорош, дай еще.

Барсук оставался непреклонен, пока не услышал волшебного слова.

— Пожалуйста! — добавил тритон.

Наполнив еще раз кулек напитком, Блик передал его Смерку вместе со второй половиной лепешки. Застольные манеры тритона приводили барсука в ужас. Закончив с едой, Смерк схватил висящий на шее барсука амулет и прошипел:

— Классный камень, дай его мне за то, что выведу тебя из болота.

Блик уже раскусил Смерка. Тритон провел большую часть детства в обществе, где подобное поведение считалось само собой разумеющимся. Он и ему подобные уважали только грубую силу, и барсук решил ее показать. Он подхватил тритона и подвесил его на ветку.

— Итак, тебя зовут Смерк. Смотри, я покажу, почему меня зовут Булава. — Барсук схватил грабовую булаву и замахнулся ею: — Эулалиаааааааа!

Увесистый удар превратил буковый пенёк в кучу мокрых щепок, пыли и слизняков. Смерк затрепетал от страха. Перекинув булаву через плечо, Блик произнес:

— Я исполнил свою часть сделки. Теперь очередь твоя — веди меня через болото.

Блик, разгребая кустарник, пробирался по трясине, а вслед за ним бесшумно плыла процессия ящериц, тритонов и прочих скользких земноводных тварей. Смерк беззаботно перескакивал с одного листочка лилии на другой, Блик же с трудом пробирался через болото. Вскоре барсук почувствовал, что его засасывает вязкое месиво. Он барахтался и бился изо всех сил, отчаянно пытаясь схватиться за дубовый

сук, но грязь уже лезла ему в рот, заливала глаза, а он не мог их вытереть.

На какое-то мгновение его обуял ужас, но тут он нащупал дерево и крепко вцепился в него. Закрепив петлей веревку булавы, он начал подтягиваться, выползая из трясины. Казалось, это длится вечность, даже грязная жижа за это время успела стечь с его лап.

Дрожа от усталости, Блик прижался к шаткой ветке; вытащить такую тушу из болота была задача не из легких. Отдышавшись, он с удивлением обнаружил, что мешок с едой до сих пор висит у него на поясе. Запустив внутрь лапу, он достал флягу, вырвал зубами пробку, откинул назад голову и промыл ароматной жидкостью затуманенные болотной грязью глаза. Остатком содержимого он прочистил горло и остался собой вполне доволен, после чего поднял глаза и увидел Смерка с бандой следующих за ним пресмыкающихся. Тщедушный тритон восседал на голове большого змея, который, по всей видимости, был у них за главного.

Блик старался не замечать окруживших его тварей и продолжал диалог со Смерком:

— Будь же честным до конца, за тобой невыполненное обещание. Выведи меня из болота. В какую сторону идти?

Ящерицы, змеи и тритоны, все как один, молча устремили на него блестящие глаза. Один Смерк открыто радовался тому, что удалось заманить барсук в ловушку. Глядя на беднягу, он злорадно хихикал:

— Хихихихи! В какую сторону идти, собачья морда? Да ты в самой трясине. Тебе одна дорога — вниз.

В приступе гнева Блик Булава схватил пустую флягу и швырнул ею в насмешника. К счастью тритона, удар принял на себя большущий змей. Смерк тут же упал без чувств, а голова змея на глазах стала раздуваться и залилась синевато-багровой краской.

Змей вздыбился и открыл рот, обнажив два ряда желто-зеленых, острых, как иглы, зубов.

— Ссссмерть ему, утопить в болоте! — прошипел он.

Орава пресмыкающихся двинулась назад, и дубовый сук стал поворачиваться на месте. Блик навзничь упал на него, пытаясь удержаться. К его ужасу, из грязи показалась толстая лоза, привязанная внизу к дубовому суку. За нее и тянули земноводные твари.

Барсука охватило отчаяние. Повиснув на вращающемся суку, он заорал:

— Прекратите! Прекратите! Чего вам надо?

Змей-главарь нырнул и обвился вокруг лозы.

— Утопить тебя нам надо! — завопил он, помогая остальным тащить лозу.

Сук вместе с барсуком медленно разворачивался и опускался в бездонную трясину.

Ракулат вместе с Вороньим Братством укрылся от войска Сварта за низкими холмами и стал ждать наступления темноты. Когда убили его мать, он был на охоте. Не зря вороны-старички боялись сообщать вождю страшную весть: гнев и скорбь вожака Вороньего Братства оказались воистину чудовищны. А когда он узнал, что сделали с телом его матери, то и подавно впал в неистовство. Убийца ожидала беспощадная кара. Немного остыв после пер-

вого потрясения, Кракулат прикинул время и место, где его Братству предстояло нанести удар по врагу.

К вечеру воины Шестикогтя разожгли костры, разбили палатки, и лагерь стал готовиться к ужину.

Устроившись в тени деревьев, Шестикогть рисовал своим офицерам радужные картины их светлого будущего. Рядом ненавязчиво суежилась жена Сварта Голубика, подавая фрукты и рыбу. Для Сварта она была не больше чем тень.

— Дайте мне один только год, чтобы пройти по юго-западу, и увидите, как под мой флаг стекутся все звери в округе.

— Это не на юго-западе обосновался барсук? — позволил себе порассуждать вслух капитан Скроу.

От хорошего настроения Сварта вмиг осталось одно воспоминание.

— И кто доложил тебе о барсучке? — осведомился он с вопрошающей ухмылкой.

Однако Скроу не струсил.

— Кое-кто из твоих — тех, что пришли с тобой в лагерь Криволапа, — ответил он.

Вне себя от гнева Сварт слегка подался вперед:

— А что еще ты слышал?

— Слышал, что этот барсук искалечил твою шестипалую лапу и та омертвела. Еще слышал, что ты поклялся его убить.

Сварт опрокинул свой железный кубок и омертвевшей, закованной в медную рукавицу лапой жажнул по нему что было сил.

— Впредь заруби себе на носу и не смей называть мою лапу никчемной. Я ею перебил больше врагов, чем ты, крыса, за свою жизнь видел приличных обедов. А барсук твой — уже ходячий труп.

— Несколько лет назад мы встретили на берегу крыс-пиратов, — стала рассказывать Темнуха. — Они поведали нам о далеком юго-западе и о горе, которой правят барсуки и зайцы. У нее еще какое-то странное название — не помню какое. Еще они сказали, что каждый барсук, движущийся на юго-запад, в конце концов попадает к этой горе, которая как-то связана с его судьбой. Но никто не знает как.

— Год назад на восточном берегу мы, помнится, разбили этих морских мошенников в пух и прах. Так вот с перепугу заливали они нам о каком-то аббатстве со стенами из красного песчаника, которое якобы находится где-то на юге. — Агал недоверчиво пожал плечами.

— Говорил я и со старым филином, — с серьезным видом солгал Сварт. — Он тоже знал барсучью гору. А совы, как вы знаете, никогда не лгут. Сядьте поближе, я кое-что вам расскажу.

Офицеры плотнее окружили Сварта. Мудрые совы внушали им доверие: от них редко можно было что-либо узнать, но зато в истинности их сведений сомневаться не приходилось.

— Гора барсуков, — понизив голос, произнес предводитель, — славится несметным богатством. Там хранятся баснословные сокровища. И все это богатство будет только наше.

Капитаны обменялись загоревшимися алчностью взглядами, и Скроу рискнул сказать за всех:

— Мы с тобой, господин, можешь на нас положиться.

Наступила поздняя ночь. Изнуренное трудным походом войско спало беспробудным сном. Седьмой сон видел даже караул. Вот тогда и настал час Кракулата.

У палатки предводителя храпели Твердозад и Марбул. Они слишком поздно почувствовали, как их шеи обвила тонкая, выделанная из сухожилий нить. Впившись когтями в землю, четыре вороны затянули узел на шеях убийц матери Кракулата. Тем временем вороний вождь раздувал тлеющие угли в яркое пламя. Его жена Костоклюва взмахнула крылом, и армия ворон начала действовать.

Каждая птица медленно пролетала над костром с длинной веревкой в когтях, к концам которой были привязаны пучки сухого мха и травы, пропитанные сосновой смолой. Вскоре лагерь озарился множеством огненных шаров. Вороны по очереди сбрасывали на вражий лагерь пылающую ношу, после чего взмывали высоко в небо и оттуда наблюдали за полыхающим пожаром.

С дикими визгами звери выскакивали из горящих палаток, но вороны в два счета расправлялись с ними. Воронье Братство никого не брало в плен, месть Кракулата была стремительна и беспощадна.

Спасая собственную шкуру и даже не позаботившись о жене, Сварт выскочил из палатки. Голубика,

задыхаясь от дыма, едва успела выбежать следом. Схватив пробежавшую мимо лису, Сварт заорал:

— Кто поджег палатки?

Темнуха указала на четыре темные фигуры. Те расправлялись с крысой, которая была охвачена пламенем и истошно визжала.

В эту минуту в спину лисы впились вороньи когти, и Сварт изо всей силы ударил птицу своей медной лапой.

— В реку! — крикнул он, выхватывая меч. — Всем в воду, лучники и пращники, живо ко мне!

Поджидая в воде неподалеку от берега, пока соберутся все воины, Сварт мечом обрубал загоревшуюся на нем шерсть.

Камни и стрелы засвистели в ночном небе. Кракулат, чтобы избежать потерь, каркнул своим собратьям:

— Выше, мои воины, выше!

Разгадав маневр ворон, Сварт приказал своим воинам держать наготове копья и пики.

Войско Кракулата начало атаку, но большинство ворон падали прямо на выставленные копья и пики.

Ряды Вороньего Братства редели, и Кракулату пришлось отступить.

Утро Сварт с офицерами встретил на берегу реки. Окидывая взглядом тлеющие останки лагеря, они пытались оценить потери. К ним подошли солдаты — после ночного пожара у многих изрядно подгорел мех.

— Мы нашли Твердозада и Марбула, — доложили они. — Господин, они задушены.

Сварт небрежно отмахнулся:

— Туда им и дорога! Если бы они уцелели, я бы их сам удавил за то, что навлекли на нас эту напасть. Кто-нибудь из караула остался в живых?

— Только эти двое. — Агал указал на крыс.

Ни один мускул у Сварта не дрогнул, когда он произнес приговор:

— Убить их! Мне нет никакого проку от спящих на посту часовых. И пусть все остальные видят, для них это послужит хорошим уроком.

К Сварту подбежал Серозуб, ласка, и, едва переведя дух, протараторил:

— Господин, мы обнаружили ворон. Вон там, в сосновой роще. Отдай приказ, мы их атакуем!

Сварт разъяренно затряс головой.

— Только послушайте: «Отдай приказ, мы их атакуем!» Дурья твоя башка! Они, верно, засели в засаде и только ждут того, чтобы мы приблизились к соснам. Уйдем отсюда и оставим их в покое. Бессмысленно нести лишние потери, ведя войну со стаей ворон.

Темнуха, пробравшись к предводителю, что-то прошептала ему на ухо. Сварт просветлел, одобрительно кивнул и, поднявшись с места, громко объявил:

— Собрать все пожитки, упаковать оружие и кухонную утварь, мы уходим.

К разгару утра лагерь был свернут. Прежде чем взять курс на юго-запад, Сварт обратился к стрелкам, окружившим костер:

— Отплатим им той же монетой. Огонь!

Горящие стрелы полетели в сосновую рощу, и очень скоро в небо поднялся столб черного дыма.

Опаленное огнем Воронье Братство ринулось спастись к реке.

Кракулат, глядя на горящую сосновую рощу, заявил:

— Кхакхааа! Мы будем преследовать их и убивать поодиночке. Вперед!

Вскоре после полудня нашлась первая жертва. Солдат-крыса, оставший от войска, подвергся нападению двух десятков ворон, которые подняли его в воздух. Он визжал и извивался, но тщетно: вороны поднялись высоко в небо и скинули его вниз. Удар был столь сильный, что тело проделало в земле вмятину. Солдаты же расступились, чтобы летящий вниз товарищ не задел их при падении.

До заката Сварт потерял еще двух солдат. Предводитель войска срывал свою злость на лисе:

— Ну ты и удружила: «Вытури их огнем из сосновой рощи, господин». Глупее не придумаешь! Не видишь дальше собственного носа! Выставила меня идиотом перед всеми. Теперь вороны не оставят нас в покое, пока мы или они все до одного не передохнем.

Крысы запаниковали, видя, что вороны не могут поднять в воздух более тяжелого зверя, чем они. Казалось, от ворон не было никакого спасения, хотя лучники и пращники беспощадно обстреливали темнокрылого врага.

С наступлением ночи Сварт был вынужден сделать привал. Кольцом вокруг лагеря горели костры, защищая спящих с краю зверей от нападения ворон. Лиса Темнуха была отправлена в разведку: нужно было искать выход из создавшегося положения.

Кракулат со своим Братством затаились неподалеку. Костоклюва между тем выговаривала мужу:

— Раккааааа! До чего же глупая штука месты! Что хорошего от того, что мы все погибнем? За мать ты оплатил земным тварям с лихвой. Пора заняться делом, найти новое жилье. Вот нас всех убьют, и кто тогда расскажет, какими храбрыми мы были и каким отважным глупцом был Кракулат? Кхаа!

Она шла по пятам за командиром стаи, а тот разъяренно вышагивал среди спящего Братства, не зная, как отделаться от жены.

— Твоим перышкам, а заодно и сварливому клюву пора бы отдохнуть, — огрызнулся он. — Братство подчиняется мне, и мне решать, когда с мезтью будет покончено. Здесь мое слово — закон. Оставь меня в покое!

В обоих лагерях ночь прошла тревожно и беспокойно: войско Сварта не могло отдохнуть из-за постоянной смены караула, а воронам не давали уснуть непрекращающиеся нарекания жены Кракулата.

До рассвета оставалось несколько часов, когда Темнуха проскользнула в лагерь с вестями для Сварта:

— Господин, здесь неподалеку есть глубокий овраг. Посреди него течет ручей, и, похоже, на берегу есть пещера. Никаких признаков живых существ я не обнаружила.

Сварт решительно схватил меч:

— Ладно, скажи всем капитанам отправляться туда. А там я решу, что делать с этими воронами.

Во тьме ночи войско Сварта стало спускаться в узкое ущелье, но и там их поджидали вороны. Началось

сущее столпотворение. Сварт и капитаны выкрикивали приказы под каркающий гвалт ворон; приходилось поджигать стрелы, швырять камни и расчищать себе путь копьями. С горем пополам перебравшись через ручей, солдаты Сварта расположились кто в темных пещерах, кто в зарослях люпина и ежевики. В пещере Сварт умудрился даже разжечь костер. Вдруг взгляд его упал на тростниковые коврики и соломенные постели в углах пещеры.

— Значит, никаких признаков живых существ? — обратился он к лисе. — Что тогда это?

Раздавшийся снаружи визг и карканье избавили лису от необходимости отвечать на каверзные вопросы.

— Господин, послушай, там творится что-то неладное! — воскликнула она.

Предводитель выглянул из пещеры, стараясь особенно не высовываться:

— Ладно, скоро рассветет, там все и выясним.

Истошный крик вновь заставил Сварта с лисой вздрогнуть. Через минуту снаружи все стихло, доносился лишь странный стон, очевидно, раненого зверя.

Наступившее утро выдалось пасмурным и дождливым. Сварт выглянул из пещеры и увидел, что к нему вброд через ручей движется дюжина лис. Впереди шла крупная, сурового вида лиса; так же как и все остальные, она несла связку из четырех ремней, к каждому из которых был привязан круглый булыжник. Когда лиса заговорила, Сварт с изумлением увидел в ее пасти язык невероятно ярко-багрового цвета.

— Ты будешь за главного в этой разношерстной толпе? — пролаяла лиса.

Хорек быстро в уме оценил свои потери, покопился на лис, которые собирали в кучу трупы ворон, и с отважным видом отчеканил:

— Я Сварт Шестикоготь, предводитель войска. Вижу, вы убили часть моих солдат. Зачем?

Лисица небрежно вертела ремнями, и булыжники ритмично постукивали друг о друга.

— Тьфу ты. Видишь ли, промашечка вышла, но зато я избавила тебя от ворон.

С этим Сварт не мог не согласиться:

— Итак, с воронами покончено. Как величать тебя?

Лиса открыла рот и высунула багровый язык:

— Я Шанг Багровый Язык, а это мое ущелье. Ты, Сварт, можешь остановиться здесь на время. — Шанг остановила взгляд на мече предводителя, и глаза ее загорелись от зависти. — У твоих солдат много хорошего оружия из металла: копьа, дротики и еще щиты.

Сварт насторожился, но вспомнил, каким примитивным оружием сражались лисы — ремни с камнями, и спрятал меч. В голове у него зарождался хитрый план.

12

С радостным шипением земноводные твари продолжали тянуть ползучее растение. Вслед за дубовым суком вязкое месиво все сильнее засасывало беспомощно барахтающееся тяжелое тело барсука. Раскинув в стороны лапы и откинув назад голову, Блик изо всех сил старался удержаться на поверхности, но тщетно. В последний миг, перед тем как погрузиться на дно болота, он выкрикнул свой боевой клич:

— Эулалиаааааааа!

Словно молния, прилетел Скарлет. Не успел никто и глазом моргнуть, как верзила змей оказался в воздухе и сокол, мертвой хваткой вцепившись когтями, больно клюнул его в голову.

— Если мой друг утонет, тебе крышка! Скажи своим чудосочным тварям, пусть живо ныряют под него и выталкивают наверх!

К тому времени, как неведомая сила, которой оказалось множество извивающихся тварей, стала выталкивать барсука из трясины, он уже изрядно наглотался грязи. Скарлет приказал змею держать лозу во рту, а сам, не выпуская ползучую тварь из когтей, неистово замахал крыльями и стал медленно подниматься в воздух. Под страхом смерти змей покорно впился в лозу.

К счастью, она оказалась довольно длинной, и Скарлету удалось дотянуть ее до сухого участка земли, где росли ольха и липа. Поднявшись повыше, Скарлет сбросил змея на ольху, а сам перехватил у него лозу. Пока тот извивался на ветке, Скарлет спустился ниже и, сделав три оборота вокруг ствола, закрепил таким образом лозу, после чего ринулся к другу:

— Нащупай лозу и подтягивайся к дереву.

Следуя его совету, барсук стал шарить лапами в болотистой воде, пока наконец не наткнулся на дубовый сук. Он крепко в него вцепился, понимая, что это его последняя надежда. Перехватывая лапами лозу, Блик стал выбираться на берег, в такт его движениям натянутая лоза шлепала по поверхности трясины. Скарлет подбадривал друга с воздуха, а

земноводные твари, показавшись из жидкого месива, не спускали с барсука глаз, пока тот, пыхтя, рыча и работая передними лапами и всем телом, с последним победным бульканьем не выбрался наконец на сушу.

Совершенно обессиленный Блик Булава рухнул на землю. Горячее солнце высушило на нем грязь, и та стала похожа на серую штукатурку. Скарлет важно расхаживал вокруг друга и осторожно очищал клювом его уши и глаза. То и дело сплевывая набившийся в рот песок, Блик указал кивком в сторону вытаращившихся на него из болота бесчисленных глаз:

— Утони я, этой ораве года три не пришлось бы заботиться о пище.

Откуда ни возьмись, ко всеобщему изумлению, приблел Смерк.

— Ну что, — ухмыльнулся он. — Видать, ты все же выкарабкался из болота.

Блик попытался схватить его, но тот проворно улизнул в кусты. Через мгновение вновь слышался его визгливый голос:

— Эй, вы, пустите, говорю, ничего я не делал!

Из зарослей показались две выдры, одна тащила за лапу Смерка. Довольные и уверенные в себе звери кивком поприветствовали Скарлета. Тот, что был выше ростом, заговорил:

— Мы услышали тут какой-то шум, вот пришли разведать, в чем дело. Я Фолриг Быстролап, а этот лупоглазый толстяк — Радл Тупонос.

Радл, по-прежнему держа Смерка за лапу, протянул его Блику:

— Подержи, друг, я расквитаюсь с этим негодяем.

Радл набросился на Фолрига, и они, катаясь по земле, принялись дубасить друг друга.

— Лупоглазый толстяк, говоришь? Сам ты бревенно неотесанное! Мы, Тупоносы, во сто крат краше, чем вы, Быстролапы.

— Хахахарр! Это вы-то краше? Да твоя мамочка не пускала тебя даже в воду, чтобы ты своей рожей рыб не перепугал.

Они сцепились вновь и покатались по земле, истошно хохоча и отвешивая друг другу тумаки и оскорбления.

— Когда ты был сопливым малышом, твой папочка был не прочь обменять тебя на лягушонка. Он говорил, что на лягушачье отродье приятнее смотреть, чем на тебя.

— Харрхаррхарр! Моя старая бабушка всегда говорила: покажи мне миловидного Быстролапа, и я умру счастливой. Однако она до сих пор жива.

Блик сидел, держа в лапе извивающегося Смерка, и наблюдал, как выдры дубасили друг друга.

— Не могли бы вы на минуту прерваться, — обратился он к драчунам, — меня все это начинает утомлять.

Выдры прекратили драку и усталились на запеченного в грязи Блика.

— Посиди смирно, приятель, сейчас вымою тебя чистой водицей, и будешь как новенький, — сказал Радл и удалился за водой, а Фолриг забрал у бар-

сука Смерка и зашвырнул его на дерево в гости к змею, приговаривая при этом:

— Ах ты, паршивый слизняк, ставлю иван-чай против криветки, что это твоих рук дело.

Вернулся Радл с пучком мокрой травы и безукоризненно очистил ноздри и глаза барсука.

— А теперь, может, взглянешь на наше логово и вместе перекусим, а?

Блик поблагодарил за предложение и не спеша отправился вслед за выдрами в путь.

Фолриг стал озираться по сторонам:

— Постой, куда подевался твой товарищ, сокол?

Высохшая грязь посыпалась с Блика, едва он начал двигаться.

— Скарлет сам себе хозяин. Наверняка, узнав, что я цел и невредим, он решил ненадолго отлучиться. Между прочим, а что будет с тритоном и змеем? Может, лучше было спустить их вниз? Ведь они могут умереть с голоду.

Радл прыснул со смеху:

— Кто-кто, а эти двое не пропадут. Стоит нам скрыться из виду, как они вмиг найдут способ спуститься. Этим негодьям наказание только на пользу.

Путь к логову выдр был долог и полон опасностей. Уже в сумерках они подошли к живописному водопаду.

Обмениваясь шуточками и тумачками, выдры резво нырнули под струю падающей и больно хлещущей воды. Поначалу Блик слегка оробел, но стоило ему осторожно ступить под водопад и ощутить чистую ледяную воду, проникающую меж ворсинка-

ми густого меха и очищающую его от налипшей болотной грязи, как он сразу воспрянул духом. Усталость исчезла, и Блик ощутил прилив сил. Завопив от радости, он крепко стиснул выдр в объятиях.

Неугомонные Фолриг и Радл закричали:

— Давай скорей утопим его, пока он не успел напугать малышей.

— Послушай, друг, до чего же отвратительное зрелище этот барсук с жирным носом.

Смеясь, все трое повалились в воду. Вдруг Радл исчез за струей водопада. Блик, закрыв лапой глаза от воды, с недоумением взглянул на Фолрига:

— Куда запропастился Радл?

— В наше логово, дружок. Дай лапу и пошли за мной.

За водопадом находилась сухая пещера, сплошь усталая камышом. К тому времени Радл с помощью кремня и гнилого дерева разжег небольшой костер.

— Милости просим к нашему столу, — произнес он. — Надеюсь, что для таких вислоухих красавцев, как мы, будет вполне достаточно.

Пока Блик растирал себя сухими душистыми травками, Фолриг стал нарезать лук-порей и репу и бросать в котел.

Когда суп стоговился, Радл подал его, пышущий паром, вместе с большим ломтем ячменного хлеба. Вкус супа был отменным, но от острых пряностей у барсука перехватило дыхание. Он поспешно опрокинул в себя целую чашку напитка, чтобы остудить горящее горло.

— Что это за огненный суп?

И Фолриг запел песенку:

Когда я был, брат, малышом,
Я жалок был и хлипок,
Ходил по дому гольшом
И на пол падал с лапок.
Я был выдрячий полутруп
И ползал, семеня,
Но бабушка перченный суп
Сварила для меня.

Мне этот суп хлебать не лень
С причмоком и прихлопом —
И много лет я каждый день
Кормился этим супом.

Я стал проворнее пчелы,
Крота плотнее втрое.
Теперь мне подвиги милы,
И вышел я в герои!

Братва, а ну-ка налетай!
Живот наш не заужен —
Перченный суп нам подавай
На завтрак и на ужин!

Чем больше Блик ел, тем больше входил во вкус этого необычного для него блюда и в конце концов съел больше, чем двое его друзей, вместе взятые.

Блик проснулся и, гадая, что сейчас — день или ночь, отхлебнул напиток из бутылки.

Тут он впервые заметил выход в конце пещеры.

— Радл, это что, запасной выход? — любопытствовал он.

Радл облизал лапу и поднял ее вверх:

— Можно и так сказать, приятель. Чувствуешь сквознячок? Когда ветер дует в нужном направлении, в пещере приятный, све-

жий воздух. Некогда здесь был наш секретный выход, пока во время таяния снега его не завалил валун.

Пока выдры готовили завтрак, Блик исследовал секретный выход. Нет сомнения, что снаружи его преграждал огромный валун, и единственное, что можно было разглядеть, это лучики просачивающегося сквозь щелки солнечного света.

— Послушай, дружище, если ты не хочешь бисквита из стрелолиста с медом и мятным чаем, — обратился к нему Фолриг, — тогда, конечно, там и копайся, мы с этим страшилой сами управимся.

За завтраком, приготовленным радушными хозяйками, барсук рассказал, что он задумал:

— Если весь мусор разгрести к стенам пещеры, я попытаюсь отодвинуть валун и открыть ваш задний ход. Я буду толкать валун снаружи в пещеру, а вам советую держаться подальше. Для начала вы мне покажете, где этот выход снаружи.

Выдры побрели за барсуком, хихикая и насмехаясь над его наивной идеей убрать заграждение:

— Ну ты даешь! Ни одному зверю не под силу даже шевельнуть этот камень. Видать, ему тут придется лежать вечно.

Блик стал разгребать завал из обломков камня, передавая их назад в лапы друзей. Когда подход к валуну был расчищен, барсук стал его толкать; тот долго не поддавался, и Блик, всякий раз ворча, старался поудобнее ухватиться за него лапами. Фолриг и Радл, наблюдая за ним снаружи туннеля, всячески отговаривали его от этой затеи.

Но в барсуке уже пробудился дух воителя, он высунул голову из туннеля и рывкнул:

— Слушайте, вы, советую держать пасть на замке! Я хочу отплатить вам добром за добро и расчитать этот потайной ход. Чтоб я не слышал от вас ни единого слова!

Взяв себя в лапы, Фолриг и Радл замолчали.

Став спиной к валуну, Блик уперся передними лапами в стены подземного коридора, а задними — в каменный пол. Мышцы его вздулись, сухожилия напряглись. Всем существом он обратился в желание победить громадный валун и протиснуть его в пещеру. От невероятных усилий вены у него выпучились, когти глубоко врезались в каменные стены, челюсти сжались, как тиски, и у рта выступила пена.

Раздался слабый треск, и пыль с краев валуна присыпала взмокшую от пота барсучью морду. Он поднатужился еще сильнее, зажмурил глаза, и красный туман заполонил все его чувства. Перед внутренним взором ему предстали отец и мать.

Барсук всей силой навалился на валун, и кровь хлынула бурным потоком по жилам, а из самых глубин его необъятной груди вырвался и громом прокатился по туннелю боевой клич:

— Эулалиааааааа!

Здоровенный камень наконец подался и с грохотом покатился вниз. Распластавшийся на спине Блик открыл глаза и увидел, что проход в пещеру открыт. Валун, словно ядро, выскочил из-за водопада и со страшным плеском плюхнулся в ручей. На радостях Фолриг и Радл заплясали прямо над обрывом.

Весь взмокший и пыльный, Блик с чувством исполненного долга стоял под потоком освежающей воды. После бодрящего душа он прилег на травку, чтобы обсохнуть. Вскоре к нему прискакали выдры, прихватив с собой по посоху и три походных мешка с провизией.

Барсук сел и встряхнул шерсть.

— Гмм, и куда же, осмелюсь спросить, вы намылились?

— Конечно же, вместе с тобой, наш ненаглядный! — ответил за двоих Радл.

Блик поднял булаву и мешок с припасами.

— Да ну! Это вы так решили, но лично я не желаю идти с такими чумазыми, как вы. От вас птицы шарахаться будут!

Фолриг перекинул мешок через плечо и усмехнулся:

— Все равно, ты носишь знак Ельника, и мы обязаны следовать за тобой.

Блик вспомнил о бирюзовом амулете в форме платанового листа, который подарил ему Вязник, — он до сих пор висел на его шее. Решительное выражение, застывшее на физиономиях двух друзей, говорило, что возражать им бесполезно. Они взяли курс на юг. По дороге Блик, держа в лапах амулет, принялся вслух размышлять:

— Почему Вязник сказал, что мне будут помогать все выдры и белки?

Они вошли в густой лес, и Фолриг приступил к рассказу о происхождении амулета:

— Когда-то давно выдры и белки в этих краях жили сами по себе и в дела друг друга не вмешива-

лись. Если бы случай не свел двух молодых зверей вместе. Это были Ельник, сын королевы белки, и Кувшинка, дочь великого Властелина Выдр. В детстве они были очень дружны. Случилось так, что их похитили крысы-пираты. В один прекрасный день Ельнику удалось бежать; спустя некоторое время он выследил крыс и однажды ночью, когда все спали, убил двух стражников и освободил Кувшинку. В драке Ельника ранили, но он все-таки сумел донести Кувшинку до большого старого платана. Сам он как мог отбивался от пиратов, имея под рукой лишь пращу и несколько камней, покуда их не спас подоспевший на помощь отряд белок и выдр. Когда же юный Ельник, изнывая от боли, нагнулся за последним камнем, тот оказался непомерно большим для его пращи. Вот этот-то камень ты и носишь на шее, приятель. Властелин Выдр вырезал его в форме платанового листа. С тех пор выдры и белки стали друзьями. Теперь ты знаешь, почему всякий, кто носит этот амулет на шее, может рассчитывать на уважение и преданность всех выдр и белок.

Блик посмотрел на камень с особым уважением:

— История беспредельного мужества. Что же потом произошло с Ельником?

— Он поправился, однако, говорят, лапа у него навсегда осталась увечной и он почти что не лазил по деревьям. Зато выучился плавать и стал по повадкам скорее выдрой, чем белкой.

— Никогда бы не подумал, что морские разбойники забираются так далеко от берега, — заметил Блик.

Радл, указав лапой на запад, произнес:

— Не так уж мы далеко от моря, всего в двух днях ходьбы отсюда.

— Значит, туда мы и направимся, — изменяя курс, заявил Блик. — Достигнем берега — и можно будет уверенно двигаться на юг. Пошли, красавчики!

Фолриг, казалось, замешкался:

— Эээ, видишь ли, приятель, идти этим путем нежелательно, морские крысы облепили берег, словно муравьи мед.

— Раз маленький отпрыск белки с ними справился, — не останавливаясь, бросил Фолригу через плечо Блик, — то мы и подавно сможем. А кроме того, увидев ваши морды, уже можно умереть со страху. Хахаха!

Следующие два дня прошли без приключений. К вечеру второго дня путники добрались до гряды пологих лесистых холмов, которые становились все выше и выше. Взобравшись на последний холм, поросший низкорослыми деревьями и кустарником, Блик объявил привал. Он взглянул на запад: в последних лучах угасающего дня на далеком горизонте мерцала едва различимая полоска моря.

— А вот наконец и море, мои распрекрасные! — воскликнул барсук.

Радл, все еще не отдышавшись после подъема на гору, разводил костер:

— Ну куда это годится, чтобы какая-то шелудивая крыса карабкалась на все эти холмы, и, спрашивается, зачем? Только затем, чтобы увидеть воду!

— Говоришь, холмы? Если это называется холмами, значит, мой дядя — филин, — ответил Фолриг,

вытаскивая из мешка припасы. — Мы, дурень, взбирались на горы, и другой такой высокой, как та, на которой мы сейчас торчим, ни в жисть не сыщешь.

Блик усмехнулся, глядя на своих приятелей:

— Во всяком случае, выше нам взбираться не придется. Начиная с завтрашнего дня наша дорога будет спускаться с холмов или, вернее, с гор. А ну-ка, жабы морды, выудите-ка из мешка пащтет из грибов и репы.

Чтобы согреть ужин, его положили на зеленые прутики над костром. Радл намазал медом толстые ломти фруктового кекса, Блик разлил по чашкам сидр.

Они лежали у огня и ели, наслаждаясь нежным ветерком. После ужина выдры, по своему обыкновению, долго препирались, кому первым стоять в дозоре.

Блик решил прекратить эту склоку:

— Первым сторожить буду я.

Совершенно неожиданно Фолриг и Радл тоже изъявили желание первыми встать в караул.

— Нет, нет, приятель, первым пойду я.

— Ну уж нет, не ты, а я!

Блик угрожающе стал помахивать булавой:

— Я сказал, что иду первым. У кого-нибудь есть возражения?

Выдры вмиг растянулись на земле и крепко сомкнули глаза.

— Не слышу тебя, приятель, я давно сплю.

— И я тоже, хочешь, чтоб я сладко спал, так пожалуйста.

Про себя улыбаясь неугомонным созданиям, Блик осторожно обошел место, где они разбили лагерь, и

устроился на камне, откуда было хорошо видно все вокруг.

Начало ночи прошло без приключений. Ни на минуту не теряя бдительности, Блик наслаждался очарованием ночной тишины. Он думал о Скарлете, семействах Бруфа Дуббо и Тори Лингла, и о собственных родных — отце, матери, праотцах, и, уж конечно, о горе, которая ждала его где-то на юго-западе. Мало-помалу барсук засыпал под мягким покрывалом ночи.

Вдруг Блик очутился под тяжелой сетью и повалился с камня, на котором сидел. Он собрался было вырваться и схватить булаву, но поздно: по меньшей мере дюжина холодных стальных мечей и ножей была приставлена к его горлу. Над ухом прогремел голос:

— Одно движение — и ты мертвец.

Сеть натянулась, а стойки, к которым она была прикреплена, вбили в землю.

— Мунга, позаботься о тех двоих, — крикнул тот же грубый голос.

Из мрака донесся ответ:

— Эти двое не слишком приветливы, командир.

Блик стал сражаться с плетеными оковами. Острие меча вновь уткнулось ему в шею, и другой, более высокий голос проскрежетал:

— Позволь мне с ним покончить, командир.

Всправиться с лисицей Шанг оказалось неожиданно легко. Зная, что лиса жаждет богатства и власти, Сварт предложил ей разделить с ним бразды командования войском и наобещал щедро одарить добротным металлическим оружием. Было откупорено хорошее, привезенное с далекого юга вино. Сварт пил из бутылки, а лисе предоставил честь вкусить изысканного напитка из отравленной серебряной чаши. Хорьку едва удавалось скрывать злую усмешку. Неужели эти так называемые вожди никогда не

поймут, что в жестокости и беспощадности им ни за что его не переплюнуть?

Так Сварт вновь стал предводителем огромного войска. Лисья банда, получив взамен примитивного каменного оружия металлическое и в придачу воистину царские обещания богатой добычи, охотно вступила в войско Сварта. Однако Сварт недооценил Густомеха.

Этот огромный лис лишь постольку поскольку входил в банду Шанг Багровый Язык. Вернее сказать, он всегда был сам по себе. Стойкий, независимый и бесстрашный, Густомех не признавал над собой никакой власти. В качестве оружия он смастерил себе здоровенную алебарду с обоюдоострыми краями и носил ее с изяществом и сноровкой, присущей лишь тому, кто знает в этом деле толк.

Во вторую ночь после того, как войско обосновалось в ущелье, Сварт решил встретиться с Густомехом. По этому случаю он велел поставить свою уцелевшую палатку, развести рядом костер, а страже приказал выстроиться вокруг. Внутри палатки Голубика изысканно расставила среди подушек всевозможные угощения. Однако далеко не благородством и могуществом замыслил сразить своего будущего врага или друга Сварт.

В сопровождении четырех бойцов Густомех был доставлен к предводителю. С безразличным видом и алебардой, небрежно перекинутой через плечо, он вошел в палатку. Как обычно, подмигнул Сварту и прислонился к палаточной стойке.

Измерив гостя взглядом и указав когтем в сторону капитана, горностая Агала, Сварт произнес:

— Агал, освободи нашего друга от тяжелого оружия.

Густомех поправил на плече алебарду и отрицательно покачал головой:

— Не выйдет, приятель, мое оружие ни один зверь у меня не отнимет. Хочешь попробовать? — Агал замешкался, и Густомех разразился смехом. — К тому же своя ноша плеч не тянет.

Молниеносно Густомех бросился вперед, и в воздухе мелькнула его алебарда. Прежде чем Агал успел отскочить, лезвие рассекло его пояс, на котором держались ножны с мечом. Легким движением алебарды лис подцепил ножны и швырнул потерявшему дар речи капитану.

Сварт поднялся из кресла и твердой походкой устремился к лису.

— Я Сварт Шестикоготь, предводитель этого войска! — высокомерно заявил он.

Густомех дерзко отвернулся, словно ему было ровным счетом наплевать:

— Да слышал я это, чего еще скажешь, хорь?

Сварт с трудом справился с нарастающим гневом:

— Вот что, Густомех, судя по выговору, ты родом с севера. Как ты попал в эти южные края?

Лис пожал плечами, заговорщически улыбаясь:

— Это долгая история, но я не прочь пройти с тобой еще чуток, коль ты меня убедишь, что твои рассказы о большой добыче и несметных богатствах не пустой звук.

Сварт благоразумно решил сменить гнев на милость. Улыбнувшись, он похлопал лиса по спине и произнес:

— Что скажешь, если я назначу тебя капитаном? Густомех усмехнулся, качая головой:

— Чтобы я приглядывал за зверюшками, которым нравится наряжаться в бойцовскую форму и играть в солдатиков? Ну нет, мое дело — заботиться о себе.

Внутри Сварт весь кипел, но сумел изобразить улыбку:

— Не отдавать и не получать приказов, пожалуй, в этом что-то есть. Присядь, Густомех, и раздели со мной трапезу.

Большой лис откровенно расхохотался:

— Ну ты, Сварт, ловкач! Сам будешь пить из бутылки, а мне нальешь в серебряную чашу? Что, раскусил я тебя? Не выгорит дело! К тому же мне пора отдыхать. — И, не дождавшись разрешения идти, он перекинул алебарду через плечо и вышел.

Лиса Темнуха весь разговор подслушивала за креслом, на котором сидел Сварт.

— Этот зверь опасен, господин, — начала она, — он знает о том, что мы отравили Шанг Багровый Язык. В войске чтут Густомеха, лучше подождать, а там видно будет.

Сварт до боли стиснул зубы:

— Хочу, чтоб с этим выскочкой покончили сегодня же ночью, пока он спит.

— Расправиться с ним — нелегкая задача. Если мы потерпим поражение, ты будешь глупо выглядеть в глазах своих солдат.

Изучая увечную, в металлической рукавице лапу, Сварт наконец изрек:

— Пожалуй, ты права, лиса. Подождем. Ты отправишься в разведку на три дня. Изучишь местность. Всякие слухи, будто мы снова заплутали, Густомеху будут на лапу. Пойдешь одна, и чтобы о том никто не знал, ясно?

Темнуха собрала мешок с припасами в дорогу.

— Не шибко тревожься об этом Густомехе, господин: не тот это зверь, чтобы вершить твою судьбу.

Сварт вынул из ножен кривой меч и стал проверять его остроту.

— Значит, мне предстоит сыграть роковую роль в его жизни.

Следующие несколько дней оказались для Сварта сущим адом. История его встречи с лисом, значительно приправленная слухами, пересказывалась в войске на все лады, приобретая с каждым разом все более невероятные подробности.

— Говорю же тебе, что Сварт при встрече с Густомехом сдрейфил.

— С чего ты взял?

— Сказал один из стражи, тот, что был в палатке. Еще он сказал, что Густомех своим топором разрубил на части пояс Сварта.

— А что же Сварт?

— Да ничего, стоял и трясся от страха. Густомех повернулся и пошел, а по дороге сшиб Агала одним ударом.

— Удар, знать, был что надо: Агал-то крепкий малый.

— Ха, но до Густомеха ему далеко. Не хотел бы я попасть лису под горячую лапу.

— Я тоже, даже если все это враки.

— Лично я не сомневаюсь, что все так и было, будто видел сам. Готов поспорить, мы еще повоюем под началом старины Густомеха.

Сварт слышал сплетни и сдавленные смешки за своей спиной. Вечерами предводитель просиживал в палатке один, а капитаны едва удосуживались в конце дня заглянуть к нему на доклад.

Густомеха же забавляли сплетни и скандальная слава, которые распространяли его обожатели. Войсковые капитаны его побаивались, история с алебардой превратилась в легенду, об этом только и шли разговоры у вечернего костра.

Несколько дней подряд половина войска вместе с Густомехом плелась в хвосте, потому что лису вздумалось посреди дороги отдыхать. Сидя на берегу ручейка и болтая задними лапами в воде, он обычно во весь голос, чтобы слышал Сварт, выкрикивал солдатам вслед:

— Эй, вы, что гонитесь за барсуком, может, вечером мы с вами свидимся.

Постепенно Густомех совсем распоясался и вел себя вызывающе.

Сварт не знал, что делать: вступить в открытое противоборство — можно оказаться в дураках, а пропускать дерзости лиса мимо ушей — значит окончательно потерять влияние среди солдат и капитанов.

Наконец поздней безлунной ночью вернулась лиса. Новости не обманули его ожиданий. Темнуха рас-

сказала, что ей удалось обнаружить, и смекалистый ум Сварта тут же заработал, прикидывая различные возможности.

— Господин, в последние дни ты идешь на юг, но это не беда. В двух днях ходьбы отсюда будет река, которая течет на запад. Мы будем держаться ее, пока не доберемся до моря, а дальше повернем и пойдем вдоль берега на юг.

Сварт нетерпеливо закивал:

— Хорошо, мы будем следовать вдоль берега реки. Но ведь ты выведала и кое-что еще, давай не томи, рассказывай.

Темнуха наклонилась к предводителю и, понизив голос, произнесла:

— Недалеко от реки мне повстречались две старые ведьмы, горностаи, что живут недалеко от огромной ямы, которую зовут карьером. И что занятно, их лачуга ограждена со всех сторон множеством толстых веревок, лежащих на земле.

— Толстые веревки на земле, зачем? — удивился Сварт.

— Из-за змей, господин. Считается, что змеи не могут пересечь лежащую на земле веревку.

Сварт уставился на лису, которую во мраке ночи едва было видно:

— Змеи! И много?

— Они уверяли меня, что на дне ямы живет огромное число гадюк. Когда мы стояли на краю карьера, они мне показали несколько входов в змеиное логово. Стоит зверю войти в один из них, и его неминуемо ждет жуткая смерть.

Сварт задумчиво поскреб когтями разукрашенный подбородок:

— Огромная яма и множество змей, да? Любопытно, как они туда попали?

Темнуха ответила не слишком уверенно:

— Старухи говорили, что яму эту рыли мыши, кроты, белки и прочие лесные звери, чтобы добыть красный песчаник для строительства. Когда они ушли, в яме поселились змеи. Видать, эти старухи, подобно жабам, наевшимся табака, тронулись рассудком.

Махнув лисе шестипалой лапой, Сварт велел замолчать.

— Если, как они говорят, там в земле нора, в которой уйма змей, то у меня есть грандиозный план.

На следующий день Сварт стоял на небольшом, поросшем травой холме; его морда и зубы сияли свежей краской, накидка развевалась на ветру. Когда он громко обратился к толпе, в голосе его зазвучали незнакомые прежде, заискивающие нотки:

— Я вел вас на юг, до реки, которая течет на запад. Когда доберемся туда, я дам вам всласть отдохнуть — словом, пару дней есть, спать и делать все, что захочется. А сейчас сворачиваем лагерь — и в путь!

Речь Сварта была встречена вялыми одобрительными возгласами. Казалось, бóльшая часть войска не торопится в поход. Из толпы отчетливо доносился голос Густомеха:

— Пусть тот, кто жаждет гнаться за барсуком, идет с хорьком!

— Похоже, ты считаешь, что Шестикоготь проделал такой дальний путь, гоняясь за барсуком. Тогда ты, лис, слишком недалек.

Густомех с интересом уставился на Темнуху:

— Ты что-то знаешь, чего не знаю я?

Темнуха плутовски улыбнулась, похлопав лапой себя по морде:

— О Сварте Шестикогте я знаю все. Иди за мной.

Густомех стал протискиваться сквозь толпу, направляясь с Темнухой к ясеновой роще, где их никто не мог услышать. Лиса опустила на траву, а Густомех сел спиной к дереву и положил алебарду рядом, чтобы та, в случае чего, была наготове.

В глазах лисы сквозила горечь, а когда она заговорила, голос ее дрожал:

— Сварту я служила много лет. «Лиса, сделай то, сделай это, достань, принеси». «Да, господин, нет, господин». Как я устала быть на побегушках!

Густомех улыбнулся, играя рукояткой алебарды:

— Что же заставило тебя перемениться?

Темнуха подалась вперед и схватила лиса за лапу:

— Ты! Сварт тебя боится. К гадалке ходить не надо, дни его как предводителя сочтены. Я же хочу быть на стороне победителя. Любой скажет, что вождем станешь ты.

Густомех лукаво скривил губы:

— Продолжай, лиса, твои речи ласкают мой слух.

Голос Темнухи выдавал ее затаенное коварство и волнение.

— История о барсуке лишь уловка для дураков. Сварт жаждет власти и богатства. Власть у него есть — он предводитель, а богатство спрятано совсем недалеко отсюда, на юго-востоке. Много лет назад туда приплыли по реке крысы-пираты и зарыли свои сокровища в секретном месте.

Лис вдруг встрепенулся и весь превратился во внимание.

— Ага! Сокровища, говоришь, где?

— Об этом знаем только я и Сварт. Когда-то, много лет назад, мы разбили крыс на восточном берегу моря. Перед смертью под пыткой их капитан признался, где спрятана добыча. Сейчас у Сварта слишком много власти, и я боюсь остаться на бобах. Поэтому мне нужен надежный товарищ, чтобы разделить с ним сокровища и власть.

Густомех хлопнул лапой по лапе и вытянул ее ладонью вперед:

— Если ты, лиса, меня нагреешь, я выпущу тебе потроха, а пока я готов на сделку.

Ладони Темнухи хлопнули и по-братски сомкнулись с ладонями лиса.

Лиса и лис за крепость уз

Скрепили лапами союз.

— Как только дойдем до реки, Сварт даст войску два дня роздыху, а сам незаметно улизнет на север за

добычей. Его сокровища спрятаны в карьере. Будь осторожен и держись подальше от землянки, в которой живут две старухи ласки. Они там вроде хранительниц сокровищ, сторожат припрятанное добро. Старухи те жуть как опасны, владеют колдовством и секретом ядов. Чтобы не попасться им на глаза, заходи в карьер позади лачуги и гляди в оба, чтобы никто тебя не видел. Отыщи самый большой туннель. Спустись в этот туннель — в конце его закопаны сокровища. Прихвати с собой двух верных друзей. Там спрятано добро, награбленное за много лет, так что одному всего не унести. Я слыхала, что там есть и огромная алебарда из чистого золота, украшенная драгоценными камнями, куда больше той, что носишь ты.

Густомех с горящими глазами спросил лису:

— А чем займешься ты, пока я буду искать сокровища?

Лиса понимающе кивнула:

— Сперва я попытаюсь внушить Сварту, будто ты с двумя друзьями от нас сбежал, а сама поставлю кое-что подсыпать ему в пищу, пусть немного ослабеет. Тогда ты сможешь смело бросить ему вызов, требуя власти, и победа непременно будет за тобой. Отправляйся в путь прямо сейчас. Мы с тобой встретимся у пещеры, где и поделим добычу.

Лис бросился догонять войско и, обернувшись, дружески подмигнул лисе.

Лиса улыбнулась в ответ и махнула ему лапой, а сама подумала, что ей суждено служить только одному господину — предводителю Сварту Шести-когтю!

Густомех выбрал себе в помощники двух молодых лисов и, не посвящая их в суть дела, погнал сначала на юг, а потом на восток. Лиса присоединилась к отряду Сварта около ручья.

Ночь была безветренна. Начался дождь. Густомех мчался что было сил, так что два лиса едва поспевали за ним. Насквозь промокнув, они взобрались на холм из щебенки и глины и стали рассматривать карьер. Вспышка молнии осветила огромную яму. Стирая с глаз капли дождя, один из молодых лисов попятился.

Большой лис презрительно хмыкнул:

— При свете молнии глядите во все глаза. Увидите большую дыру — покажите мне.

Грянул гром, и ночное небо распорол надвое слепящий зигзаг.

Все трое увидели дыру одновременно. Густомех подтолкнул молодых вперед, к самому широкому отверстию:

— Пошевеливайся, братва, туда нам и надо.

Вспышки молний все чаще озаряли небо. Спускаться поневоле приходилось быстро, потому что лапы разъезжались то на гладком камне, то на мокрой глине. Все вымокшие, они кубарем скатились на дно карьера, так что голова у всех троих шла кругом.

— Держите наготове кинжалы, вам придется ими копать, — скомандовал Густомех, перекинув алебарду через плечо.

— Копать? Зачем, Густомех?

— Не ваше дело. Пошли, у нас мало времени.

Молодые лисы, понукаемые Густомехом, зашли в туннель.

— По крайней мере тут тепло и сухо, — доброжелательно заметил большой лис. — Если найдете что-нибудь подходящее для факела, дайте мне знать.

Держась за хвосты друг друга, все трое осторожно продвигались вперед.

Когда у туннеля появились разветвления, Густомех впервые заподозрил неладное. Он собрался было повернуть назад, но напрочь заблудился в лабиринте поворотов и тупиков. Его молодые спутники совсем пали духом и скулили от страха.

На ощупь они потащились дальше по подземному коридору, вдруг в конце туннеля затеплилось едва заметное свечение.

Спотыкаясь, все трое ринулись на свет.

— Должно быть, это луна. Наверное, дождь кончился.

Вскоре они очутились в большой пещере. Повсюду торчали известняковые сталактиты и сталагмиты, они отражались в здоровенном пруду, который находился посреди пещеры и освещался бесчисленными бледно-зелеными огоньками. У разочарованных лис язык прилип к гортани. Тошнотворно-сладкий запах сделался невыносимым. Густомех с ним был знаком еще со времен сражений в северных краях. Это был запах смерти!

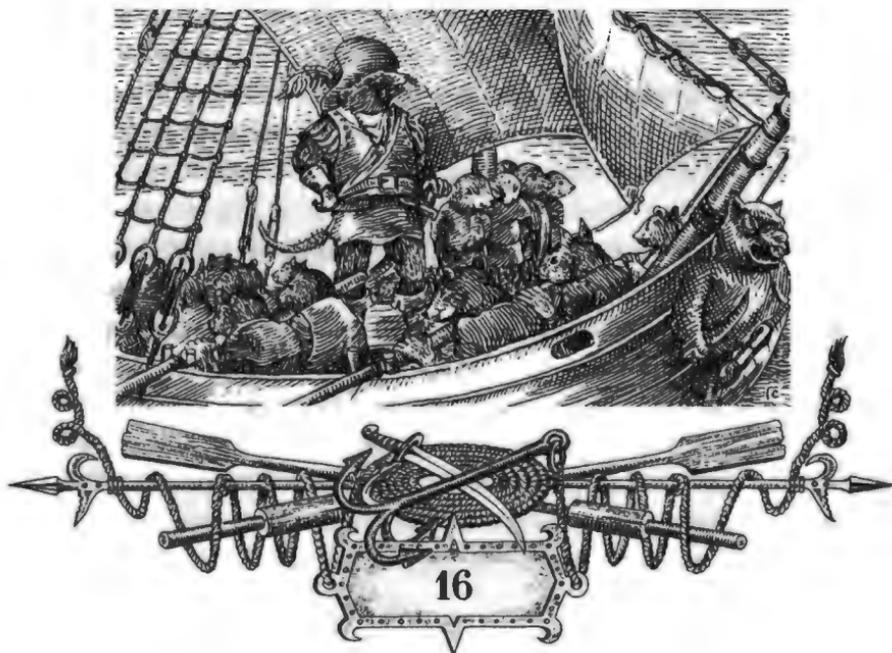
— Ссссссс!

Звук этот нарастал, пока вся пещера не наполнилась зловещим шипением. Лишь тогда изо всех ще-

лей выползли змеи. С черно-зеленой чешуйчатой кожей, с леденящим взглядом, длинные, короткие, толстые, откормленные, ядовитые, зубастые твари. Извиваясь, они медленной волной приближались к своим жертвам. Густомех, как в кошмарном сне, оказался под прицелом тысячи глаз, пронзающих его гипнотическим взглядом, алебарда выпала у него из обмякших лап. Один из его спутников взвизгнул и бросился в воду. От него осталась на поверхности воды лишь мелкая рябь, а темная тень все глубже и глубже погружалась в бездонное озеро.

После этого Густомех и второй лис, не издав ни звука, с гримасой невыразимого ужаса, широко раскрыв глаза и рты, словно замороженные, поплелись в объятия шуршащих, свернутых в клубки обитателей пещеры...

Неч уже вонзился в кожу под подбородком Блика, но вдруг обидчика настиг чей-то удар, и тот, уронив оружие, отлетел в сторону.

— Оставь его, Гринг! — раздался резкий голос. — Он чересчур крупный для морской крысы. Муско, зажги огонь и принеси сюда. Посмотрим, кто нам попался.

В свете факела Блик увидел, что ему угрожает рапирой землеройка с цветной ленточкой, завязанной вокруг головы.

— Ребята, никакая это не крыса, а барсук, причем здоровенный!

Попав в сеть, Блик расвирепел и стал яростно барахтаться. Наконец ему удалось встать, и державшие сеть колы выскочили из земли.

— Если с моими выдрами что-то случилось, боюсь, вам придется пожалеть.

Вождь землероек коротко отсалютовал Блику мечом:

— Прошу прощения, друг. Эй, Мунга, как там выдры?

Откуда-то из темноты донесся зычный голос:

— Этих толстощеких страшил всего-навсего долбанули мешком с песком.

С подветренной стороны скалы горел небольшой костер. Потирая головы, выдры уселись рядом с Бликом, Лог-а-Логом и другими землеройками вокруг огня. Радл представил Блика землеройкам.

— Каким ветром занесло вас в эти горы? — заметил он, потирая шишку на лбу.

Лог-а-Лог указал на море:

— Выждав момент, когда нас не будет в лагере, этот злодей Кривокогть заплыл в реку с моря на своем корабле «Потрошитель» и угнал наших детей в рабство.

— Сколько детей они забрали? — гневно осведомился Блик.

— Тридцать четыре... — ответил Лог-а-Лог. — Включая мою дочурку, которой чуть больше года.

Блик поднял булаву:

— Тогда пошли, нельзя терять ни минуты. Мы с вами.

Землеройки никогда не видели столь сильного и ловкого зверя. Куда не удавалось забраться, он с разбегу запрыгивал; где склон был слишком крут, он скатывался с него, а если на пути попадался камень или другое препятствие, он разбивал их булавой.

К побережью они прибыли за час до рассвета. Весь отряд собрался за выступом скалы, откуда открывался вид на широкое устье реки. Свернув лист, Блик принялся в него пицать.

Лог-а-Лог в недоумении взглянул на него:

— Что ты делаешь, друг?

— Это так, на всякий случай: вдруг рядом окажется кто-нибудь из моих друзей. А теперь нам надо выработать план. Вы, выдры, поплывете вверх по течению реки и проверите, не возвращается ли пиратский корабль. Лог-а-Лог, у тебя есть идеи насчет того, как задержать их, чтобы они не вышли в море?

Воин-землеройка по прозвищу Атаман, не сводя взгляда с берега, почесал подбородок, после чего велел измерить самое мелкое место.

Две мокрые землеройки через минуту принесли обратно:

— По шею, Атаман, глубина нам по шею будет.

Лог-а-Лог обернулся к Блику:

— В самый раз. Хватит ли у тебя сил, друг?

Блик пожал плечами:

— Скажи лучше, что ты задумал, а там уже решим, хватит ли у меня на это сил.

Кривокоготь, капитан пиратского судна «Потрошитель», был истинным морским разбойником, татуированным с головы до пят, выряженным в шелковые лохмотья и медные серьги, на поясе у него болтался ятаган. Он стоял рядом с рулевым у штурвала и бросал косые взгляды на перепуганных до смерти детей-землероек, столпившихся вокруг мачты, на которой развевался огромный зеленый парус. Прикованные цепями к веслам рабы с унылым видом понурили головы. Они боялись выказывать сочувствие маленьким пленникам, которых тоже ожидала участь каторжников на какой-нибудь пиратской галере.

У капитана было на редкость хорошее настроение: в стане землероек ему удалось добыть отличный живой товар и теперь его корабль держал курс к морю.

Кривокоготь с гордым видом прохаживался по палубе. Обернувшись к толстобрюхому горностаю, у которого на широком поясе висел плетенный из звериных сухожилий кнут, он сказал:

— В такое прекрасное утро грех бездельничать, Брюхан. А ну-ка пощекочи своих гребцов, погляди, на что способна наша посудина.

Горностай, оскалив в приветливой улыбке поломанные и почерневшие зубы, хлестнул плетью по голым спинам гребцов. Испуская сдавленный стон под беспощадными свистящими ударами хлыста Брю-

хана, рабы гребли быстрее и быстрее. Перепуганные землеройки хныкали и визжали, пригнувшись, чтобы им не досталось от обратного взмаха кнута.

Кривокоготь ликовал. Склонившись к маленьким пленникам, он зло зарычал:

— Хахахарр! Мои маленькие пташки! Еще один звук — и я выпущу вам кишки, а потом совью из них линь.

Малыши, онемев от страха и прижавшись друг к другу, смотрели на ужасного капитана. Вряд ли они представляли себе, какие ужасы их ждут в открытом море.

Раздавая приказы направо и налево, Кривокоготь поднял на лапы всю команду; судно как раз в это время делало поворот.

Матрос перегнулся через леера и, прикрывая ладью глаза от слепящего солнца, вежливо доложил:

— На горизонте показались морские просторы, капитан. Меж горами и деревьями отражается в воде солнце.

Фолриг и Радл издалека заметили приближающееся пиратское судно и тут же со всего размаху влетели в воду, так что мелкие рыбки бросились от них враспынную. Выдры благополучно вернулись к друзьям, которые ждали их за скалой у самого устья реки.

— Слушайте сюда, друзья, пиратское судно совсем рядом, — сообщил Радл. — Что ты замыслил, златоносый?

Лог-а-Лог затряс головой, будто не слишком доверял затее Блика, и похлопал барсука по могучему плечу:

— Этот богатырь принес два огромных камня, которые и двум десяткам землероек сдвинуть было бы не под силу. Видишь место, где приливом в устье реки нанесло песок? Туда Блик и сбросил эти камни. Теперь путь из реки в открытое море перекрыт.

Блик вновь взял расщепленный листок и еще раз издал громкий звук. Выдры и землеройки устали на него.

— Может, он слышал, а может, был слишком далеко, лучше не рисковать.

Лог-а-Лог в недоумении покачал головой, но решил не отвлекать барсука глупыми вопросами от общего дела.

Когда «Потрошитель» обогнул гору и вышел в широкое русло, река стала мельче. Гребцам пришлось встать и отталкиваться от песчаного дна длинными веслами. Кривокогть, любуясь на водные просторы, вспоминал прошедший без сучка без задоринки рейд, и душа его пела от веселья.

Он повернулся спиной к бушприту, взмахнул ятаганом и громко крикнул команде:

— Эй, разбойники, кто лучший на свете капитан?

— Капитан Кривокогть! — дружно отозвались пираты.

С победным ликованием Кривокогть раскинул лапы, и на солнце засверкали все его доспехи.

Буууум!

Корабль наскочил на камни, и Кривокоготь рухнул на спину. Два сидящих на корме пирата свалились в воду; гребцы, будто кегли, повалились кто куда. Впередсмотрящий Остронос с поцарапанной мордой молниеносно спустился по вантам и прошмыгнул мимо Кривокогтя.

— Мы застряли меж двух огромных валунов! — завопил Остронос, свесившись за борт. — Когда мы плыли сюда, их здесь не было. Уууу!

Увесистый пинок капитана отправил дозорного в воду.

— Да? И кто же их сюда принес? — издевался над барахтающимся внизу дозорным капитан.

— Верните детей, мерзавцы! — раздался громовой голос.

Кривокоготь стал шарить вокруг глазами. По берегу шел отряд во главе с Бликом. Взяв в лапы булаву, барсук грозно прогремел:

— Последний раз обращаюсь к тебе, крыса! Сейчас же доставь сюда детей!

Кривокоготь соображал быстро, несмотря на ушибленный затылок. Он мигом спустился вниз и вернулся обратно с маленькой землеройкой. Прижав лапой беззащитную кроху к полу, он вытащил ятаган и полоснул им по воздуху.

— Стоять на месте — не то я убью эту тварь! — заорал он.

Блик с отрядом спасателей остановились.

— Предупреждаю тебя, крыса, если хоть волосок упадет с головы пленника, — барсук указал на извивающегося и визжащего малыша, — тебе конец.

Кривокоготь знал, что дело дрянь, но пока преимущество было на его стороне.

— Убери камни, иначе я убью пленников всех до одного!

Не прошло и минуты, как команда «Потрошителя» была во всеоружии. Лог-а-Лог посмотрел на выдр, и на его взъерошенной морде застыла гримаса невыразимого отчаяния.

Землеройки питали к своим детенышам самые нежные чувства, и Кривокоготь отлично это знал.

— Ну что, здоровяк? — ухмыльнулся Кривокоготь. — Уберешь камни или нет?

Блик не мог справиться со своим дрожащим голосом:

— Верни детей, и я пропущу твой корабль.

Корсар понял, что можно диктовать условия:

— Вот что я тебе скажу. Этот будет номер один, а вслед за ним мы порубим на куски всех остальных, если ты не сдвинешь эти камни.

Он взмахнул ятаганом, и в воздухе сверкнула широкая лента металла.

— Крииииигаааааа!

Скарлет появился словно гром среди ясного неба. Когтями правой лапы он впился крысе в держащий ятаган кулак, а левой — в глотку. Кривокоготь упал навзничь и столкнул детеныша-землеройку в воду. Не теряя времени, Блик взобрался на борт корабля, глаза его сверкали яростью, в жилах кипела кровь барсуков-воителей.

Скарлет знал, что произойдет в следующую минуту, и был не в силах остановить побоище. Увидев

закованных рабов, он бросился к ним и с яростью принялся разбивать цепи; когда же гребцы были свободны, Скарлет крикнул им:

— Хватайте малышей, и чтоб духу вашего здесь не было! Всем уйти с корабля подальше!

Меж тем на галере раздался боевой клич барсука:

— Эулалиааааааа!

Звери стояли на берегу, затаив дыхание, а на «Потрошителе» царили крики, визг и неразбериха. Каждому из пиратов Блик Булава воздавал по заслугам, не щадя никого.

Вовернувшись спиной к мачте, Блик расправился с шестью крысами одним ударом. Его булава мелькала в воздухе так, что за ней было не уследить, она ломала мечи, словно тростинки. Крысиная команда сражалась с остервенением, но кто мог сравниться в силе и ловкости с барсуком?!

Ни один пират не вышел из этой битвы живым. Блик, выронив булаву из лап, после боя свалился без сил прямо у мачты. К тому времени Фолриг, Радл и Скарлет отвели землероек за скалу, чтобы те могли поесть и от-

дохнуть. Небо на горизонте начало пламенеть в лучах заходящего солнца, и Скарлет поднялся в воздух на разведку.

Блика разбудил одинокий крик чайки. Перегнувшись через борт, барсук зачерпнул холодной воды и принялся смывать с себя и булавы следы кровавой битвы. Глаза его уже обрели свой естественный темно-коричневый цвет и вновь стали добрыми и мягкими.

Неподалеку приземлился Скарлет. Он видел, как Блик своей булавой продырявил борт, а после, поднатужившись, убрал с пути корабля огромные глыбы. Лишенная преград галера плавно устремилась в последнее плавание.

На берегу горел костер, у которого, прислонившись спинами к скалам, сидели землеройки, а перед ними в котле бурлил суп из креветок, трав и лука. Они по-братски поделили хлеб с сыром и разлили по кружкам пиво, а малышам — черносмородиновый напиток.

Блик, изможденный непосильным трудом, сидел в стороне и не разделял общего веселья. Лог-а-Лог принес ему еду и произнес:

— Лорд Барсук, пусть нам не хватает слов, чтобы отблагодарить тебя, но мы готовы отдать тебе наши сердца. Имя твое будет на веки вечные свято для каждого из Гуосима.

— Гуосима? — с любопытством переспросил Блик.

— Это сокращенное название Партизанского отряда землероек Страны Цветущих Мхов, — пояснил Лог-а-Лог. — Мы воины и глубоко тебя чтим.

Блик благодарственно кивнул в ответ, но сам-то он осознавал неукротимость своего бойцовского нрава, и получалось, что благодарили его за самую темную сторону его естества.

Этой осенней ночью лагерь Гуосима спал на берегу, как никогда, спокойно. Если рядом такой зверь, как Блик, ничего не страшно. Поутру Лог-а-Лог встал на скалу, обрамляющую берег реки, и, сложив лапы у рта, издал долгий завывающий звук, который покатился вверх по реке:

— Логалогалогалогалогооооог!

Ответ едва можно было разобрать, но Лог-а-Лог Блику пояснил:

— Наши старики плывут сюда на лодках-долбленках. Так мы обычно передвигаемся по воде.

В скором времени показались и лодки. Это были длинные плоскодонки, выдолбленные из сосновых стволов, которыми землеройки искусно управляли с помощью шестов.

Лог-а-Лог взял Блика за лапу:

— Тебе, приятель, у нас понравится, мы закатим тебе такой пир, что у тебя мех закучерявится от удовольствия.

Большой барсук от души пожал Лог-а-Логу лапу:

— Нет, друг, мне пора идти своей дорогой.

Фолриг и Радл поддакнули:

— Ну да, приятель, у нас впереди длинный путь.

Блик подхватил выдр и аккуратно швырнул их в ближайшую лодку.

— А вы, два страшили, отправитесь с Лог-а-Логом, — сказал он им. — Я должен идти один. Саламандастрон где-то совсем рядом.

Выдры возражать не решились, но шуточек в адрес барсука было отпущено немало.

Наконец Скарлет и Блик остались на берегу одни и глядели, как лодки исчезали в тенистой речной дали.

Собираясь в путь, Блик обратился к Скарлету:

— Прошлой ночью мне приснилось, что до самой зимы следует двигаться на юг. А ты, сокол мой, остаешься со мной или тебе пора улетать?

Скарлет кружил над головой друга:

— Два с половиной десятка дней, пока ты не доберешься до заветной горы, я буду с тобой рядом, владыка Саламандастроны, а после полечу по своим делам.

Осень выдалась на редкость теплой, как и лето. Блик держал курс на юг вдоль берега моря. Скарлета обычно не было видно, но барсук знал, что друг его не покинул. Все чаще во сне Блику являлись мать, отец и праотцы. Они делились с ним своей мудростью, будто готовили его к роли, которую ему предстояло сыграть в будущей жизни.

Последний день осени был ясным и жарким, как в самый разгар лета. Тихая, как мельничный пруд, морская гладь отражала безоблачное синее небо. Над раскаленным песчаным берегом кружили крикливые чайки, лениво паря в теплых слоях воздуха.

Блик невольно остановился, затаив дыхание от величия выросшей перед ним гигантской горы.

В тени у самого входа в горную пещеру стояли заяц с зайчихой и наблюдали за тем, как вдоль берега к ним движется утомленный долгой дорогой барсук.

Когда зайцы вышли на свет, Блик заметил, что оба они почтенного возраста.

— Как называется это место? — поинтересовался Блик.

— Саламандастрон, обитель огненного ящера, — ответил старик заяц.

Барсук глубоко вздохнул. Прислонившись к скале, он бросил булаву на песок.

— У меня такое чувство, что я здесь уже был, — как-то по-особенному произнес он.

Зайчиха вынесла из пещеры еду.

— Передохни. Вот поешь и попей. Меня зовут Ветерок, а это мой брат Звездочка. А тебя как величать?

Барсук улыбнулся и, коснувшись светлых, отливающих желтизной полос на своей голове, представился:

— Меня прозвали Блик Булава. Я сын Беллы и Полоски Кору, странник.

Звездочка понимающе кивнул:

— Твое путешествие подошло к концу, Блик. Ты внук Вепря Бойца и правнук почтенного Лорда Броктри. На стенах нашей горы написано, что однажды ты сюда придешь.

Блик распрямился и в недоумении уставился на зайцев:

— Говорите, написано? Но кем?

Ветерок пожала плечами:

— Тем, кто предвещал, что на смену нам придет другое поколение.

Зайцы, стоя у входа в пещеру, низко поклонились барсуку:

— Добро пожаловать в нашу гору, Блик Булава, владыка Саламандастрона.

И солнце было свидетелем тому, как на песчаном берегу барсук и зайцы вместе вступили в гору-крепость.

С кратера этого застывшего вулкана наблюдал за ними сокол Скарлет. Невыразимой гордостью наполнилась его душа за барсука, который некогда, уже довольно много лет назад, в зимнем лесу вернул его к жизни. Не оглядываясь, он взмыл в синее небо и полетел на северо-восток в поисках Сварта Шести-когтя.

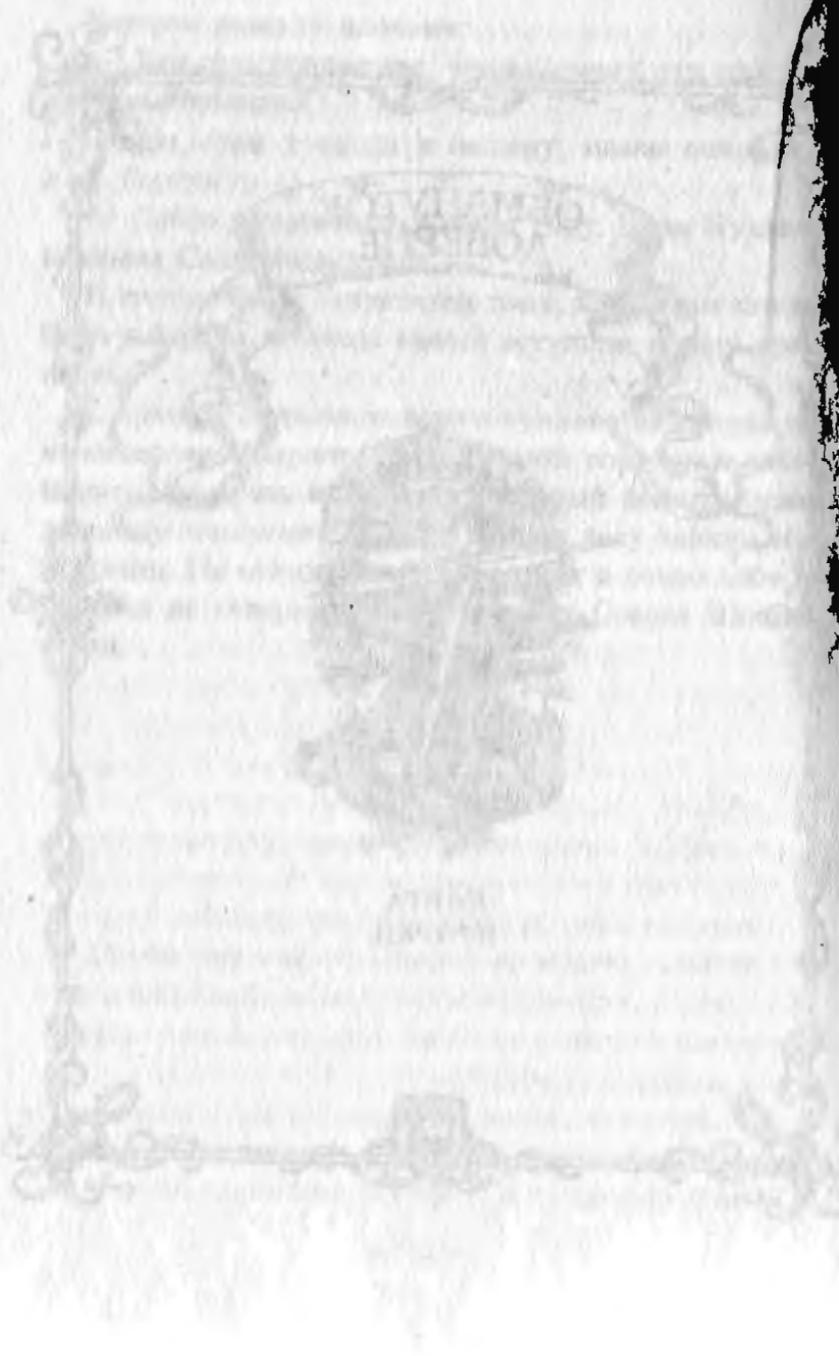

ОБМАНУТОЕ
ДОВЕРИЕ

КНИГА
ВТОРАЯ

Никто не мог припомнить столь долгой и суровой зимы. Воюющие северо-восточные ветры намели огромные сугробы; древние могучие деревья, схваченные льдом в самых уязвимых местах ствола, расщепились пополам от верхушки до самого корня. За одну ночь реку, текущую с запада, сковал лед.

Узником белой морозной стихии стало и огромное войско Сварта. Оно зимовало в грубых, наскоро сколоченных хижинах. Пища и

терпение были на исходе; легче было растопить окутавший землю снег, нежели истребить бродившие в войске бунтарские настроения и мысли о дезертирстве. Голубика, дочь Криволапа и жена Сварта, родила маленького хорька и вскоре умерла, словно нежный весенний цветок при неожиданном наступлении мороза; впрочем, она всегда была хрупким созданием. Зато малыш, в отличие от нее, оказался крепышом и унаследовал от отца шесть крошечных коготков на левой лапе. Голубику скромно похоронили в расщелине промерзшей, как камень, земли, а детеныша отдали на попечение старухи крысы. Однако Сварту, казалось, до всего этого не было никакого дела.

Вечно злой предводитель то и дело звал Темнуху прикладывать горячие припарки и примочки к его нестерпимо нывшей в холодную погоду изувеченной лапе. Прочие звери, слыша его страдальческие вопли, тряслись от страха. Любой здравомыслящий солдат избавился бы от подобного предводителя, так как ждать от него можно было чего угодно. Когда же боль утихала, Сварт долго просиживал без сна под сложенным из еловых веток навесом, не отводя глаз от костра и посылая проклятия Блику Булаве. В ту холодную пору выжить Сварту помогала только мысль о мщении, она заменяла ему еду, питье и сон. Так в голоде и холоде войско Сварта коротало долгую зиму, с нетерпением ожидая весны.

Скарлет же вернулся к семействам Лингла и Дуббо. О лучшей участи он и не мечтал, и душа его была спокойна: Блик нашел заветную гору и был в безопасности, к тому же в это суровое время года

никакое войско не отважилось бы сдвинуться с места. Сокол был занят с утра до вечера: помогал готовить сыр, играл с малышами, варил с дядюшкой Блуном эль, помогал Тори и Миле стряпать восхитительные обеды и, конечно, ел, ел и ел. Он даже выучил несколько песен и танцев тетушки Уммы.

Однажды старик Вязник принес в пещеру два ведра снега и поставил их на огонь. Пока снег в ведрах таял, старик подозвал малышей и протянул им два крошечных цветка:

— Глядите, лучшего признака наступающей весны, чем эти два подснежника, не бывает. Эти два очаровательных бутончика расцвели вроде вас, малышки.

Вскоре, как и предсказывал Вязник, весна начала вступать в свои права. Ненадолго показывалось солнышко, защебетали птички, которые отважно перенесли зимние холода. Тепло все больше согревало землю.

После долгих недель нестерпимая боль в лапе Сварта наконец утихла. Он покрыл свежей краской зубы и полосы на морде, заменил клинок меча и решил встряхнуть свое войско.

— Эй вы, лентяи и лежебоки, пошевеливайтесь, кому жить не надоело! Темнуха, бери с собой троих и марш вперед на разведку местности! Агал, Скроу и Мугр, наведите порядок в этом свинюшнике! Мы скоро снимаемся с места. Вдоль реки на запад!

Войско, словно огромный дикий зверь, похлопало на запад. Звери с голоду хватали все подряд; трава, зеленые ветки, засохшие прошлогодние коренья, черви, дохлые лягушки и любые ожившие насекомые — все шло в ход. В хвосте колонны волочилась

старая крыса, на спине у которой в плетеной люльке раскачивался младенец-хорек, которому до сих пор никто не удосужился дать имя: Быстро разделяясь с пищей крохотными острыми зубками, он рыскал хитрыми глазенками по сторонам, выискивая, чем бы еще поживиться.

Скарлет обнаружил войско Сварта четырьмя днями позже. С наступлением весны сокол вновь высматривал, наблюдал, следил за всем, что происходит внизу. Вылетев на поиски врага, Скарлет тут же его нашел. Войско дошло до места, где широкую протоптанную тропу, идущую с севера на юг, пересекала река. Неподалеку, там, где река разветвлялась, можно было перейти ее вброд.

Спрятавшись в ветвях конского каштана, сокол подслушал разговор между предводителем и капитанами.

Горноста́й Мугр убеждал всех идти вдоль берега реки:

— Сам же говорил, что, следуя на запад за рекой, мы ни за что больше не заблудимся.

Лапа Сварта блуждала у рукояти меча, наводя на всех присутствующих ужас.

— Разве кто-то считает, что я позволил своей армии заблудиться?

— Ничего я не говорил, — пошел на попятную горноста́й. — Я лишь сказал, что лучше идти вдоль реки, как ты предлагал раньше.

Сварт вытащил меч, окинув капитанов взглядом:

— А вы что на это скажете? Следовать за Мугром на запад или за мной на юг? Или, может, кто желает проведать Густомеха и выяснить, как он провел зиму?

Капитаны молча опустили глаза в землю. До них дошли слухи об ужасном конце Густомеха.

Предводитель презрительно улыбнулся Мугру:

— Если приятели не слишком тебя жалуют, приказывать буду я. Мы двигаемся на юг. Тебя это устраивает, Мугр?

Мугр, онемев от страха, молча кивнул. Сварт же размахнулся и полоснул его мечом по задней лапе. Горноста́й взвизгнул и сел на землю, схватившись за раненую лапу.

Концом меча Сварт приподнял подбородок горноста́я, чтобы видеть его глаза:

— Ты победил. Не желаешь идти на юг, и не надо. Можешь скакать на одной лапе, дружище, на все четыре сторон, и поторапливайся.

Без дальнейших обсуждений войско повернуло на юг.

Скарлет увидел и услышал все, что ему было нужно. Он еще успеет сообщить о приближении врага Блику, но прежде следует предупредить тех, кто находится за стенами большого дома из красного камня, который сокол приметил во время своего разведывательного полета несколько дней назад. К несчастью, у Скарлета в запасе было всего четыре дня.

19

Из записей Барлома, летописца аббатства Рэдволл, внука Тимбаллисты, который был другом Мартина Воителя: *К сожалению, мне не довелось познакомиться с Мартином Воителем — он ушел из жизни вместе с другими героями, помогавшими возводить стены нашего замечательного аббатства. Когда я был еще мальшиом, дед мой (мир праху его) нередко рассказывал легенды и сказания о тех суровых далеких временах. Великие воины боролись за то, чтобы спокойно и счастливо жили их дети и внуки. По тради-*

ции мы сегодня отдаем дань памяти тем, кто с честью выполнил свой долг и ныне покоится с миром. Из почитаемых нами героев тех дней среди нас остались одна барсучиха Белла.

Хоть и поговаривают наши старики, что седовласая Белла бессмертна, однако она, бедняжка, уже почти ослепла от старости и передвигается медленнее черепахи. Дивным-дивно Белла потеряла сына, и никто ничего не знает о его судьбе. Теперь она с нежностью заботится о малышах. Я сам видел, что стоит ей погладить малыша по головке, и тот сразу же засыпает. Будем надеяться, что Белла проведет с нами еще долгие годы.

Сегодня мы даем большой праздничный обед в честь великих героев прошлого: Мартина, Гонфа Вора, Колумбины, Динни, аббатисы Жермены, Бена Непокорного, моего деда Тимбаллисты и многих других друзей и обитателей Рэдволла — всех трудно перечислить. В аббатстве ожидается большое веселье. Лить слезы за столом — все равно что осквернить память тех, кто вечно живет в наших сердцах.

Барлом самолично назначил себя привратником, потому что сторожка была одним из немногих мест, где он мог более или менее спокойно заниматься своей писаниной. Сьюмин, почтенного вида белка, частенько заглядывал к нему поболтать. В этот день в Рэдволле появился неожиданный гость, и Сьюмин поспешил обсудить это событие с привратником.

Сьюмин прибыл одновременно с аббатисой и уверенно подержал ей дверь и предупредил:

— Не пугайся, в сторожке сокол. Уверяю тебя, он совершенно безобидный.

Аббатиса жестом пригласила Сьюмина войти:

— Может, и ты хочешь узнать, что он собирается сообщить?

Банфолд и Хартвуд, войдя в домик вслед за ними, оставили дверь приоткрытой. На спинке кресла сидел красавец сокол и разглядывал присутствующих своими зоркими золотистыми глазами. Едва сокол и рэдловльцы познакомились, как в дверь постучали.

— От нашего стола, значит... вашему столу, дорогие друзья! — с подносом в сторожку вошел Тогет.

Хартвуд взял поднос с угощением и поставил его перед соколом; тот скромно отведал лакомства и произнес:

— Меня зовут Скарлет. Я служу Блику Булаве, великому воину и владыке Саламандастрона.

Мериам в знак гостеприимства широко развела лапки:

— Приветствуем тебя, Скарлет, в нашем доме.

Скарлет сложил крылья и подался вперед:

— Когда я увидел ваше аббатство, я счел своим долгом сообщить одну новость. У Блика уже долгие годы есть заклятый враг, Сварт Шестикогть, хорек.

Мериам налила себе мятного чаю.

— Мы слышали о Саламандастроне. Это гора, которая защищает свободу и справедливость на далеком побережье. Однако мы не слышали о Блике Булаве и этом Сварте Шестикогте.

Скарлет расправил крыло и указал им на север:

— Пока я с вами говорю, Сварт со своим огромным войском движется сюда. Ваше аббатство стоит на его пути. Я прилетел вас предупредить. Шестикоготь очень сильный и опасный зверь, и, хотя он ищет Блика, ваше аббатство ему точно приглянется.

Сьюмин, который многое повидал в лесах Страны Цветущих Мхов, незамедлительно поддержал Скарлета:

— Ты прав, друг, так всегда поступают хищники, особенно те, у кого за спиной огромная банда. Но что, как ты думаешь, нам предпринять? Саламандастрон слишком далеко, как и твой господин.

Скарлет взлетел со спинки кресла на дверь.

— Если Сварт придет в Саламандастрон, Блик сумеет его достойно встретить. Но я не знаю, есть ли у вас воины, и просто предупреждаю вас об опасности. Теперь мне пора к моему господину. Да сопутствует вам удача!

Без лишних церемоний Скарлет растворил дверь и взмыл высоко в небо, взяв курс на юго-запад. Рэдволльцы, стоя у входа, проводили его взглядом. Когда он исчез из виду, они вернулись в сторожку на совет.

Первым заговорил Барлом:

— Никто не знает, где сейчас этот хорек. Скарлет точно не сообщил. Сколько у нас времени? День, два, а может, всего несколько часов?

— Стало быть, прямо сейчас надо собирать свою армию и обучать солдат. Без боя Рэдволл не сдастся! — уверенно заявил Хартвуд.

— Ух, мы этому зверю такое покажем! — Банфолд яростно топнул лапой.

— Минуту. Погоди, — перебил раскипятившегося Банфолда Сьюмин. — Ты рассуждаешь так, будто в аббатстве полно обученных солдат и доблестных воинов, однако никто из нас, если не считать Беллы, в глаза не видел настоящих полчищ хищников и не представляет, чем это грозит Рэдволлу.

Барлом сильно стукнул кулаком по столу, так что гусиное перо и пергаменты задрожали, после чего для большей убедительности он повторил удар.

— Что мешает нам обучить собственную армию, а не ждать, пока нас покорит этот предводитель?

У Сьюмина было другое мнение:

— А что если Сварт не дойдет до нашего аббатства? Что если мы окажемся в стороне от его пути в Саламандастрон?

— С чего бы это? — пожал плечами заинтригованный Хартвуд. — Ты же слышал, сокол сказал, что Сварт движется прямо сюда.

— Тсс! — остановила его Мериам, приложив лапу к губам. — Послушаем Сьюмина.

Странник предложил смелый и отчаянный план:

— Все, что нам нужно, — это белки-лучники и выдры-пращники. Даю слово, мы с Хартвудом сколотим неплохую банду из обитателей Страны Цветущих Мхов. Мы преградим Сварту путь и будем

наносить удары и исчезать, так что Сварту придется сражаться с армией-невидимкой, о численности которой он не получит ни малейшего представления. Каждая белка и выдра, хорошо знающая местность и действующая скрытно, вполне сойдет за шестерых. Хорек будет вынужден уйти через западные леса к морскому побережью, а там уже свернуть на юг к Саламандастрону. Тогда Сварт даже не узнает, что здесь находится аббатство.

Барлом затрясся от радостного возбуждения:

— Верно, Сьюмин, я иду с тобой!

Мужественный Сьюмин решительно затряс головой:

— Я беру только белок, которые могут укрыться в кроне деревьев, и выдр, которые умеют плавать под водой, — то есть армию-невидимку.

Банфолд разочарованно причмокнул:

— Мы с Барломом неплохо бы сражались за свободу Рэдволла.

Аббатиса обняла их за плечи:

— Именно поэтому вы нам нужны здесь. Если план Сьюмина провалится, мне нужны будут воины, чтобы защищать стены аббатства. Вот тогда вы с Барломом возглавите оборону Рэдволла.

Банфолд попытался выпятить грудь колесом, но вместо этого у него раздулся живот. Барлом слегка смутился от оказанного ему доверия и принялся наводить порядок в своих письменных принадлежностях.

— Все, что здесь говорилось о Сварте и его войске, должно остаться между нами, — предупредила

аббатиса своих друзей. — Тогда скорее всего в аббатстве будет все спокойно. Вечерний пир не отменяется.

От Монаха не ускользнули разочарованные взгляды Сьюмина и Хартвуда.

— Не волнуйтесь, братья, вы ничего не пропустите. Когда, разбив врага, вы к нам вернетесь, я самолично закачу вам особый пир в честь победителей.

20

В тот вечер Мериам любовалась закатом на западной стене аббатства. Рядом с ней стояла Бриони — они были близкие подруги.

Вдруг аббатиса часто заморгала, пытаясь прогнать непрошеные слезы:

— Я вспомнила давно ушедших от нас героев, которые столько сделали, чтобы построить это замечательное аббатство из красного песчаника. В их числе и твой родной дед Гонф, и его жена Колумбина. Тут каждый уголок — винные погреба, кухня, кладовые,

Пещерный Зал, спальные покои, лазарет, лестницы и коридоры — все выстроено для нас и тех, кто придет за нами. Мы должны во что бы то ни стало сберечь это чудесное место.

Маленькая мышь пристально посмотрела на Мериам:

— Аббатиса, но почему у тебя такой грустный вид?

Мериам одарила ее своей редкой улыбкой. И, подхватив юную мышь под локоток, повела ее вниз по лестнице.

— С чего это мне грустить, когда мы отправляемся пировать? Лучшего повода для веселья просто не бывает, моя милая.

Вдруг Мериам громко рассмеялась и вместе с Бриони, визжа и хохоча, словно малышка, улепетывающая от бани, помчалась во всю прыть по лужайке.

Когда они влетели в Большой Зал, раздался гром приветствий. Все, особенно молодежь, с нетерпением ожидали начала праздника.

Проплыв к своему большому стулу, аббатиса притворно нахмурилась. Мгновенно воцарилась тишина.

Мериам подождала, пока два толстенных кротенка подвинут ей стул, чтобы она могла сесть. Скрестив лапки, она продолжала стоя разглядывать накрытые прямоугольные столы. На белоснежных скатертях мерцали свечи и светильники. Посредине праздничного стола возвышался громадный торт Банфолда.

В зале все еще стояла тишина, пока Мериам не произнесла благодарственное слово всем покровителям Рэдволла.

Под строгим взглядом Мериам никто не смел нарушить затянувшееся молчание. Вдруг на лице аббатисы засияла улыбка.

— Итак, не знаю, как вы, но лично я проголодалась.

Под гром смеха и аплодисментов пир в честь поминовения рэдволльских героев начался!

В половине лиги от Рэдволла в ночных лесах и реках Страны Цветущих Мхов началось движение. При серебряном свете ущербной луны добрая сотня зверей готовила оружие к бою. Хартвуд обратился к вынырнувшей из воды бравого вида выдре, вооруженной дротиком и пращей.

— Ну что, Шкипер, готовы твои воины? — поинтересовался он.

Тот хлопнул лапой по подсумку, в котором грекнули камни:

— Полный порядок — хоть сейчас в бой, дружище!

Сьюмин похлопал по плечу небольшую, но воинственного вида белку:

— Что ты сказала своим, Рыжуха?

Облизав наконечник стрелы, белка довольно ухмыльнулась:

— Что-то про Рэдволл и что, мол, намечается крупная потасовка. Ладно, старик, показывай, куда идти.

— Только, чур, без лишнего шума, ладно?

Сьюмин нырнул в темноту и остолбенел, увидев перед собой долговязого зайца с громадным суком в лапе и колчаном стрел такой величины, которые ему до сих пор и не снились. Сьюмин в недоумении заморгал, а Рыжуха лишь небрежно махнула пушистым хвостом:

— Этого бродягу мы несколько лет назад нашли в лесах. Стреляет, как молния, хоть стрелы у него величиной с копьё. Не поверишь, но он хочет быть белкой, как мы. Правда, как боец он стоит пятерых, но ест за десятерых.

Зяец и впрямь представлял собой любопытное зрелище: его калачик-хвост петлей обхватывала бечевка, которая через спину была привязана к ушам. Обычно немногословный, Сьюмин улыбнулся и шепнул Рыжухе:

— Как его зовут?

— Это тебе ни к чему, — отрезала она.

Сьюмин прокашлялся, чтобы не рассмеяться:

— Нет, к чему!

Воительница ухмыльнулась:

— Тогда пойд и спроси его сам.

— Как тебя зовут, заяц? — обратился Сьюмин к чудаковатому зайцу.

Согнув длинные лапы, заяц тотчас взлетел на нижние ветки чахлого дуба.

— Ну что, старик, видишь, природа врет. Теперь я белка. Хотя я и выгляжу как заяц, но внутри во мне живет истинная белка.

Сьюмин старался не выдать своего изумления:

— Я же не спрашиваю, кто ты, заяц или белка, я спрашиваю, как тебя зовут. Ну так как?

Белкозаяц скакнул вверх на следующую ветку, с нее вниз и приземлился прямо перед Сьюмином.

— Ни к чему тебе это знать, — заявил он.

— Нет, надо.

— Ладно, будь по-твоему. Меня зовут Вилтурио Лонгбароу Сакферт Токсофола Федлрик Фритиллера Уайлфрэнд Хердлфрейм Лонгэроу Лиуэлт Пугнацио Синабар Хилветер...

— Хватит, хватит. Ты был прав, мне ни к чему знать!

Белкозаяц ущипнул тетиву лука, и та отозвалась мелодичным звуком.

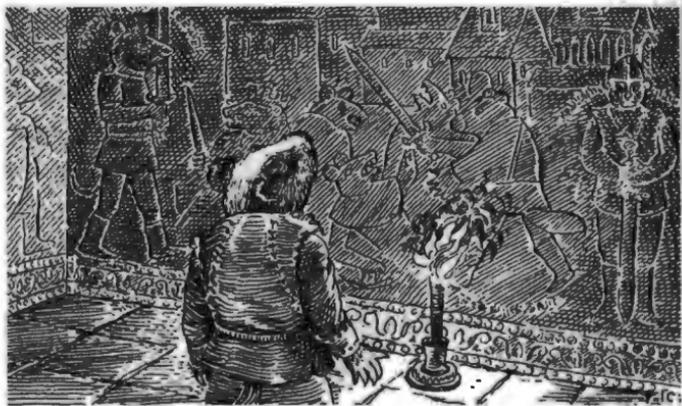
— Но ты вполне можешь называть меня Джодом, — произнес он. — Хочешь знать, откуда взялось это короткое имя?

Рыжуха метнула на него сердитый взгляд:

— Нет, он не хочет. Пошли, уже пора!

Воинствующая братия направилась на север, где разбил лагерь Сварт Шестикогть. Зашуршали кусты, послышался плеск воды, и через мгновение все стихло: воины растворились в лесу, словно развеявшийся на ветру туман.

В Саламандастроне наступила суровая зима. Снаружи волны обрушивались на покрытый ледяной коркой песчаный берег. Внутри горы было тепло и сухо. Доблестные зайцы Дозорного Отряда позаботились о том, чтобы их семьям жилось уютно.

Всю зиму покой Блика бесшумно охраняла молодая и очень сильная зайчиха по имени Росянка. Личные покои барсука находились довольно высоко, на уровне спален зайцев. Они были просторны, удобны, но без

излишеств, — словом, под стать самому Лорду Барсуку.

В самое первое утро, проснувшись и осознав, где он находится, Блик лениво скатился с усталенного подушками выступа скалы, служившего ему кроватью. Он широко распахнул деревянные ставни прямоугольного окна, выдолбленного в скале, и долго смотрел на бледно-лиловое небо. За спиной барсука скрипнула кедровая дверь, но он даже не шелухнулся.

Росзянка подошла к окну и тихонько окликнула барсука:

— Блик, пойдем завтракать. Потом я тебе тут все покажу и постараюсь ответить на все вопросы.

В трапезной был настоящий хаос. Зайцы всегда слыли отменными едоками и изо всех сил старались это доказать. За длинным рядом столов теснились долговязые крепкие зайцы и внушительных размеров зайчихи; юные зайчата, перекидывающиеся друг с другом взглядами и тем временем уплетающие за обе щеки еду, и совсем невоспитанные малыши, которые яростно работали челюстями, успевая наградить соседа тумаком.

Когда вошел Блик, в трапезной повисла тишина. Вместо того чтобы сесть на большой резной стул, предназначенный для Лорда Барсука, он примостился рядом с молодым зайцем. Дежурные тотчас принесли ему еду и питье.

Преломив хлеб, Блик подмигнул юному соседу и спросил:

— Как тебя зовут?

— Бредбери, но приятели зовут меня просто Бредерс.

Блик заметил, что молодая зайчиха морщит носик и таращит глаза на Бредбери. Толстощекий зайчонок, сидевший по другую лапу от Бредбери, оторвался от овсяной каши, которую наворачивал из большой миски, и наябедничал:

— Это Фиалка — она по уши втюрилась в Бредерса. Эти двое глупы, как веники, так вот!

От смущения Бредерс так вертел ушами, что те чуть не свернулись в трубочку.

Блик, едва сдерживая улыбку, откусил яблоко:

— Беда Бредерса в том, что он слишком хорош собой. Вот на меня, такого страшного и потрепанного, никто не позарится.

Фиалка беззастенчиво вылупила на Блика карие глаза и подалась вперед:

— Владыка, у тебя такая красивая золотистая полоска, и уж прости меня, но я осмелюсь сказать, что ты очень симпатичный барсук.

Блик торопливо встал из-за стола, прихватив с собой кусок сыра и яблоко.

— Ты, Бредерс, прав, — сказал он, — она милашка. До встречи!

Росянка повела Блика в погреба, где хранились всевозможные вина и настойки; останавливаясь у бочек, она черпала маленьким черпаком один напиток за другим и давала их отведать барсуку.

Барсук побывал в жилых помещениях, затем осмотрел арсенал, могилы и дозорные пещеры. На это ушел почти целый день. Блик начал ощущать себя

господином того, что вернее было бы назвать городом в скале.

Когда барсук с зайчихой оказались над личными покоем Блика, Росянка остановилась и произнесла:

— Сюда можно входить только тебе, владыка. Такой чести были удостоены только избранные зайцы.

Не успел Блик открыть рот, чтобы узнать причину оказанного ему доверия, как рядом с ним уже никого не было. Росянка скрылась, спустившись вниз по лестнице. По широкому коридору Блик дошел до занавесей, раздвинул их и оказался в огромной кузнице. Посредине находился кузнечный горн с мехами, а рядом с ним — куча дров с коксом и здоровенная, изогнутая рогом наковальня. Острога, кинжалы, копья, дротики, стрелы, тяжелые пращи рядами красовались на стенах. Тут же висел громадного размера меч с широким клинком. Сняв его, Блик поразился его тяжести. Это оружие вполне мог держать в лапах его дед Вепрь Боец или прадед Лорд Броктри. Отложив меч в сторону, Блик взял булаву: она была привычней для его лап. Здесь находились великолепные доспехи барсуков: кирасы, сверкающие поножи, шлемы, щиты с выгравированными на них эмблемами.

Пройдя через кузницу, Блик поднялся по лестнице вверх, повернул за угол, другой, прошел по коридору, второму и, пребывая в благоговейном страхе перед обширностью внутреннего пространства, наконец был вынужден признать, что окончательно

заблудился. Он оказался в тупике: коридор преграждала голая скалистая стена. Барсук обследовал ее и обнаружил трещину, в которую мог войти разве что коготь. Просунув в нее когти, Блик потянул камень в сторону, и раздался скрежет. Барсук подналег, и в трещину уже могла войти рукоятка булав. Резкий толчок — и щель раздвинулась шире. Еще толчок — и вся стена отошла в сторону. Потайная дверь отворилась.

На полу валялись куски кремня, стали и гнилого дерева вперемешку с факелами, сделанными из сухого кустарника. Блик чиркнул кремнем по стали и полученной искрой поджег гнилушку. Затеплился слабый огонек. Он поджег факел и отправился обследовать узкий туннель.

То, что он увидел дальше, поразило его невероятно. В дальнем конце коридора на троне восседал вооруженный барсук! Блик сразу догадался, что это его прадед, старый Лорд Броктри. Шерсть на спине Блика встала дыбом, когда он остановился напротив своего предка. Забрало великолепного шлема закрывало места, где когда-то находились глаза Лорда Броктри. Дрожащей лапой Блик провел по блестящей, но покрытой вековой пылью поверхности кирасы. Он знал, что за доспехами скрывается лишь скелет некогда великого воина.

Блик преклонил колени и залился слезами, осознав, какую тяжелую ношу возложила судьба на его род.

Но факел догорал, и нужно было чем-нибудь поддержать огонь. У стены с высеченными на ней

надписями валялись молот, зубила и лампада. Блик зажег лампаду от тлеющего факела и сел на пол, уставившись на причудливые фигуры, высеченные на стене. Блик наклонялся все ниже и ниже, пока не лег плашмя на прохладные камни. Непреодолимое желание поспать охватило его, и Блик закрыл глаза. Откуда-то издалека донесся нежный поющий голос:

Здесь приляг и отдохни
С воинами гордыми,
Древними, как пыль веков,
Королями горными,
Кои моря сторожат
Берега туманные, —
Ты отныне Лорд Горы,
Стража недреманная.

Во сне перед Бликом проходили бледные тени Лордов Барсуков, заячьи отряды, галеры крыс-пиратов, слышался лязг металла и шум прибоя. Волны клокотали все громче и громче. Наконец Блик очнулся от сна. Лампада догорела, вокруг стояла непроглядная тьма. Кто-то колотил по стене с другой стороны. Барсук услышал приглушенные крики.

— Владыка, ты здесь?

— Я здесь, я сейчас, — громко пробасил Блик, поднявшись.

На ощупь он стал двигаться к стене, пока не обнаружил глубокую щель. Здоровенными когтями он впился в расселину и стал раздвигать ее в обе стороны, и стена слегка подалась. Издав боевой клич, Блик всю свою силу вложил в мощный рывок:

— Эулалиаааааааа!

Трещина в стене раздвинулась. Смахнув с глаз пыль, Блик воткнул в щель булавку.

По другую сторону кузницы находились Росянка и несколько других зайцев. Они громко возликовали:

— Спасибо судьбе и твоей меховой шубе за то, что ты цел и невредим!

— Что тут за сладкий запах? Ну и ну, что ты тут стряпал?

— Еще бы, надо же было ему три дня что-то есть!

Блик не верил своим ушам:

— Три дня? Вы хотите сказать, что я пробыл здесь целых три дня?

Росянка слегка похлопала Блика по плечу, словно хотела убедиться, что это и впрямь он:

— Вот именно! И три ночи. Если хочешь знать, уже наступило четвертое утро. Если б мы тебя не нашли, ни за что себе этого не простила бы.

— Подайте мне сюда факел или светильник. Скорей! — прервал ее причитания Блик.

Через минуту ему протянули горящий, истекающий смолой факел, укрепленный на круглой металлической подставке. Блик взял его.

— Оставайтесь на месте, — распорядился он, — я скоро. Мне кое-что нужно посмотреть.

На стене были высечены картинки с изображением барсуков, сражающихся с крысами-пиратами и бандами грызунов. Блик узнал фигуру, расположенную у самого края стены; не иначе как это его дед

Вепрь Боец, в доспехах, с гигантским мечом, от которого враги разлетались во все стороны. Рядом находилась совсем маленькая фигурка доблестного воина. Это был воин-мышь, на шее которого на бечеве висел сломанный меч, а другие маленькие фигурки сопровождали его в путешествии к горе. На следующей картинке он нес уже новенький меч невиданной красоты. Приблизившись к концу стены, Блик затаил дыхание и увидел самого себя, движущегося к горе с перекинутой через плечо булавой.

Но совету Росянки Блик поспешил в лазарет.

Лежащих на одинаковых кроватях больных Блик узнал сразу. Он приблизился и пожал им лапы:

— Я помню вас, Ветерок и Звездочка. Вы первыми встретили меня у горы.

Звездочка заморгал заплывшими от гноя глазами и прерывисто закашлял.

— Да, владыка, это мы. А знаешь ли ты, что мы служили еще твоему предку Вепрю Бойцу?

Блик пригляделся к ним и только тогда понял, как много им лет. Обернувшись к Росянке, он произнес:

— Если они говорят правду, то таких долгожителей я в жизни своей еще не встречал.

Молодая зайчиха намочила тряпки и приложила их к сморщенным лбам стариков.

— Это правда, владыка. Из тех, кто сражался рядом с твоим дедом, остались в живых только эти двое. Никто не может сказать, как им удалось дожить до наших дней. В последний день осени, начиная с того времени, когда умер Вепрь Боец, они всегда стояли у входа в главную пещеру на берегу моря, ожидая твоего прихода. ♣

Ослабшая от болезни Ветерок слегка сжала лапу барсука.

— Владыка Вепрь рассказал нам свой сон. Он завещал нам искать воина с золотой полосой. Теперь ты здесь, и нам больше некого ждать, правда же, Звездочка?

Старый заяц чуть улыбнулся и едва кивнул.

— Да, сестра, мы выполнили свой долг. Теперь нам пора в Темный Лес. Владыка Вепрь устроит большой пир в нашу честь.

Блик слегка коснулся лапы Звездочки:

— Расскажи мне о моем деде.

Звездочка уставился на свою сморщенную лапу, которая потерялась в ладони барсука.

— Вепрь был могучий боец. Когда его обуревал гнев, никто не мог устоять перед ним. Он был истинный Лорд Барсук, так же как и ты. Я вижу это в твоих глазах, чувствую в твоём лапожатии. Мо-

гущество твое будет расти, сила становиться все больше.

Зайчиха сильней стиснула лапу Блика:

— Но судьба твоя сложится лучше, чем у Вепря, потому что ты любишь малышей. Вепрь был одиночкой. Единственным ребенком, с которым он говорил, была твоя мать Белла. Ты же будешь другом для всего молодого поколения.

Когда старики уснули, барсук с зайчихой тихо покинули лазарет и отправились на кухню. Блика захлестнули два чувства — голод после длительного нахождения в тайнике и грусть после разговора с отжившими свой век стариками. На кухне пыхтело и булькало разное варево. Повара поприветствовали своего господина легким поклоном.

— Желаете заказать еду, владыка? — осведомился повар, толстый и раздражительный заяц-холостяк.

Блик поднял крышку котла и недовольно поморщился. Потом взял большое красное яблоко и стал очищать его, широко улыбаясь опешившему от такого своеволия повару.

— Ну и что ты положил в свою кашу, дружище? — как бы невзначай поинтересовался он.

— Соль, овес и воду — что ж еще? — раздраженно ответил повар.

Блик начал закладывать продукты в котел по одному ему известному рецепту. В результате получился отменный овсяный кекс.

Кухня огласилась громом аплодисментов.

Блик обратился к разъяренному повару:

— Кроты и ежи, дружище, лучшие повара, каких я когда-либо знал.

Повар вызывающе вздернул подбородок:

— Знать ничего не желаю об этом!

Блик подошел к одному из поварят:

— Как тебя зовут, приятель?

— Блогвуд!

— Ты мне нравишься, Блогвуд. Ты хорошо готовишь?

— Как все, владыка, но желаю научиться лучше. Мне это дело жуть как нравится!

Ловким движением Блик сорвал колпак с головы повара и водрузил его на молодого зайца, после чего, подхватив Блогвуда одной лапой, поставил его на стол.

— Я, владыка Саламандастрона, назначаю тебя поваром на моей кухне.

В знак одобрения вверх полетели ковшики и фартуки, кухня наполнилась восторженными криками.

Слух о начинаниях владыки охватил весь Саламандастрон. Зайцы набились в кухню и засыпали барсука просьбами и замечаниями, зная, что тот их обязательно выслушает.

Еще до полудня Блик Булава назначил помощника хранителя погребов, двух садовников, новую заведующую лазаретом, плотника, организатора торжественных обедов и целую толпу оружейников и помощников в кузнечном деле.

А спустя некоторое время Росянка и Блогвуд уже сидели вместе с остальными зайцами и уплетали огромный пирог.

Два куска побольше Блик отложил на отдельную тарелку и поместил в печь.

— Это отнесете в лазарет, — распорядился он. — Старикам моястряпня наверняка придется по вкусу.

Когда наступило время ужина, Блик с Росянкой, прихватив с собой куски пирога, отправились в лазарет, но уже по дороге повстречали Блестку — ее барсук назначил заведующей лазаретом. Она сидела на верхней ступеньке лестницы и навзрыд плакала.

Блик осторожно опустился на ступеньки возле нее и поставил рядом тарелку с пирогом.

— Это Ветерок и Звездочка, да? — спросил он.

Она кивнула, отрывисто всхлипывая:

— Они так мирно сложили лапы, что я думала, они просто задремали...

Блик утер глаза зайчихи уголком фартука, который носил весь день не снимая.

Зайчиха шмыгнула носом:

— Они, владыка, никогда больше не увидят лютой зимы. Теперь они там, где твой дед.

За время этой долгой зимы в Саламандастроне произошло много изменений. Блик был занят с утра до вечера и за всеми заботами чуть было не забыл о своем смертном враге Сварте Шестикогте, но ранней весной к нему прилетел Скарлет.

Волчища Сварта вышли наконец на просторную и гладкую дорогу и в первый день своего похода значительно продвинулись на юг. Вечером они разбили лагерь прямо посреди дороги. После длинной зимней голодовки воины набросились на молодые ростки травы и листву, на которые не позарились бы в другое время года.

Следующий день выдался ясным, теплым, и у Сварта было приподнятое настроение.

Откуда ни возьмись перед самым носом предводителя со свистом пролетел дротик и глубоко вонзился в землю. Сварт отшатнулся и вцепился в лапу Темнухи.

— Откуда, разрази меня гром, он взялся? — взревел он.

Лиса старалась высвободить лапу из мертвой хватки обезумевшего предводителя:

— Не знаю, господин, но сдается мне, это предупреждение, что дальше идти не стоит.

Вытащив дротик из земли, Сварт сломал его о сетчатую броню шестипалой лапы.

— Один дротик не остановит мою армию. Вперед шагом марш!

Предводитель остался стоять на месте, пропуская вперед воинов. Вдруг раздался визг, и на землю упали трое зверей: двух из них пронзили стрелы, а третьего сшиб здоровенный камень. Войско пришло в замешательство.

— Они залегли в лесу к востоку от нас! — раздался голос Сварта. — Скроу, покажи им, почем фунт лиха. Да так, чтобы ни одной твари там не осталось.

Рыжуха выждала, пока копыеносцы Сварта удалятся от дороги на значительное расстояние, после чего кивнула белкам, и те начали стрелять. Та половина, что не полегла сразу, обратилась в бегство, но по дороге была встречена выдрами с пращами.

До Сварта, стоявшего на дороге, донеслись лишь отдаленные крики, после чего все стихло. Войско Сварта насторожилось, но по-прежнему вокруг была

тишина. Тут Сварт услышал странный звук и заметил, как у дороги вздрогнули кусты.

— Стрелять по кустам! — скомандовал он.

Град колючих стрел ударил по листве, откуда вывалился капитан Скроу, раненный белкой и в придачу получивший еще семь стрел от своих. Сварт затопал от ярости, неистово размахивая мечом.

— Идиоты! Неужто никто из вас не смотрит, куда стреляет! — орал он. — Опустить луки, пока они не покажутся из лесу.

Едва лучники ослабили тетиву, как в лесу раздался крик. И туча стрел и камней обрушилась на застигнутых врасплох воинов Сварта. Самого хорька оглушило здоровенным камнем. Темнуха велела четырем зверям оттащить предводителя в безопасное место, остальным же отдала приказ:

— Живо всем на другую сторону — в лес!

Дважды повторять не пришлось. Звери наперегонки бросились в кусты, а невидимый враг провожал их дротиками и стрелами.

Старую крысу, у которой на спине был привязан сын Сварта, ранило. Она вцепилась в дротик, торчащий из ее бока, и висящий за спиной груз стал сползать вниз. Рывком она высвободилась от непосильной ноши, и примитивная люлька упала в неглубокую канаву. Крыса, истекая кровью, поползла вместе с отступающим войском к лесу, но ее затоптали свои же сломя голову несущиеся звери.

Маленький хорек поерзал, чтобы обвязанные вокруг него бечевки не стесняли движений, и принял-

ся пожирать из грязной лужи лягушачьи икринки. Уплетал он их за обе щеки, не хныча и не плача.

Темнуха приложила к ушибленной голове Сварта влажные листья. Стиснув зубы, Сварт оглядывался по сторонам, но не мог остановить отступающее войско — никто не слушал его команд.

Когда прямо над головой Сварта в ствол платана врезалась очередная стрела величиной с копье, хорек решил, что доблесть доблестью, а осторожность прежде всего, и тоже дал стрелача в лес.

Отряд Шкипера, огромной выдры, замаскировавшийся в лесной листве, был готов дать отпор врагу, если тот решится вновь завладеть дорогой. Но звери Сварта мчались так, будто на пятки им наступал невидимый демон, и каждый из них боялся оказаться в хвосте, где вернее всего можно было угодить под стрелу.

Когда день клонился к концу, разбойники укрылись в глубокой норе у западной оконечности Страны Цветущих Мхов. Сварт позволил Темнухе перебинтовать ему голову и приложить примочку из грязи и листьев.

В мертвой тишине, испепеляя всех взглядом, Сварт вымещал злобу:

— Белки и выдры, только и всего! Бравые воины испугались какой-то горстки жалких белок и выдр!

Накричавшись, он кивнул капитанам, и те окружили его, а сам предводитель лег на спину и увечной лапой прикрыл глаза.

— Ну, выкладывайте, что думаете? — проскрежетал он.

Все капитаны считали, что не стоит лишний раз рисковать шкурой.

Сварт поднялся, трагически качая головой, хотя в глубине души был рад, что переложил решение на капитанов и теперь им не придется сводить счета с армией-невидимкой.

— Ну раз вы сдрейфили и не хотите мстить своим смертельным врагам, пойдем дальше на запад.

Схоронившись в нижних ветках вяза, Рыжуха слышала все, о чем они говорили. Она вздыбила хвост, что служило сигналом для белок-стрелков, укрывшихся в деревьях в нескольких шагах от вражьего лагеря. И выпущенные ими стрелы воткнулись в землю рядом в дюйме от сидящих зверей Сварта.

Войско охватила паника, и все уже сорвались с места, чтобы скрыться в Лесу Цветущих Мхов, когда раздался крик Темнухи:

— Несите господина Сварта! Он ранен. Пора уходить!

Однако, как оказалось, ее никто не слышал, а войска уже и след простыл. Недолго думая, лиса бросилась за ним вслед.

В укрытии лесных партизан царило веселье.

— Мы победили! Как ни опасно это было, мы их прогнали. Теперь будет что рассказать малышам, Шкипер!

Шкипер протянул лапу:

— Кстати, о малышах, гляньте, что я нашел.

И он подозвал к себе другую выдру, которая принесла маленький пушистый комок, привязанный двойной петлей за ее спиной.

Долговязый заяц сунул нос в незатейливую люльку:

— Какой пушистенький! Ужасно смешной! Уух! Негодник тяпнул меня за лапу. Видно, у него разыгрался аппетит.

Выдра положила извивающегося детеныша на мягкую траву.

— Бедный малыш, — посетовал Шкипер, — не иначе как он страдал от голода. Что же нам с ним делать?

— Думаю, нам следует отнести его в аббатство. — Сьюмин указал на хорька лапой, на что тот сердито зарычал. — Может, кто-нибудь из тамошних зверей согласится его воспитывать.

Рыжуха ласково погладила пушистого зверька, но тот ее укусил. Остолбнев, она увидела, как малыш слизывает с зубов ее кровь.

— Знаю, что грех говорить такое о детях, — заметила она, — но ничего хорошего из него не выйдет. И не спрашивайте меня почему. Я нутром чую.

24

Они напролет аббатиса Мериам и Бриони смотрели вдаль, ожидая прихода тех, о ком знала только Мериам. Вдруг легкий ветерок донес до них отголоски знакомой мелодии. Аббатиса перегнулась через зубчатый парапет и, сложив лапы у рта, протрубила:

— Кто идет?

Среди всеобщего гула раздался голос Джода:

— Веселый отряд изголодавшихся бойцов-невидимок.

Мериам залилась звонким смехом:

— Ну заходите, гости дорогие, мы постараемся чем сможем утолить ваш голод.

Снова и снова звучал в Рэдволле рассказ о том, как небольшая группа зверей обратила в бегство огромное войско Сварта. Малыши с открытыми ртами смотрели на белкозайца Джода, который жадно сметал со стола все, что находилось в пределах его досягаемости.

Шутки и дружеские беседы не умолкали до позднего вечера, а рэдволльцы не уставали благодарить своих спасителей.

Уже наступила поздняя ночь, и Мериам, подхватив Бриони под локоток, повела ее из Большого Зала.

— Пошли со мной, — сказала она. — Мне надо тебе кое-что показать — это сюрприз.

Они поднялись по лестнице и прошли в спальные покои, примыкающие к лазарету. Мериам постучала в дверь. В ответ раздался низкий голос рэдволльской барсучихи Беллы:

— Входите, моя дверь не запирается.

На барсучихе лежало бремя долгих лет. Ее серебристый мех переливался на свету, создавая впечатление светящегося над головой нимба. Большой, много поработавшей на своем веку лапой Белла приподняла спустившиеся на нос очки.

Поправив на ее плечах шаль, Мериам прошептала:

— Я думала, ты уже спишь, Белла. Мы тебе не помешали?

Крупная сияющая голова медленно закачалась в ответ.

— Нет, что вы, нисколько. Мериам, к чему этот шепот? — Белла кивнула в сторону колыбельки, которая находилась рядом с ней. — О нем не беспокойтесь! Он не спит и ест все, что ни дашь.

Бриони повернулась и увидела, кто находится в колыбели. Тут же она подхватила малыша, крепко прижала к себе:

— Ой какой крошка! Это он или она? Как его зовут? Кто он? Откуда вы его взяли? О Мериам!

Мериам помедлила, позволив Бриони немного подержать малыша.

— Не торопись с выводами, может, ты не захочешь с ним нянчиться, когда кое-что узнаешь. Он был оставлен той бандой, которую прогнали с дороги. Это сын какого-то хорька.

— Все дети красивы, Бриони, — с улыбкой заметила мудрая барсучиха. — Главное — что из них получится, когда они вырастут. Я дала ему имя. Будем звать его Покровом, ибо все, что было с ним до того, как он попал сюда, покрыто тайной. Мы ничего о нем не знаем.

Бриони с нежностью смотрела на маленького хорька. Он тоже внимательно ее разглядывал глазами-щелочками.

— Покров, Покров, — приговаривала она, слегка постукивая по детскому носику. — Чудесное имя! Привет, крошка Покров! Ууух!

Белла обменялась с Мериам взглядом.

— Он тебя укусил, Бриони? — спросила барсу-
чиха.

Молодая мышь поспешно слизала кровь с лапки
и, улыбнувшись, ответила:

— Нет, скорее просто щипнул. Он, верно, хочет
есть.

Белла закрыла глаза и откинулась назад:

— Насчет этого малыша у меня есть некоторые
предчувствия, и, если они со временем подтвердятся,
я скажу вам, что на самом деле побудило меня дать
ему такое имя. А пока будем надеяться на лучшее
и никому об этом не скажем. Ты добрая мышь, Бри-
они, вот почему мы с Мериам решили отдать Покро-
ва на воспитание тебе. Он может взять у тебя луч-
шее.

Бриони, сияя от радости, придвинула к себе ма-
ленький комочек:

— О аббатиса, не верю своим ушам! Я буду ему
как мать, нет, как старшая сестра, нет, как лучший
друг.

Мериам улыбнулась своей юной подруге:

— Бери его, но не слишком обольщайся. Может
статься, ему вовсе нет нужды вырасти добрым зве-
рем. Клади его в люльку и неси к себе в спальню.
Белла уже слишком стара, чтобы заботиться о нем.
Отныне он будет на твоём попечении.

Когда молодая мышь скрылась за дверью,
аббатиса Мериам наклонилась, чтобы смахнуть ка-
пельку крови на коврик. Кровь, которая сочи-
лась из укушенной хорьком лапки Бриони. Устро-
ившись на подлокотнике кресла Беллы и не сво-

дя взгляда с красного пятнышка, Мериам произнесла:

— Как ты считаешь, мы поступили правильно или этот звереныш принесет Рэдловлу одни несчастья?

Барсучиха наклонила седую голову и вытерла пятнышко уголком своего фартука.

— Поживем — увидим, Мериам!

Войско Сварта уже не один месяц бродило по равнинам и холмам, частенько сбиваясь с пути. Нередко в его рядах вспыхивал спор или даже бунт. Но, одержимый мстью к барсуку, изувечившему его знаменитую лапу, Сварт рвался вперед.

Случай помог ему стать союзником такого же хорька, капитана Зигу, и его пиратов. Корабль Зигу разбился в бурю о скалы, и капитан со своей разношерстной командой скитался по берегу. Зигу не раз видел Саламан-

дастрон с моря и знал точно, где он находится. Капитан Зигу был для Сварта настоящим кладом, и, хотя слишком доверять ему не стоило, предводителю не грозила больше опасность заблудиться. Ради этого Сварт и заключил союз.

Однажды летним утром Сварт сидел на берегу и глодал жареную скумбрию. Рядом с ним Темнуха подбрасывала вверх ракушки и разглядывала, как они лягут на песке.

— Ах, господин, глянь сюда. Вот эта ракушка — наше войско. А вот эта витая ракушка упала острием кверху, — стало быть, это гора. Посмотри, ракушки легли рядом. Значит, до горы совсем недалеко.

Сварт затряс головой, будто был разочарован в пророческих способностях лисы:

— Это тебе сказал Зигу, а он уж точно знает, как близко мы от Саламандастрона. Ну, продолжай, раз ракушки у тебя такие умные. Например, что значит вон та красная, что лежит отдельно от других?

Лиса глянула на маленькую красную ракушку и пожала плечами:

— Помнишь ребенка, которого ты потерял? Так вот эта ракушка — твой ребенок, и тебе не худо было бы поостеречься.

Сварт презрительно уставился на красную ракушку:

— Ну, помню я это жалкое отродье, но его уж, верно, давно нет в живых. Он потерялся после битвы на дороге.

Прищурившись, Темнуха сосредоточилась на ракушке:

— На самом деле ты его не потерял. Гляди — он возвращается.

— Идиотка! Как эта маленькая красная ракушка может мне повредить? — От злости Сварт топнул лапой по песку.

— Подними ее и увидишь, она уже не так мала.

Сварт поднял ракушку и увидел, что она и впрямь довольно крупная. Просто из песка торчала лишь верхушка.

— Она была маленькой, — произнесла лиса, — а теперь выросла, господин. Предупреждаю тебя, берегись. Поверти ее и увидишь.

Хорек принялся тщательно разглядывать ракушку.

— Какие-то знаки на ней вроде царапин, ну и что? — спросил он.

— Шесть знаков, господин, шесть царапин означают шесть когтей.

Сварт швырнул ракушку в море:

— Обычный мусор! Бросай ты эту чепуховину и пошли. Сварт Шестикогть сам хозяин своей судьбы, только дураки верят в гадания на ракушках.

На правом фланге бок о бок со своим приближенным, горностаем Вислоносом, шел капитан Зигу. Им обоим был виден возглавлявший колонну Сварт.

Горностай недолюбливал Сварта и не скрывал этого:

— Ха, предводитель! Жаба лысая он, а не предводитель! Справиться с ним тебе, капитан, все равно что раз плюнуть.

Зигу производил впечатление благородного зверя. Кроме того, он был умным и беспощадным, не зря все пираты до смерти боялись его длинной рапиры. Его позабавила неожиданная вспышка гнева Вислоноса.

— Скажи на милость, зачем мне свергать нашего любимого командира, к чему ты меня подстрекаешь?

— Чтобы во главе армии стоял такой разудалый зверь, как ты, капитан.

Зигу многообещающе улыбнулся:

— Возможно, мое командование пошло бы всем на пользу. Но это позже, друг мой, позже.

— Ха-ха-ха! — Вислонос разразился хриплым смехом. — Ну ты, капитан, не промах! Надеешься, что Сварта в бою за Саламандастрон пришьют и тогда путь тебе будет расчищен.

— Грубо сказано, но верно, мой длинноносый сообщник.

— Ну ты и впрямь благородный зверь! — восхищенно усмехнулся Вислонос. — Красивые речи и грязные делишки, — видать, это признак истинной породы.

Тем временем Сварт с Темнухой замыслили против своего союзника очередной план.

— Господин, — начала Темнуха, — этот Зигу, коль ты его не уберешь, однажды ночью проткнет тебя своим тонким мечом.

— Зигу нужен только до тех пор, пока мы не доберемся до горы. Он знает, где она находится и как лучше подступиться к ней. Если его убьют, то мир праху его, а если выживет и вернется к нам с победой, то ты сама знаешь, что делать, не так ли?

— Господин, мы встретим его как героя и преподнесем прекрасное вино из серебряной чаши, как Криволапу.

Скарлет парил слишком высоко и потому не слышал, что происходило внизу. Завидев движущееся вдоль моря войско Сварта, он тотчас развернулся и полетел к Саламандастрону.

Блик и зайцы сидели на выступе высокой скалы. После трудового дня они решили подкрепиться и устроили обед на воздухе.

Булава Блика теперь обычно висела в кузнице. Он больше не брал ее всякий раз с собой: она ему только мешала возделывать поля и ухаживать за деревьями.

Из соседнего туннеля показались Росянка с зайчихой по имени Быстролапка, они несли покрытый салфеткой поднос.

Барсук затрепетал от удовольствия, когда Быстролапка сняла салфетку с подноса.

— Это сливово-миндальный кекс, — сообщила она, разрезая его на аппетитные кусочки. — Блогвуд замешивает его на старом сидре, поэтому кекс пропекается медленно и не теряет влаги.

— Крии! Отличная еда для проголодавшихся птиц!

На широкое плечо Блика сел Скарлет и принялся клевать кусок кекса, который ему протянул друг.

— О мой верный друг! — воскликнул барсук. — С самой осени не видал я тебя. Ешь кекс и выкладывай новости.

— Хороший кекс, — заключил Скарлет, проглотив последний кусок. — Пожалуй, прихватчу пару кусочков с собой. Плохие новости, друг. Шестикогты через три дня будет здесь. У него большое войско, в котором самое неистовое зверье.

Позабыв о кексе, Блик встал и повел сокола с собой.

— Жду тебя в кузнице, Росянка, — сказал он, — и распорядись, чтобы срочно явились ко мне офицеры Дозорного Отряда. Будет военный совет.

Дюжина долговязых зайцев и зайчих собралась в кузнице на военный совет. Это были сильные, знающие свое дело воины. Блик сел у окна, а Скарлет устроился на подоконнике. Барсук предоставил слово соколу.

— Войско хорька вчетверо больше, чем ваше. Поэтому сражаться на открытом месте просто без-

надежно. Я подыскал вам кое-какое подкрепление.

— Подкрепление? — перебил его заяц с длинным мечом. — Что за подкрепление?

— Например, шесть лодок с воинами-землеройками. Они зайдут с моря и нанесут удар по врагу с тыла.

— Это хорошее решение. — Блик закивал в знак согласия. — Если войско Сварта так велико, как ты говоришь, любая помощь будет нам кстати. Есть еще какие-нибудь соображения, Скарлет?

Сокол стряхнул крошки с перьев.

— Дай мне свой талисман, который ты носишь на шее, Блик, — попросил он. — Я попробую поискать помощи у выдр и белок.

— Возьми, и счастливого тебе полета, мой милый сокол! — произнес Блик, надевая талисман на шею друга.

Слегка поклонившись на прощание, Скарлет взмыл через окно в небо.

— Основной удар, — обратился Блик к зайцам, — мы нанесем с горы. Провизии и воды нам хватит на долгое время. В этом наше преимущество. Итак, что еще мы можем предпринять, когда Сварт начнет осаду крепости?

У Саблезуба (так величали зайца с длинным мечом) была идея еще со времен нападения на них крыс-пиратов.

— Господин, можно выкопать длинные траншеи, наткнуть в них острые колья, прикрыть сверху камышом и для маскировки присыпать песком.

— Неплохо придумано, но враг наверняка их заметит.

Зайчиха по имени Ловколапка подняла вверх легкое копьё:

— Нет, не заметит, если этим делом займемся мы со старыми сонями.

— Сонями? — изумился Блик.

В разговор вступил самый старший из зайцев по возрасту и чину, статный полковник Сандгал.

— Ах, сони, — подмигнул он Блику со знанием дела. — Ужасно долго объяснять, что они делают, но будь уверен, этим грызунам, которые ласково себя называют офицерами, найдется работенка. Господин, позволь мне дать тебе один совет: займись укреплением входов и выходов в основании горы, а остальное мы возьмем на себя.

Барсук знал, что зайцы опытные воины, но все равно был поражен их самоуверенностью и изобретательностью.

— Что ж, хорошо, на этом и порешим. Только прошу об одном: предводителя не трогать. Сварт Шестикоготь — мой, — закрыл совет Блик.

За одну ночь Саламандастрон превратился в военный гарнизон. Зайцы опустошили склад оружия и кузницу. У всех щелей и окон были составлены в козлы луки, стрелы и пращи с камнями. Малышей перевели в центральные пещеры. Старики трудились в кузнице: чинили, точили и ковали оружие. На полпути между горой и морем рыли траншеи и вставляли в них заостренные колья. Высоко

на горе выростали кучи камней, чтобы в случае надобности можно было сбросить их сверху.

Блик работал во главе отряда, который блокировал все входы и выходы булыжниками, скрепленными смесью разведенного водой известняка и песка. Главный вход закрывали огромные, из неотесанного дерева ворота.

Только однажды Блик на минуту остановился и с грустью окинул взглядом раскинувшиеся внизу возделанные поля. Скоро все, что он с такой любовью творил, неминуемо разрушит война.

Война, которой суждено начаться через два дня.

Куда подевался мой синий горшок с медом? Бриони, ты не убирала моего горшка?

Монах Банфолд метался как очумелый по кухне взад-вперед и что было сил наяривал ложкой в миске с тестом.

— Он стоял в кухне. Это не простой горшок. Он принадлежал моей маме, и она подарила его мне. Ааа! Покров, поди сюда, куда девался горшок, а?

Банфолд отставил миску с тестом и, схватив хорька за ухо, встряхнул так, что тот завизжал:

— Еааа! Пусти меня! Ухх! Знать не знаю и знать не желаю, где твой несчастный горшок! Бриони!

В мгновение ока мышка оказалась между ними и вызволила Покрова из лап Монаха.

— Сейчас же отпусти его, Банфолд! Вечно ты его обвиняешь, когда что-то пропадает.

— Это, верно, оттого, что Покров, как правило, и оказывается виноват, — предположила сестра Орис, оторвавшись от пирогов.

— Это несправедливо, — продолжала Бриони. — Покров проделывал эти штучки, только пока был малышом.

— Верно, он уже не малыш, — неодобрительно покачала лапой ежиха Мирта, — но пока что почти не изменился.

Покров, спрятавшись за Бриони, высунул голову и показал Мирте язык:

— Вот тебе, старая толстуха, твоя морда давно кирпичика просит!

— Что, скажите ради всего святого, здесь происходит? — откуда ни возьмись на кухне появилась аббатиса Мериам.

В воздухе повисла тишина, затем все наперебой стали объяснять, в чем дело.

Чтобы утихомирить разбушевавшиеся страсти, Мериам подняла вверх лапу:

— Кто-нибудь видел, как Покров брал горшок? Нет? — Мериам обернулась к хорьку и слегка вздернула ему подбородок. — Скажи мне правду, Покров, ты брал горшок?

Покров заморгал от слез, не выдержав пронзительного взгляда аббатисы.

— Не брал! — уверенно заявил он.

Мериам тотчас его отпустила и скрестила лапы в рукавах сутаны.

— Тогда и говорить не о чем. Никто не видел, что Покров брал горшок, а без доказательств обвинять его нельзя. Я верю ему, раз он сказал мне, что не брал его. Раз тебе, Монах, так дорог этот горшок, мы немедленно приступим к его поискам.

Бриони кипела от злости на обвинителей Покрова. Чтобы успокоиться, она вышла со своим воспитанником в сад. Бриони села на зеленой полянке под сенью покосившейся яблони.

— Иди сядь со мной рядом, Покров. — Она лапой похлопала по траве.

Молодой хорек как будто ее не слышал, продолжал срывать с куста красной смородины один лист за другим.

— Мы пропустили завтрак, — фыркнул он.

— Неужели ты можешь думать сейчас о еде? — Бриони от возмущения схватилась за голову. — Меня тошнит при одном упоминании о пище. Возьми яблоко, раз ты так голоден.

С нижней ветки Покров сорвал налитое розовое яблоко. Откусил его, но тут же выплюнул и разъяренно отшвырнул остаток.

— Не хочу ничего. Все вы ополчились против меня!

И он бросился бежать из сада прочь. Бриони, приподнявшись, крикнула ему вслед:

— Покров, постой, вернись, ты же знаешь, я с тобой!

Но он уже исчез в кустах, что росли рядом с лестницей у южной стены аббатства. В подобных случаях Бриони частенько находила его там.

В голове у Бриони путались все мысли. Когда Покров был малышом, в аббатстве то и дело что-то пропадало, и всякий раз она не могла поверить, что он воришка. А если его застигали на месте преступления, он сквозь слезы давал торжественные обещания, что больше этого не повторится. Однако Покров так и не изменился, но мышка все равно его любила как родная мать. Бриони решительно встала, утерла глаза и стиснула лапы. С сегодняшнего дня она будет доказывать ему, что быть хорошим — значит быть счастливым. Они вместе постараются развеять облака недоверия, постараются добиться, чтобы все рэдловльцы его начали уважать.

Юный хорек вырос высоким и стройным, гибким и мускулистым — весь в отца, которого никогда не знал. Сидя под кустами у южной стены аббатства, Покров ловко жонглировал синим медовым горшком, подбрасывая в воздух и ловя его шестипалой лапой. С хитрой ухмылкой он вылизывал остатки меда. Теперь, когда горшок пуст, можно будет подкинуть его на кухню. Ну уж нет! Монах Банфолд чуть было не вывернул ему ухо, не видать ему за это любимого горшка!

Бриони знала, где искать Покрова, и не спеша направилась к его укрытию. Вдруг кусты, где она

ожидала увидеть Покрова, зашевелились. В листе скакал, как мячик, синий горшок. Бриони спрятала голову, затаив дыхание и до боли закусив губу, чтобы не расплакаться.

Прижав горшок к себе, Покров поспешил к пруду. Сейчас во время завтрака там его никто не встретит. Бриони следила за ним со своего наблюдательного пункта. Согнувшись в три погибели, чтобы ее не было видно, Бриони помчалась на противоположный берег пруда и залегла в кустах, не сводя глаз с Покрова.

— Спасибо за медок! — произнес Покров, набрав в горшок воды. — Краденое куда вкусней и слаще. Больше тебя уж никто не увидит. Я последний, кто держит тебя в лапах. Прощай, синий горшочек!

Изо всех сил Покров швырнул горшок далеко в пруд, но в последний момент с замиранием сердца вдруг понял, что слегка переусердствовал. Горшок блеснул в лучах слепящего солнца и плюхнулся в кусты на другой стороне пруда.

Покров поднялся на цыпочки, стараясь разглядеть, куда упал горшок, но безуспешно. Тогда юный хорек расхохотался, пожал плечами и помчался обратно в аббатство: вдруг после завтрака еще что-нибудь осталось поесть.

Дело шло уже к вечеру, когда Тоget обнаружил медовый горшок в мешке с орехами. Банфолд был вне себя от радости, а вот аббатису этот факт заставил призадуматься. С чего бы это вдруг горшок Монаха лежал там пустой и чисто вымытый?

Бриони не могла решиться поговорить с Покровом начистоту. Да и какой смысл? Наверняка он начнет лить слезы и от всего отказываться, и в итоге все, кроме него самого, окажутся виноваты. Зная, как дорог этот горшок Банфолду, она решила тайно вернуть его владельцу.

Белла увидела, как повернулась дверная ручка и в комнату вошла Бриони. Закусив язык в уголке рта, мышь осторожно несла поднос. При ее появлении Белла просияла от удовольствия:

— Моя маленькая умница принесла полуденный чай беспомощной старушке, у которой свои причуды!

Поставив поднос, Бриони поправила на плечах барсучихи старый платок и приоткрыла окно, чтобы вдохнуть глоток свежего летнего воздуха. Налила им обеим чаю и поставила на стол еду. После чего уселась на подлокотнике кресла рядом с Беллой.

Барсучиха отхлебнула чаю, наблюдая поверх маленьких очков за мышкой.

— Итак, моя подруженька, — начала Белла, — что тревожит твое сердечко?

— О, всякая всячина. Белла, а ты всю жизнь была хорошей?

В ответ раздался низкий гортанный смех барсучихи:

— О святые небеса, конечно нет. Порой, как сейчас, я бываю просто несносна. Это ж надо навалить столько повидла и крема на одну лепешку! Стыд, да и только!

Когда же она уничтожила лепешку в два приема, Бриони тоже не удержалась и рассмеялась.

— Я вот что хочу узнать, — продолжаламышь, вытирая крем и повидло с губ Беллы, — как ты думаешь, если кто-нибудь постоянно ведет себя несносно и вообще никогда не бывает хорошим, это уже неисправимо?

— Это совсем другое дело, детка. — Белла отхлебнула глоток чаю. — Большинство зверей обычно бывают хорошими и лишь иногда несносны. Другие же, как аббатиса Мериам, всегда хорошие и никогда не бывают плохими. Но есть и такие, которые никогда не бывают хорошими, потому что они не знают, как ими стать, и не желают слушать никаких советов от хороших зверей. Со временем они из несносных превращаются в плохих, и непременно наступает день, когда их поступкам остается одно название — зло.

Бриони отложила в сторону лепешку.

— Я не знаю никого, кто был бы настолько злой, разве что немного несносный. Я думаю, что если бы другие его то и дело не обвиняли во всех смертных грехах, то, может, он бы и исправился. Когда никто в него... эээ... или в нее не верит, то такое существо чувствует себя несчастным и потому становится несносным, вот что я хочу сказать.

Бриони почувствовала на своем плече ласковую барсучью лапу.

— Я думаю, мы обе знаем, о ком ты говоришь, детка. Боюсь, это наша с Мериам вина в том, что мы приютили его в аббатстве.

Мышка разволновалась и принялась поправлять барсучихе платок и взбивать подушки.

— Что ты, Белла, я представления не имею, о ком ты говоришь. А теперь тебе пора немного вздремнуть.

Мышь тихо вышла из комнаты и осторожно закрыла за собой дверь. Заметив, что дверь в лазарет приоткрыта, она заглянула туда, ожидая встретить сестру Иву, заведующую лазаретом и целительницу травами.

В лазарете спиной к Бриони стоял Покров.

— Покров! Что ты тут делаешь? — удивилась она.

Хорек вздрогнул: его застали врасплох. Стаканы и кувшины зашатались и повалились.

— Я... э... ничего, — промямлил он, заикаясь. — Я просто смотрел.

— Сию минуту марш отсюда! — вскипела Бриони, указывая ему на дверь. — Не то мне придется пожаловаться на тебя аббатисе.

— Я ничего здесь не взял, честно! — оправдывался хорек, проходя мимо Бриони.

На какое-то время материнскую любовь Бриони затмила ненависть.

— Ха! Так же как не брал синего горшка, да? Представляю, какие у тебя были глаза, когда его нашли. Будь на то твоя воля, валялся бы он сейчас на дне пруда.

Хорек буравил Бриони огненным взглядом:

— Ну давай! Давай вали на меня все подряд, как все остальные. Я нашел горшок у южной стены, но спросишь, почему я не вернул его, да? Так бы мне кто и поверил! Лишний раз ты услышала бы: «Что

тебе говорили, это был Покров!» Вернуть я его боялся, вот и закинул в пруд.

Слегка оттаяв, Бриони взяла хорька за шестипалую лапу.

— Я принесла горшок обратно, — примиренчески стала рассуждать мышь, — но это следовало бы сделать тебе, тогда бы ты доказал всем остальным, что ты не вор. Понимаешь, я хотела сделать как лучше.

— Ты шпионила за мной! — Покров силой вырвал лапу. — И сейчас опять шпионишь. Ненавижу тебя!

Он ринулся по лестнице вниз, а Бриони оторопело уставилась ему вслед, глаза ее наполнились горькими слезами.

Вечером того же дня по приглашению аббатисы Шкипер и Рыжуха привели свой боевой отряд на званый ужин, который, как всегда, удался на славу. Одуванчиковое вино было нарасхват, особенно среди малышей, которых приводили в восторг шипящие во рту пузырьки.

Белкозаяц Джод уничтожал здоровенный многослойный пирог под восхищенными взглядами кротов. Смахнув крошки со рта, Джод стал выделять кренделя вокруг столов, бреча в такт тетивой лука. Зал сотрясаясь от

смеха и аплодисментов. В этот момент за рукав аббатису потянул крот:

— Пошли, ежихе на кухне... как это... приплюхело.

Мериам поднялась и проплыла на кухню, а вслед за ней и Бриони.

— Мирте плохо? — расспрашивала она по пути крота. — Что с ней приключилось, Фигул?

Фигул в растерянности развел рабочими когтями:

— Понятия не имею. Сперва у нее это... живот заболел, потом она стала задыхаться, а потом так страшно застонала, что мне жуть как стало ее жалко!

Монах на их вопросительные взгляды лишь беспомощно развел лапами. Дрожая и скрючившись, Мирта лежала на полу. В кухне собралась целая толпа. Мериам, стоя перед больной на коленях, отдавала распоряжения:

— Шкипер и Джод, очистите этот стол и положите ее туда, только осторожно. Мирта, как ты, голубушка?

Старая ежиха была бледна как смерть, губы ее позеленели.

— Помогите мне, болит, мне плохо! — выдохнула она и провалилась в полное беспамятство.

Сестра Ива, пробравшись между столами, быстро приступила к осмотру: пощупала бровь, понюхала, чем пахнет изо рта больной.

— Такое впечатление, что ее отравили, — заключила она.

— Отравили? — Известие ошеломило Бриони.

— Что она в последний раз пила или ела, Монах? — обратилась к Банфолду сестра Ива.

— Есть мы ничего сегодня не ели, — растерянно проговорил он. — А из питья у нас был разве что кувшин холодного ячменно-овсяного отвара. Я обычно пью из него понемногу, чтобы утолить жажду. Сегодня такая жара тут на кухне.

Ива понюхала кувшин, после попробовала на вкус напиток. Скривившись, она тотчас сплюнула.

— Кто-нибудь еще пил это? — осведомилась она.

Банфолд отрицательно затряс головой:

— Нет, все остальные пили одуванчиковое шипучее. Мирта не так чтобы любитель ячменно-овсяного отвара, обычно им упиваюсь я, а сегодня я посоветовал выпить ей, чтобы не мучиться от жары.

— А ты, Монах, сам не пил?

— Собирался после того, как... — Наконец Банфолда осенило, в чем дело, и он, ошеломленный, уронил из лапы ковшик. — Стало быть, это меня ожидала такая участь!

Шкипер, Джод и Рыжуха отнесли Мирту в комнату Беллы. Аббатиса с сестрой Ивой пошли за ними следом. Пока ежиху укладывали на кровать, сестра Ива готовила противоядие, размышляя вслух:

— Волчья ягода, смертельно ядовитое растение. Не иначе как Мирта лишь пригубила напиток, а то бы ее уже с нами не было. Дадим ей побольше воды с горчичным порошком, и скоро она встанет на ноги. Как ты считаешь, Белла?

— Да, надо как можно больше выпить, и чем быстрее, тем лучше, — поддержала ее седая барсучиха.

В Большом Зале Бриони с Тоgetом убирали со столов. Покров, помогавший им складывать тарелки, был сам не свой.

— Бриони, что значит вся эта кутерьма? — любопытствовал он.

— Разве ты не слышал? Мирта едва жива, говорят, ее отравили.

У Покрова задергалась губа.

— Бедняжка Мирта, кто бы мог такое сделать? — Он вцепился в лапу Бриони.

Бриони заметила, как по щекам хорька текут слезы. Обрадовавшись тому, что Покров способен испытывать нежные чувства, Бриони его обняла:

— Ну, не переживай, она поправится, вот увидишь. Никто не говорит, что это кто-то сделал специально. Может, произошел несчастный случай и яд как-то случайно попал в кувшин с водой.

Здоровью Мирты и правда уже ничто не угрожало. От лекарства сестры Ивы ежика быстро стала поправляться. Две чашки лечебного чаю, и Мирта заснула сном праведницы.

Чуть позже происшествие обсуждали в комнате Беллы. Аббатиса окинула всех присутствующих строгим взглядом:

— Я убеждена, что сама по себе волчья ягода никак не могла оказаться на кухне. Скорее всего яд был подсыпан специально, возможно, чтобы отра-

вить Банфолда. Преступник находится в стенах Рэд-волла!

Это заявление ошеломило всех.

— А у тебя в аптечке нет такой отравы? — обратился Шкипер к сестре Иве.

— Хмм, волчья ягода, дайте вспомнить. — Сестра Ива на минуту задумалась. — Ну как же, осталась еще от старого брата Фэроу, который применял ее в лечебных целях.

— Проверь, сестра, наверняка ее уже нет на месте, — сказала Рыжуха.

Ива вышла и вскоре вернулась.

— Ты права, — вскричала она, — волчья ягода исчезла!

— Так. — Белла постучала лапой по подлокотнику. — Что будем делать? Ничего подобного на моем веку здесь не случалось.

Джод изящно поклонился:

— Доверьте это дело мне, дорогие мои, вы же знаете, мне не дает покоя моя мудрая голова. Лето еще не успеет хорошенько разогреть землю, как я уличу злодея.

— Я отдаю наши проблемы в ваши талантливые лапы, друзья, — заключила Мериам, слегка поклонившись.

На следующее утро в Большом Зале только и было разговоров что о вчерашнем происшествии, однако никто не мог дать этому разумного объяснения. В конце завтрака, обращая к себе всеобщее внимание, Мериам постучала ложкой по столу.

— Прошу не расходиться, — обратилась она к рэдваollyцам. — Я хочу кое-что сказать всем вам и кому-то одному в особенности. Произошло нечто ужасное. Прошлым вечером ежиха Мирта была на волосок от смерти.

Ее пытались отравить. Лично я считаю, что тот, кто это сделал, сидит среди нас в этом Зале.

Поднялся шум и гам, и Шкипер, чтобы всех утихомирить, хлестнул несколько раз своим тяжеленным, закрученным в колесо хвостом по столу:

— Спокойно, ребята! Успокаивайтесь и дайте аббатисе высказаться!

Мериам продолжала говорить громко и ясно:

— Итак, преступнику не избежать расплаты. Сестра Ива!

С места поднялась хрупкая мышь; ей не часто приходилось выступать, и поначалу ее голосок слегка дрожал, но постепенно она пообвыклась и стала говорить довольно бодро:

— Мирту отравили волчьей ягодой — это растение мне хорошо известно. Если бы преступник знал лучше, с чем имеет дело, то он работал бы в перчатках. И вот почему. Два дня назад я взяла волчью ягоду, забыв надеть перчатки. Сегодня утром я проснулась и, собравшись идти завтракать, глянула на свои лапы. Вот посмотрите!

Ива показала свои ладони. Они были словно выкрашены в огненно-красный цвет.

— Если вы возьмете волчью ягоду голыми лапами, — объясняла она, — то через два дня она проявится ядовитой, несмываемой краской. К счастью, мне известны травы, которые смывают этот яд, — меня уже ждет в лазарете такой раствор, и после завтрака я смою эту красноту. А вот у преступника нет такого раствора, и ему будет плохо. Поэтому, друзья, сегодня или к завтрашнему утру преступник нам будет известен.

Покрова прошиб пот, но он боялся его стереть с носа, дабы не показывать никому лап, которые прятал под столом. После завтрака рэдловльцы разбежались кто куда — кто к своим обязанностям, а кто к развлечениям. Только Покров не тронулся с места. Похоже, на сей раз ему не отвертеться. Разве что удастся незаметно прошмыгнуть в лазарет и вымыть лапы в специальном растворе.

К полудню Покров убедился, что его лапы действительно начали краснеть. Он драил их травой у южной стены аббатства, дюжину раз пытался отмыть в пруду и даже оттирал куском песчаника. Горели они у него уже от боли, но ему казалось, что они все сильнее и сильнее краснеют. Не один раз он проходил по лестнице мимо лазарета, у которого судачили между собой выдры с белками. Уходить, по всей видимости, они не собирались, и хореk поспешно исчезал с глаз долой, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Глубокой ночью Покров с мотком веревки за плечом вышел из сторожки, на него дунул свежий ветерок. Тенью прошмыгнул он к южной стене аббатства. Здесь он остановился и взглянул на окно лазарета. Оно было закрыто. Закусив губу, он отчаянно размышлял, как попасть внутрь. И наконец догадался. Комната Беллы находилась рядом с лазаретом, и там было приоткрыто окно.

Покров был сильный и ловкий малый и без труда взобрался на стену. Затем по-пластунски Покров дополз до открытого окна. Затаив дыхание, он открыл

его чуть шире. Рама негромко скрипнула, и он скользнул внутрь.

Под стеганым одеялом лежала на кровати Мирта. Белла мирно похрапывала, развалившись в глубоком кресле, которое в последние дни почти не покидала. Покров немного постоял на месте, чтобы глаза привыкли к темноте. Тонкая полоска света под дверью указывала ему выход. По слабо освещенному коридору Покров прокрался к лазарету.

В лазарете царили тишина и покой и, казалось, никого не было. Рот хорька впервые за весь день искривился в злорадной усмешке. Удача была совсем близко.

Сочившийся из коридора слабый свет выхватил из мрака стол. Медный блеск подсказал хорьку, что там стоит ванночка со специальным травяным раствором. Покров открыл дверь шире и мгновение повременил — полная тишина. Отлично! На цыпочках он добрался до стола и, испустив вздох облегчения, окунул лапы в раствор: теперь он спасен!

— Их надо хорошенько скрести щеткой, старина. Отмыть замаранные грязными делишками лапы — непростая задача. Ну и ну!

Покров застыл столбом.

Не успел он и глазом моргнуть, как комната залилась ярким светом. Держа высоко свечи, вошли Мериам, Шкипер и Рыжуха. Джод уже давно сидел на кровати, подперев голову подушкой.

— Ну что, паренек, — подмигнул он хорьку, — я бы сказал, тебя взяли с поличным. Лапки-то красивые!

Они и впрямь были кроваво-красного цвета, как у сестры Ивы прошлым утром. В ванночке оказался раствор красно-фиолетового цвета. Сестра Ива вошла в лазарет и, прошествовав мимо Покрова, ринулась к ванночке, окунула в нее палец и лизнула его.

— Свекольный сок не совсем травяной раствор, но зато, как вы убедились, красит лапы в красный цвет. Ах ты, отравитель!

Оскалив зубы, Покров бросился на нее, но Джод опередил его: один удар задней лапой в челюсть — и хорек распластался на полу. Когда вошла Белла, все расступились.

— Стало быть, ловушка сработала, — прокомментировала она, глядя на распростертого Покрова, — и виновник попался. Хорошо сработано, Джод!

Белкозаяц слегка поклонился:

— Все сделано с умом и со вкусом.

Мериам сняла с пояса ключ:

— Брат Хогмортон запрет его на ночь в кладовой.

Белла в сопровождении Мериам проследовала в свою комнату и тяжело опустилась в кресло.

— Сдается мне, Мериам, что мы с тобой несколько месяцев назад совершили большую ошибку. Хорек вырос дурным зверем.

Аббатиса присела на край кровати, где спала Мирта.

— Ты права, но мы сделали все, что могли. Мне жаль Бриони. Она вырастила Покрова, и, что бы он ни делал, она все равно его безумно любит. Не надо было нам отдавать его ей на воспитание, он разобьет ей сердце.

Белла мрачно кивнула в знак согласия:

— Отец мой Вепрь Боец говорил: «Скорее скалы превратятся в песок, чем хищник перестанет быть хищником».

Мериам сидела с Беллой до тех пор, пока та не уснула. Завидев торчавший из-под коврика потерянный кусочек пергамента, аббатиса подняла его и прочла:

Дай имя и дай ему кров —
И будет во зло жить Покров,
Но, может, ему повезло —
И не так уж зло его зло.

На следующее утро все аббатство уже знало о ночном происшествии. — Отравитель угодил в ловушку — это Покров!

Аббатиса Мериам решила до поры до времени не обсуждать эту болезненную тему. Завтракали молча, многие обратили внимание на пустующее место Бриони. Бедняжку мышь всем было жалко: должно быть, несладко ей пришлось узнать новость.

В конце завтрака Мериам поднялась и обратилась к рэдволльцам:

— Сегодня после дневного чая я хочу, чтобы вы собрались на лужайке напротив сторожки. — Чтобы разрядить обстановку, Мериам одарила присутствующих своей редкой улыбкой. — В такое прекрасное утро, надеюсь, у каждого найдется интересное занятие. Пошли, друзья, веселей, только в спешке никого не задавите.

Слегка усмехнувшись в ответ на замечание аббатисы, рэдловльцы чинно покинули Зал.

Покров колотил что было мочи по толстой, обшитой вязом двери и кричал душераздирающим голосом:

— Выпустите меня отсюда! Откройте сейчас же дверь! Эй вы, мышинные выродки!

Шкипер достал связку ключей и отпер кладовую — Монах Банфолд принес заключенному завтрак. Поднос возымел магическое действие: Покров сразу перестал вопить и жадно набросился на еду. Банфолд невольно отвернулся, поскольку зрелище это было не из приятных: хорек, словно сто лет не ел, набивал рот, не успевая прожевать, давился и, чтобы все протолкнуть в глотку, запивал напитком, который, не помещаясь во рту, выливался обратно.

Прервавшись на минуту, Покров метнул на своих тюремщиков презрительный взгляд:

— Ну что, Банфолд, нашел свой драгоценный горшок? А сперва бочку катил на меня, как и все в этом паршивом аббатстве. Меня ненавидят с того дня, как я попал сюда еще ребенком. — Хорек вновь приступил к еде, но заревел, и харчи повалились изо рта.

— Я знаю, что горшок тайно подкинула Бриони, — проговорил Банфолд тихо, но твердо, — но я промолчал, чтобы не делать ей больно.

Сквозь слезы Покров злорадно хихикнул — звук получился омерзительный. Глаза его бегали по пещере. Шкипер шагнул, чтобы закрыть полуоткрытую дверь, в это время хорек поднял вверх выкрашенные прошлой ночью красные лапы и расхохотался:

— А до тебя, пузатый Монах, я чуть было не добрался! Жаль, старуха Мирта не окочурилась. Но вы не волнуйтесь, я еще всем вам такое покажу, что мало не будет. В следующий раз яд мне не понадобится, прихватчу что-нибудь понадежней: петлю, булыжник, кинжал — словом, то, что попадетя в мои замаранные кровью лапы. Хихихи!

Банфолд с ужасом отшатнулся от обезумевшего в злости хорька. Шкипер вывел Монаха за дверь и закрыл пещеру на ключ.

— Звереныш свихнулся, надо с ним что-то делать.

В полдень в аббатство пожаловала рыжая сова по имени Древоклюва. Каждое лето она приходила к своим друзьям в Рэдволл поговорить о том о сем, поделиться новостями и слухами. Мериам, Джод, Рыжуха и сестра Ива помогли Белле спуститься вниз, где на берегу пруда рэдволльцами на скорую руку в честь гостыи был устроен завтрак. Сова ела, ела и все не могла оторваться от своих любимых каптанов.

Расправившись с каптанами, сова сделала несколько глотков шипучки из одуванчика, чтобы промыть горло.

— Вижу, ты, аббатиса, ждешь не дожدهшься услышать, какие я принесла с собой вести.

Мериам молча кивнула в ответ.

— Слыхали ль вы про лютого сокола Скарлетта? — спросила сова, отхлебнув напитка.

— Да, однажды он залетал к нам предупредить, что нам грозит беда.

— Клянусь своими перьями, что на этого сокола можно положиться. Итак, было это пять дней назад, нет, вру, шесть. Так вот, сижу я на старом мшистом бревне, и что бы вы думали — прилетает ко мне этот самый сокол. И спрашивает, дескать, много ль живет в наших лесах белок и выдр. А почему, говорю, у тебя к ним такой интерес? А потому, отвечает, что ношу у себя на шее один амулет, который, если им покажу, заставит их прийти на помощь моему господину, владыке Блику, который живет в горе Саламандастрон, что стоит на далеком юго-западе. Ну ладно, говорю, это хорошо, но скажи, гордая птица, кто будет твой господин у себя дома? И он мне отвечает, что он не кто иной, как великий и отважный барсук Блик Булава.

При этих словах Белла скинула с плеч шаль и встала.

— Блик Булава, владыка Саламандастро́на! О, спасибо небесам и судьбе! А сокол не сказал, как он выглядит?

— Да вроде нет. — Сова задумчиво наклонила голову. — А почему ты спрашиваешь?

Сияя от радости, старая барсучиха опустила на место.

— Потому что он мой сын. Теперь я знаю, что сны мои не были плодом моего воображения. Я видела его и говорила с ним.

Хартвуд отвел Барлома в сторону.

— Проклятие! — шепнул он ему на ухо. — Мы напрочь забыли рассказать ей о том, что у нас был Скарлет. Ведь он упоминал имя Блика.

— Видишь ли, — так же тихо отвечал ему Барлом, — Белле тогда нездоровилось, и аббатиса велела мне не говорить ей о Блике, опасаясь ее огорчить. Вдруг он оказался бы совсем другим барсуком. Зато сейчас она знает наверняка, что это ее сын.

За спиной Беллы Мериам подмигнула и жестом попросила всех держать рот на замке.

— Умоляю, продолжай, голубушка, — обратилась она к сове.

— Ну так вот, на чем я остановилась? Ну да, на этом проклятом хорьке шестипалом по имени Сварт. Знаете, что этот злодей удумал? Так вот я вам скажу. Сварт этот собрал войско из всякого сброда и хочет напасть на Саламандастрон. Вот почему сокол ищет в помощь барсуку белок и выдр. Такие вот у нас новости.

Древоклюва вновь принялась за сладкие каштаны.

— Спасибо, голубушка, — кивнула ей Мериам. — Добро пожаловать к нам в гости в любое время. Новости порадовали тебя, Белла?

Седая барсучиха кивнула в ответ и с помощью Шкипера и Рыжухи встала на лапы.

— Еще бы, лучших новостей и представить нельзя, Мериам. Значит, сын мой вступает в войну с

войском хищников. Что ж, это удел Лорда Барсука. Блик разобьет войско Сварта, каким бы сильным оно ни было. В его жилах течет кровь Вепря Бойца, того самого, что выручил нашего Мартина.

— И ты не боишься и даже не волнуешься за своего сына? — поинтересовалась Мериам.

— Это чувство преследует меня всю мою жизнь, Мериам. Но я тешу себя надеждой, что ему поможет дух Вепря Бойца, а также его прадеда. Кто знает, вдруг мой сын услышит голос самого Мартина Воителя. Не может быть, чтобы они не дали ему совета. Единственное, о чем я мечтаю, — это дожить до того дня, когда он переступит порог нашего аббатства.

У Мериам с души свалился камень.

— погоди подниматься к себе, Белла, — попросила она, — останься здесь на дневной чай. Мне нужна твоя поддержка в одном неприятном деле.

Белла сквозь очки вытаращила на Мериам глаза:

— У тебя хватает забот в аббатстве. Сегодня у меня прибавилось здоровья и сил, так что представь это дело мне. А сама лучше пойдди поговори с Бриони — нужно ее успокоить.

Весь день Товет лез из кожи вон, чтобы как-то развеселить Бриони, но безуспешно. Мышь сидела понуриив голову и ни с кем не желала говорить. Никого, кроме Покрова, не желала видеть. Однако Шкипер в целях безопасности строго запретил посещать Покрова.

Казалось, ничто не могло вывести Бриони из оцепенения, но, когда в дверях Большого Зала показа-

лась голова Джода, мышка встрепенулась и поспешно встала.

— Прошу внимания, дружки и подружки, — обратился белкозаяц ко всем присутствующим, — после того как все поедят, аббатиса просит собраться на лужайке у сторожки.

Большой Зал быстро стал пустеть, возглавляла процессию Бриони, лицо которой исказилось от страшного предчувствия.

Все собрались на лужайке перед сторожкой. Когда Шкипер и Рыжуха вывели Покрова из аббатства, в воздухе повисла тишина. Бриони затаила дыхание. Впереди заключенного шел Джод, но она все равно заметила, что лапы Покрова были связаны. По пути хорек вырывался, кусался и огрызался.

Белла сделала шаг вперед и простерла вперед поседевшие лапы:

— Прежде всего хочу вам сообщить, что за все, что произойдет сегодня, всю ответственность я беру на себя.

Бриони натянуто кивнула.

— Вы видите перед собой молодого хорька Покрова, — продолжала старая барсучиха. — Давно, когда он появился в нашем аббатстве, я лично дала ему это имя. Рэдловльцы вырастили его во взрослого зверя, пытаюсь научить его ценностям нашей жизни, научить уважать, помогать, любить других и никому не причинять зла. К сожалению, все наши старания пропали втуне. Он избрал свой собственный путь — путь лжи и порока. Более того, он посягнул на жизнь одного из нас, а за такой проступок в

Рэдволле не может быть прощения. Если б он жил среди барсуков, которые куда суровой всех нас, уверяю, его бы не задумываясь лишили жизни. Но мы живем по другим законам, поэтому, Покров, мне придется сказать тебе то, что еще ни разу не говорилось никому из живущих в аббатстве. Ты больше не наш. В Рэдволле для тебя нет больше места. Как только ты выйдешь за ворота, двери аббатства для тебя закроются навсегда. Сейчас же уходи, Покров. Я объявляю тебя изгнанником Рэдволла.

Тишину вдруг прорезал истошный крик. Бриони бросилась вперед, стараясь удержать молодого хорька:

— Нет, нет! Отдайте его мне! Пожалуйста, остановите его. Я буду за ним смотреть, он изменится, вот увидите, я поговорю с ним...

Мериам преградила Бриони путь к Покрову, прикрыв ее лапами своей сутаны и крепко прижав к себе:

— Тихо, милая, еще немного, и он стал бы убийцей.

Джод развязал Покрову лапы, и тот ошеломленно уставился на барсучиху.

— А что я буду делать? — вскричал он. — Куда мне идти? У меня нет родных, я сирота. Что мне делать?

Крепко стиснув лапы хорька, Шкипер прямо в лицо ему проскрежетал:

— Вот что, маленький шестипалый отравитель, я знал, кто ты такой, еще когда нашел в канаве жующим лягушачьи икринки. Ты отпрыск того самого шестипалого зверя Сварта, предводителя. Того, что сейчас движется к горе Саламандастрон. Почему бы

тебе не отправиться прямо туда — через горы на запад. Говорят, там будет схватка не на жизнь, а на смерть. Или честный бой для таких подленьких отравителей не по нутру?

И, схватив хорька за обе лапы, Шкипер вышвырнул его за ворота:

— Иди со своими грязными делишками отсюда куда подальше, мерзавец!

Едва за хорьком захлопнулись ворота, он разразился гневом.

— Глупые твари! — вскричал он, грозно размахивая шестипалой лапой. — Стадо полудурков! Вы еще обо мне услышите! Видали, какие красные у меня лапы? Такими они и останутся, чтобы в один прекрасный день, когда я вернусь, напомнить вам кое о чем. Я соберу свое войско и разнесу это аббатство, так что камня на камне не останется, и перебью вас всех до единого!

А за крепостной стеной Бриони плакала и умоляла Беллу и Мериам дать Покрову последнюю возможность исправиться. Иначе и быть не могло: ведь, несмотря ни на что, она взлелеяла Покрова с самого нежного возраста.

РЕШАЮЩАЯ
СХВАТКА

КНИГА
ТРЕТЬЯ

31

Саламандастрон поразил Сварта необычными размерами и могуществом. За грядой скалистых гор, тянувшихся вдоль берега, предводитель собрал совет капитанов. Сварт предложил напасть на Саламандастрон сзади и зажать с двух сторон в тиски, чем вызвал откровенную насмешку у Зигу.

— Ну дает командир! Это ж надо удумать — начать атаку с тылу. Мне тут пришли на ум кое-какие соображения. Готов поклясться, что это сработает.

Едва сдерживая гнев, Сварт обернулся к пирату:

— Ты шибко умный, капитан Зигу, да вот корабль твой почему-то грохнулся о скалы. Говоришь, мой план тебе не угодил? Давай послушаем, что скажешь ты.

Сбитый с толку язвительным замечанием о потере корабля, Зигу концом рапиры поспешно набросал на песке свой план действий:

— Вот какие у меня наметки, предводитель. Море за спиной — отличный союзник. Мы подождем, когда закончится отлив, и выстроим войско чуть ниже линии прилива. При одном виде нашего войска у защитников могут сдать нервы.

Среди капитанов поднялся одобрительный ропот, но Сварт концом кривого меча перечеркнул план Зигу.

— Чем, спрашивается, твой план лучше моего? — осведомился он.

Зигу упивался словесной победой над Свартом, которого всегда держал за глупого дикаря.

— Ошибочность твоей стратегии, дорогой предводитель, — снисходительно стал растолковывать Зигу, — в том, что ты оставляешь наш тыл незащищенным. На нас могут напасть, скажем, живущие по соседству звери, друзья барсука. Мой же план хорош с двух сторон: во-первых, мы ничем не рискуем, если сразу покажем свою мощь, а во-вторых, мы тотчас вселим страх в нашего врага.

Капитанам идея Зигу пришлась по вкусу, и, одобряя ее, они решительно закивали.

Сварт решил действовать хитрее:

— Вот и прекрасно! Но если они не повалят с горы толпой сдаваться, как ты только что предположил, вот что мы тогда предпримем. Разбившись на две группы, начнем двусторонний охват горы спереди, но не совсем так, как я предлагал вначале. На сей раз мы направим основной удар по входу, беря гору с двух сторон в тиски. Для лобовой атаки мне нужен умный и бесстрашный зверь. Капитаны, кто, по-вашему, смог бы ее возглавить?

— Зигу! — в один голос дружно ответили капитаны.

Движением рапиры Зигу выказал им благодарность за оказанную честь, внутри кипит от гнева, потому что позволил Сварту себя перехитрить.

Высоко в небе светило солнце. У окна спальных покоев стоял Блик Булава с Росянкой, полковником Сандгалом и Саблезубом. Они наблюдали за рядами, казалось, бесчисленного вражьего войска, начавшего наступление со стороны моря. Неустанно били барабаны, громко трубили ракушки-трубы, над мелькавшими на солнце наконечниками копий развевались примитивные штандарты.

— Знаете, что я вам скажу? — начал полковник, разглядывая врага через монокль. — Я уверен, что мы разобьем неприятеля в пух и прах. Что скажешь, Саблезуб?

Тот беспристрастно заметил:

— Надеюсь, в бою они покажут себя лучше, чем в строевой ходьбе. Небрежный вид, нет равнения на

правом фланге. Будь я командиром, уж я бы их вымуштровал.

— Что, страшновато? — улыбнулся Блик Росянке.

Она взглянула на барсука: из-под черного боевого шлема виднелась золотистая полоска меха, могучая грудь была облачена в медную кольчугу, а с огромного плеча свисала большая булава.

— Нет, когда рядом ты, владыка! — ответила зайчиха.

Войско Сварта выстроилось спиной к морю, вверх поднялся лес копий и пик. Звери стояли в шеренгах плечом к плечу, заполонив берег, так что на полосе прилива не видно было даже песка. Сварт в сопровождении Зигу и капитана-горносталя Агала занял передовую позицию. Свежей краской сияли морда и зубы предводителя, ветер трепал его яркую накидку, закованная в медную рукавицу лапа блестела ярче меча, заткнутого за пояс из змеиной кожи. Вытащив меч, Сварт указал его концом на Саламандастрон. Это был сигнал к началу штурма. Войско медленно двинулось к горе, разбившись на три полка: левый возглавлял Сварт, правый — Агал, а центральный — Зигу.

Блик увидел своего заклятого врага и, выскочив из спальных покоев, помчался по коридорам, выходящим на левую сторону горы, навстречу Сварту. Полковник Сандгал достал из кольчуги свисток и три раза резко дунул. Зайцы Дозорного Отряда приступили к действию.

Неожиданно перед полком Зигу из неглубокой траншеи выскочили три десятка зайцев. Это были те самые сони, о которых говорил Сандгал. На идущих в первой шеренге зверей Сварта обрушились дротики и стрелы.

Удар оказался неожиданным, и в итоге полегла половина передовых бойцов центрального полка. Ловколапка вместе со своими сонями припустила к горе, аккуратно прыгая через канаву, в которой под песком были укрыты острые колья. Чтобы не угодить под град дротиков, Зигу бросился сначала в сторону, после чего — вперед, держа наготове рапиру:

— За ними! Стреляй!

Едва слова слетели у него с языка, как впереди вздыбилась земля. Выплюнув изо рта песок, Бредбери крикнул стрелкам, которых было не более двух дюжин:

— Огонь!

И на этот раз молниеносная реакция Зигу не подвела. Он упал навзничь, рядом слышались крики и визг зверей, двое погибших повалились на него сверху. Скинув с себя трупы, пират вскочил и вдогонку отступающим соням швырнул копьё, которое вытащил из убитого воина. Бросок оказался удачным. Копьё вонзилось в спину молодой зайчихе по имени Фиалка, той самой, что была равнодушна к Бредбери.

Зигу нагнулся, чтобы подобрать следующее копьё. Мимо промчались его воины, которых впереди ждала еще одна неожиданность. С диким визгом

они проваливались в утыканную острыми кольями и замаскированную сверху песком и тростником траншею.

— Назад! — вскричал Зигу оставшимся в живых бойцам. — Назад, дурни! Неужто совсем ослепли? Это же ловушка!

Те отступили, а пират подбежал к лежащей на земле Фиалке и с искаженной гневом физиономией полоснул по ней рапирой.

— Что, зайчиха, решила удрать? Вот огрею тебя и погляжу, как ты будешь драпать.

Когда он безжалостно хлестнул зайчиху рапирой, та едва успела вскрикнуть.

— Эй, мерзавец, бить лежачих ты мастак. А с тем, кто может дать сдачи, кишка тонка?

Зигу поднял глаза: к нему направлялся Саблезуб, капитан Дозорного Отряда.

— Этого оставьте мне! — злорадно скомандовал пират своим. — Вижу, у него блесит клинок.

Пират не знал себе равных в бою на рапирах. Изогнув в лапах стальной клинок, он презрительно уставился на зайца:

— А ты, как я погляжу, юнец отважный и бьешь без промаху.

Балансируя на задних лапах, оба зверя встали в первую позицию, и рапира с саблей, словно змеиные языки, замельтешили в воздухе, ища незащищенное место противника. Тотчас в округе воцарилась тишина: воины Сварта, так же как защитники Саламандастроны, открыв рты, уставились на смертельный поединок фехтовальщиков.

Зигу пошел в наступление. Шаг, второй, третий, рапира настойчиво преследовала неуловимого врага — Саблезуб в движении назад то и дело отскакивал в сторону. Вдруг сабля его, проехавшись хорьку по уху, покраснела, и тот инстинктивно приложил лапу к раненому месту, яростно сверкнув глазами.

Взревев, Зигу вновь стал атаковать противника, молотя что было силы рапирой перед собой. Сомкнув клинки, вздыбив столбом песок и под звуки бьющегося металла передвигаясь взад-вперед по берегу моря, звери слились в танце смерти. Сцепившись рукояткой с эфесом хорька, заяц с силой вывернул лапу, и рапира, блеснув в лучах яркого солнца, взлетела в воздух и описала размахистую дугу. Сильный удар в живот — и обезоруженный пират распластался на песке. Опершись на саблю, как на посох, Саблезуб кивком указал на рапиру:

— Живей поднимай ее, скотина!

Хорек, спасаясь от зайца, кубарем покатился за оружием.

Осознав, что имеет дело с мастером, Зигу не на шутку испугался, — правда, у него оставалась про запас еще пара приемов. Дотянувшись до рапиры, хорек схватил пригоршню песка и швырнул зайцу в лицо. Тот инстинктивно прикрыл глаза; воспользовавшись моментом, хорек бросился на него и вместе с ним повалился на песок. Однако прикончить зайца было не так-то просто. Он молниеносно спружинил на длинных задних лапах, и хорек, кувыр-

нувшись в воздухе, плюхнулся позади заячьей головы. Удар оказался сильным, так что Зигу очухался не сразу. Заяц вскочил и, протирая глаза от песка, подошел к хорьку. Тот успел отскочить назад и поднять рапиру, когда заяц обрушился на него с очередной атакой. Клинки звенели, тыкали, рубили. Хорек отступал, заяц искусно провел его вокруг траншеи-ловушки и прижал к скале.

В глазах Зигу мелькнула паника: противник был чересчур силен.

— Эй, ты, слышь, стой, стой, пощади! — взмолился он, переводя дыхание.

Но Саблезуб был неумолим. Выбив из лап хорька рапиру, он нацелил на него острие кривого клинка:

— И ты, хорек, после всего молишь о пощаде? Ты, который несколько минут назад добил раненого? Жизнь прожил трусом, так умри же как солдат!

И Зигу замертво рухнул на песок. Саблезуб, опираясь на саблю как на трость, гордо удалился прочь.

Полк Агала обогнул гору справа. Здесь было пусто. Капитан-горноста́й рассчитывал встретить сопротивление, но не увидел ничего, кроме уходящей в небеса скалы без каких-либо видимых признаков жизни.

Обвешанные щитами, копьями и прочим оружием, солдаты без особого энтузиазма принялись взбираться на гору.

— Если мы отыщем окно или дверь, — громким шепотом сказал Агал, резво перебирая лапами впе-

реди всех, — то сможем пробиться к главному входу и расчистить дорогу для капитана Зигу.

Солдат-ласка тащился почти в самом конце, поджидая крысу, которая ползла за ним, как черепаха.

— Ну, ты, пошевеливайся, — подгонял он ее, — да поглядывай по сторонам, чтобы не пропустить какую-нибудь дыру.

Метнув на него испепеляющий взгляд, она стала взбираться еще медленней:

— Дыру, чтоб войти? Ты что, рехнулся, раз думаешь, будто мне нейметя попасть в логово барсуков и зайцев.

Бандрил уселся на поросшем травой выступе:

— А ты, как я погляжу, вроде меня, крыса, — не промах!

Высоко на горе заяц Порти и его старый соратник Пухляк рискнули на мгновение высунуться из-за торчащего уступа скалы и взглянуть на взбирающуюся вверх зверье.

— Слушай, Порти, — прищурившись, начал Пухляк, — может, хватит им карабкаться и пора их кое-чем угостить? Давай командуй, ты же парень хоть куда, Порти. Полковник Сандгал старшим тебя назначил. Ну, так я жду от тебя искрометных приказов.

Порти собрался с духом. Под ложечкой у него сосало от голода и злости.

— Ладно. Ну и жарыща тут, и желудок сводит от голода. Слушай мою команду, Пухляк, кати бревно!

— Ну, наконец ублажил, — усмехнулся тот, — люблю, когда молодой офицер отдает приказы.

Пухляк толкнул задней лапой бревно, и оно сорвалось со скалы, а вслед за ним градом посыпались булыжники.

Утерев пот со лба, Агал взглянул вверх:

— Кажись, там открытая площадка... Уааааах!

Но валуны отскакивали от поверхности горы, поэтому смели лишь половину скалолазов, и первым среди них был сам Агал.

Сверху за этой картиной наблюдал Пухляк:

— Это вам за лобовую атаку — знай наших! Так им и надо, Порти. Эй, Порти, где ты?

Однако молодой заяц уже умчался на дневной чай, который еще ни разу не пропускал с того времени, как тот был введен несколько месяцев назад его любимцем Лордом Барсуком.

Блик спустился и поджидал врага в укрытии с левой стороны горы. Полк Сварта огибал изгиб скалы. Вот показался и сам предводитель, которого впереди, как обычно, прикрывали звери. При виде ненавистного врага все планы Блика полетели ко всем чертям. Барсука обуял неукротимый гнев, и, послав осторожность на все четыре стороны, он взмахнул булавой и выскочил из убежища:

— Эулалиаааааааа!

Вражьему полку предстало внушительное зрелище: гигантских размеров барсук в кольчуге, шлеме да еще с булавой. Ничего подобного разбойники в жизни не видели. Они тотчас развернулись и бросились наутек, и Сварт в том числе. Разразившись боевым воплем, Блик ринулся за ними вслед.

Саблезуб вместе с полковником Сандгалом и Росянкой стояли у окна и наблюдали за ходом сражения на берегу. Солдаты Сварта залегли в траншеях и могли спокойно обстреливать защитников горы стрелами, копьями и камнями.

— Передай отряду — пусть поднимаются к нам, — распорядился полковник Сандгал, посылая гонца вниз. — Здесь траншея вся на виду. К тому же сюда вряд ли может долететь стрела.

— Поглядите на него! Ох, и понесла ж его нелегкая! — возмущенно возопил Саблезуб, посмотрев через окно вниз.

В гордом одиночестве, без чьей-либо помощи Блик гнал вражий полк к морю. Сварт изрядно оторвался от своих, которые прикрывали его от барсука.

— Дело плохо! — заключил Сандгал, вглядываясь в монокль. — Господин полез в самое пекло! Никакая бойцовская кровь его не спасет от этой тьмы зверья. Быстро за ним, Саблезуб!

Росянка взволнованно наблюдала за одинокой фигурой на берегу.

— В него летят стрелы! — вскрикнула она.

Сварт от злости на самого себя не находил места. Пройти такой путь ради мести и, увидев Блика, вдруг пуститься улепетывать, задрав хвост! Задыхаясь, он неся по мелководью к вдающимся в море скалам.

Темнуха быстро смекнула, что к чему, и принялась успокаивать предводителя, стараясь его возвысить в собственных глазах:

— Ни один зверь не устоял бы перед ошалелым барсуком, господин. Ты правильно сделал, что скрылся. К тому же я знаю, ты хотел взять его живым, чтобы мстить долго, ведь так ты всегда говорил.

Хорек разъяренно колотил увечной лапой по скале.

— У тебя есть план, лиса? — вопрошающе уставился он на прорицательницу. — Скажи!

— Мы поймаем его, как рыбу в сети, господин.

— Чушь, где взять такие огромные сети? У нас ничего подобного нет.

— Конечно нет, но зато у нас есть несколько больших палаток.

— Точно! — осклабился предводитель. — Пусть попробует помолотить своей дубинкой внутри. Как только мы его накроем, зайцы тут же сбегутся на наживку, как стадо дикарей!

Блика окружили со всех сторон. Обезумевший, он вертелся и громко рычал, но не мог отбить атаку. Звери держались от него поодаль и обстреливали камнями и горящими стрелами. Тяжелая кольчуга и железный шлем тянули барсука к земле, но снять их у него не было никакой возможности. Камни и

стрелы лязгали по кольчуге разъяренного барсука. Хищники обстреливали его со всех сторон, стараясь лишить сил. Во все дырки его кольчуги забивался песок. Сквозь маленькие щелки в шлеме Блик никак **не** мог разглядеть Сварта. Барсук продолжал лихо-радочно вертеться на месте, когда вдруг в его незащищенную лапу глубоко вошла стрела. Взревев, он вытащил ее, разломил пополам и швырнул обломки куда попало. Копьем он откопал из песка заднюю лапу и, спотыкаясь, побрел, не имея ни малейшего представления, в какую сторону движется.

Вдруг он оказался в ловушке, словно попавшая в сеть крупная рыба.

Сверху на Блика обрушилось что-то тяжелое, и все его четыре лапы погрузились в песок. Вокруг стало темно. От непосильного веса, давившего сверху, барсук с трудом дышал, чувства покидали его.

Ванним утром аббатиса обнаружила, что Бриони ушла из аббатства. С печальным видом Мериам сидела на кровати молоденькой мышки и перечитывала записку: «Без нашего цветочка Рэдволл перестал быть Рэдволлом».

В этот момент Мериам заметила стоящую в дверях Беллу.

— Что поделать, Мериам, — серьезно заявила барсучиха. — Такая судьба была назначена Бриони задолго до этого дня. Нам остается только в мыслях быть с ней рядом.

Белла оперлась на лапу Мериам, и подруги вышли из комнаты, которая без своей обитательницы совсем опустела.

Бриони потребовалось немало сил и времени, чтобы стряхнуть с себя чувство щемящей тоски. Главное сейчас для нее было найти Покрова и вернуть обратно, несмотря на то что его объявили изгнанником. У Бриони на этот счет было все продумано. Друзья из Страны Цветущих Мхов помогут ей смастерить скромную хижину в окрестностях Рэдволла, и она там поселится с Покровом. Она обучит его правилам хорошего тона, и весь Рэдволл убедится, что он стал хорошим зверем. Тогда, очень может быть, Белла пожалеет о своем решении и позволит Покрову вернуться в аббатство.

В середине дня Бриони собралась передохнуть и немного поесть. Устроившись в тенистом местечке на кочковатом холме, она развязала дорожный мешок. Ячменный напиток, домашняя лепешка напомнили ей о Рэдволле, и мышка дала волю чувствам, растворяя в слезах накопившуюся на сердце боль. Мысли о Рэдволле захлестнули ее, как приливная волна, нахлынувшая на пересохший берег. Слезы капали на надкусанное яблоко и дорожное платье.

— Хррум, хррум, эй, мышка, дай мне поесть, коль сама не хочешь.

Бриони вскинула глаза и увидела толстую малиновку.

— Раз ты от этого плачешь, — птичка кивком указала на лепешку, — значит, не хочешь есть.

Рукавом Бриони утерла глаза, но слезы продолжали течь. Она отломил кусочек лепешки и протянула его малиновке:

— А ты случайно не встречала тут хорька?

Малиновка развернулась на лету и, дожевывая кусочки лепешки, выпалила:

— Возможно. Дай остаток пирога, и я расскажу. Все равно он тебе не нравится, раз ты рыдаешь.

Бриони отдала ей недоеденную лепешку, и птичка, наклонив голову набок, принялась сосредоточенно ее клевать.

— Как же, проходил он вчера вечером.

— Скажи, в какую сторону?

Взмах птичьего крыла указал между югом и западом — именно туда Бриони и держала путь.

— Вон туда! До свидания, мышка-рёвушка!

Вновь оставшись одна, мышка вдруг почувствовала неодолимую усталость — долгая дорога взяла свое. Свернувшись клубочком, она в мгновение ока погрузилась в сон.

Вдруг Бриони проснулась: медленно приоткрыла один глаз и сразу же закрыла, от страха боясь шелухнуться. Перед самым ее носом красовалась огромная плоская лапа с большущими тупыми когтями.

— Урр, открой же глаза. Это всего лишь я!

Отпихнув от себя лапу, Бриони вмиг подскочила.

— Тоget! — воскликнула она. — Откуда ты взялся?

— Послушай, — произнес крот, взяв лапку мышши, — разве может Тоget позволить своему лучшему другу в одиночку искать Покрова!

Бриони крепко обняла крота:

— Ты настоящий друг, Тоget, верный и преданный. Спасибо тебе!

От смущения Тоget прикрыл мордочку рабочими когтями, как обычно в таких случаях делают кроты.

— Ну хватит меня тискать и обнимать, не то я сейчас же это... вернусь в аббатство, — пробубнил он.

Дважды повторять ему не пришлось: Бриони поняла все сразу.

Друзья двинулись в путь, взяв курс на юго-запад.

Сгущались сумерки. Покров хотел есть. Чтобы утолить жажду, он сосал голыш. Вокруг становилось все темнее и темнее, а поблизости не было видно никаких признаков жизни. Вдруг к северу от тропы, за холмами, показалось слабое свечение, и, раздираемый любопытством, Покров решил туда тихо подкрасться. Подобравшись ближе, он увидел, что свет исходит от небольшого костра, на котором старик соня с двумя малышами запекал яблоки. Рядом лежали аппетитная буханка хлеба и крупный ломоть темно-желтого сыра. Покров насторожился: у старика был нож, которым тот резал хлеб, и толстый посох. Широко разведя лапы в стороны и расплывшись в обезоруживающей улыбке, хорек ступил в полосу света.

— Прошу вас, друзья, не волноваться, — начал Покров мягким и спокойным голосом, — я иду с миром.

Старик смерил его изучающим взглядом:

— Не только с миром. Но еще и за пищей: похоже, ты изголодался. Присаживайся. Не скажу, что

у нас тут горы еды, но мы с внуками готовы с тобой поделиться. Я и эти сироты — странники. Живем как можем. Когда приходится — голодаем.

Устроившись напротив старца, Покров получил ломоть хлеба, кусок сыру, печеное яблоко и крупную морскую ракушку, доверху наполненную водой из фляги. Он принялся жадно уплетать все подряд, меж делом потчuya доброго старика наскоро состряпанной ложью:

— Меня зовут Банфолд. Я такой же, как твои крошки, круглый сирота. Прешлой зимой я потерял отца, мать и сестренку и стал бродить один-одинешенек по белу свету.

Старик не сводил взгляда с пламени костра.

— Их зовут Хофи и Брунд, — представил он детей, — так же как их родителей. А меня Старый Хофи. Держи, парень, вот это, укройся, чтоб ночью не простудиться.

Он выудил из потертой кожаной сумки одеяло и кинул его Покрову. Тот укутался и свернулся клубочком.

— Спокойной ночи, Банфолд!

Покров лежал с полузакрытыми глазами, прислушиваясь к потрескиванию поленьев в костре и поджидая своего часа.

На следующее утро Товет и Бриони двигались в прежнем направлении. Солнце было уже высоко, когда они одолели высокий перевал и на минуту остановились, позволив себе вкусить свежесть легкого ветерка.

Тоget обвел взглядом окрестности:

— Урр, смотри, вон там идут какие-то звери.

Бриони пригляделась и с трудом различила вдали движущиеся тени.

— Вряд ли это Покров. Они идут совсем не в ту сторону. Не видишь, сколько их там?

У Тогета был на удивление зоркий для крота глаз.

— Вроде как двое или трое, пожалуй что трое.

На всякий случай Бриони решила припасть к земле, чтобы незнакомцы сразу их не приметили. Когда те подошли совсем близко, Бриони встала.

— Да это же сони! — воскликнула она. — И, верно, двое из них совсем дети. Тоget, они совершенно безобидны. Пошли узнаем, что они делают в этой стране.

Дети жалобно плакали, прижавшись к одеялу, перекинутому через плечо Старого Хофи. Голова у него была пробита: запекшееся кровавое пятно виднелось посреди громадной шишки.

Еле волоча лапы, он сделал несколько шагов навстречу Бриони с Тоgetом и упал.

Бриони в один миг подскочила к нему.

— О бедненький! Что с вами случилось? — спросила она.

Пока мышка промывала раны, старик тем временем поведал ей о событиях прошлой ночи:

— На привале к нам подошел хорек. Банфолд — так, он сказал, его зовут. Я накормил его, дал одеяло на ночь. Видать, поутру я проснулся оттого, что во сне вертелся и обжег углями лапу. Голова болит, еды нет, ножа нет, посоха нет. И хорька тоже нет! Вот и весь сказ.

— Банфолд! — Бриони, качая головой, посмотрела на Тогета. — Это наверняка был Покров.

Вскоре Старому Хофи стало лучше. Бриони немного успокоилась, и ей пришла на ум замечательная мысль.

— До аббатства Рэдволл всего день пути. Скажите аббатисе Мериам, что вас прислала Бриони. В аббатстве Рэдволл рады всем добрым зверям. Счастливого пути, Старый Хофи, да сопутствует вам удача!

Распрощавшись, они разошлись и пошли своим путем. О Покрове не было сказано ни слова. Бриони, понуриив голову, наотрез отказалась обсуждать поступок хорька, поэтому шли они молча.

Покров вновь вышел на тропу, ведущую на юго-запад. Теперь он разжился ножом, посохом, едой и одеялом, из которого вырезал себе плащ. Напав на земляничную полянку, он не только досыта наелся ягод, но перемазал всю морду и лапы соком. Закончив с боевой раскраской, он принялся топтать ягоды до тех пор, пока из них не получилось красное месиво. Ни сном ни духом не ведая, что в дне ходьбы от него по его следу шли Тогет и Бриони, Покров зашагал к большой горе под названием Саламандастрон, где надеялся повстречать отца, которого никогда не знал. Любопытно, был ли тот, кого называли Свартом, таким же хитрым и ловким, как он сам? Всякий раз задавая себе этот вопрос, Покров приходил к выводу, что нет.

Блик Булава был сломлен. Поверх него на полотнище «сетей» бесновалось с победным ликованием зверье Сварта. Невдалеке, на вершине скалы, с гордым видом стоял герой дня — Шестикоготь. Полковник Сандгал, чуть не целиком высунувшись из окна, с беспокойным видом наблюдал за главным входом в гору.

Рядом с полковником стояла Росянка и от волнения барабанила пальцами по подоконнику.

— Помогите ему скорей! — сквозь слезы бормотала зайчиха. — Где же они?

— Не распускай нюни, детка. Выше голову, разрази меня гром! Вот же они — слышишь?

Зайцы гурьбой вырвались из главного входа, и впереди всех — Саблезуб со своей длинной саблей, которой он размахивал, как дирижерской палочкой. С флангов его прикрывали Быстролапка и Камне-ног, сзади — полсотни зайцев прославленного Отряда, вооруженные копьями и пращами, заряженными чугунными болванками вместо камней.

— А ну покажем им, почем фунт лиха! Эула-лиааааааа!

Как стая голодных орлов, зайцы пронеслись через траншею, не оставив на своем пути ни одной живой души, и в мгновение ока очутились в самой гуще окружившего Блика зверья. Сварт исчез за скалой и припустил к морю, так что пятки засверкали.

У подножия горы солдаты Сварта падали, как листья во время снежной бури. Доблестные воины Саламандастропа никого не брали в плен. Свистевшие в воздухе копья и металлические заряды пращей поражали цель наповал. Саблезуб всадил в крысу копьё и крикнул что было мочи:

— Режь полотнища — скорей освободите Блика!

Солдаты Сварта — те, которым удалось уцелеть, — обратились в бегство. Зайцы окружили огромный тряпичный ком, повернувшись к нему спиной и выставив наружу копья. Когда полотняная ловушка превратилась в кучу рваных лохмотьев, Саблезуб вместе с другими зайцами вытащили барсука из душной темницы. Блик был без сознания. Быстролапка сорвала с его головы шлем и пощупала лоб.

— Быстро воды! — приказала она Блогвуду.

Сварт собрал остатки мужества и, сколотив отряд солдат, поначалу провел его к тыльной стороне скал, а оттуда напрямиком к большим деревянным воротам главного входа, отрезая зайцам дорогу к крепости.

— Не пропускать! Гоните их к морю! — крикнул Сварт стрелкам, залегшим немного поодаль в окопе, и, обращаясь к своему отряду, добавил: — Кругом! Атаковать камнями и копьями тех, кто остался в крепости.

Предводитель бесился оттого, что потерпел полный провал. Битва была почти выиграна, и Блик сам шел ему в руки. Уж в следующий раз он барсука не упустит! План хорька был до гениального прост: как только барсука с его зайцами загонят по пояс в воду, он сможет убивать их не спеша.

Прохладная вода, смочившая барсуку лоб, привела его в чувство. Изрезанный, побитый и совершенно обессиленный, он лежал не шевелясь, пока Быстролапка поливала его голову животворящей водой.

Вдруг идущего за Саблезубом зайца напоял сразило стрелой.

— Вниз голову! — скомандовал капитан. — Назад к скалам! Они стреляют вон из тех окопов!

Таща на себе Блика, зайцы пробирались к полосе скал, тянувшихся от горы к морю. В воздухе яростно свистели стрелы — одни врезались в песок, другие бились о скалы, а иные поражали оказавшихся под перекрестным огнем зайцев.

Полковник Сандгал отпрянул от окна, чтобы не угодить под шальную вражью стрелу или камень.

Рядом с ним Росянка, наотрез отказавшись уходить, вела прицельный огонь из пращи.

— Молодец! — подбодрил Сандгал Росянку, услышав раздавшийся внизу визг. — Выстрел что надо! А ну давай вмажем этим тварям их собственным оружием! Давно я прашу в лапы не брал! Сейчас в самый раз поупражняться, чтобы не позабыть свое прежнее мастерство.

Саблезуб с Камненогом низко припали к земле, оценивая свое незавидное положение.

— Худо дело, дружище! Кажись, проклятые твари нас крепко прижали. Путь к горе перекрыт.

— Твоя правда, Саблезуб, — заметил Камненог, махнув ухом в сторону моря, — ты их раскусил. Нас сцапали, как лягушек в ведре.

Саблезуб едва успел увернуть голову от летящей в него стрелы.

— Нам ничего не остается, старина, как сидеть и ждать, пока не очухается Блик, и надеяться на чудо.

Блик принялся срывать с себя кольчугу, но Быстролапка его остановила.

— Не стоит, владыка, — предостерегла его она, — лучше немного помучиться от жары, чем стать мишенью для стрел.

И, словно в подтверждение ее слов, от кольчуги отскочила стрела и утонула в песке.

— Видишь? — подмигнула она барсуку. — Это не мои выдумки!

На землю легли вечерние тени, с моря подул легкий ветерок, а зайцы, по-прежнему припав к скале, ждали своей участи. Ураган стрел и камней слегка ослаб, зато в ход пошли мечи и кинжалы: неприятель решил брать быка за рога. В эту минуту решалась судьба Саламандастрона. Камнеюг высунулся из-за песчаного бруствера и мельком глянул на море.

— Проклятие! — взревел он. — Те, что засели у воды, приготовились идти в наступление. Да уж, ребята, сдастся мне, мы крепко влипли. Скоро стемнеет — тогда нам всем крышка. — Он облизал раненое плечо и, чтобы остановить кровь, присыпал сухим песком.

— Логалогалогалогалогалогоооог!

Саблезуб насторожился.

— Это что еще за пушнина? — изумился он.

Блик бросился вперед и схватил булаву:

— Это Гуасим — отряд землероек! Они приплыли морем!

— Смотрите! — Камнеюг указал копьём на море. — Лихо они расправляются с нашим врагом у воды! Сюда, друзья! Мы здесь!

Саблезуб обернулся к горе.

— Урра! — радостно воскликнул он. — Смотрите, какие-то выдры с белками дубяют гадов так, что у тех глаза на лоб лезут!

У входа в крепость раздавался дикий рев:

— Эээй! Аааай! Ельник Зеленый Камень! Бум! Бум! Бум!

Выдры с белками напали на войско Сварта с дубинками и копьями, выскочив с двух сторон из-за

горы. Землеройки пошли в атаку, полосуя врага своими неотразимыми рапирами.

Кровь предков вскипела в жилах барсука, и он впереди зайцев кинулся в гущу событий. По дороге к ним примкнули землеройки, и защитники крепости, раскидывая врага направо и налево, как бы невзначай перемахнули через головы засевших в окопе зверей.

Сварт в очередной раз бросился наутек, чтобы схорониться где-нибудь за скалистыми горами или залечь на мелководе. Его войско, изрядно потрепанное и более неспособное к действию, последовало примеру предводителя. Тяжелые бревенчатые ворота отворились. Рядом стоял Блик и размахивал булавой, пока все защитники горы не скрылись за дверью. На всех постах был поставлен караул, чтобы следить за врагом. Все остальные гурьбой повалили в трапезную.

Для воинов-зайцев и их союзников были приготовлены самые изысканные блюда. Столы ломились от всевозможных яств, которые защитники крепости бесспорно заслужили.

Рядом с Бликом сидели полковник Сандгал, Лог-а-Лог, выдры Фолриг и Радл, Саблезуб.

— В следующий раз, владыка, предупреждай, — произнес Сандгал, погрозив лапой барсуку, — если вздумаешь один пойти в атаку на целое войско.

Блик виновато покачал головой:

— Извини, полковник, но иногда я бываю не в себе.

— А, просыпается дух воителя? — Сандгал хлопал барсука по лапе. — За это правителю и защитнику приморья не пристало просить прощения.

В прибрежных скалах Сварт Шестикоготь сидел у костра и уплетал жареную скумбрию. За этот день он потерял более трети войска, победа в последний момент выскользнула у него из лап. Рядом у костров растянулись изможденные воины, у которых хватало сил разве на то, чтоб есть, спать и зализывать раны. Уставившись на скалу, Сварт ломал голову над тем, что делать дальше. Однако решение вскоре пришло само собой в образе тщедушного горностая, которого привела к нему Темнуха.

Сварт едва различал незнакомца в темноте. Если бы не бледные глаза, то предводитель вообще потерял бы его из виду, настолько горноста́й сливался с окружающим ландшафтом. Словом, такого странного субъекта Сварт отродясь не видел.

— Где ты его откопала? — Хорек в недоумении уставился на лису.

— Господин, его зовут Призрак. Он не из наших. Я вообще не знаю, откуда он взялся, но будь любезен, выслушай, что он пришел тебе предложить.

Сварт обернулся и вновь потерял Призрака из виду.

— Стой на месте, горноста́й. Куда ты подевался? — рявкнул он.

Сварт старался скрыть удивление, когда за спиной услышал голос:

— Тут яаааа, господин!

Призрак предстал перед Свартом и уселся у костра. Говорил он как-то по-особенному, растягивая звук «а». Сварт не сводил взгляда с его глаз, поскольку остальная часть тела в отблесках пламени то исчезала, то появлялась.

— Сиди спокойно и говори, зачем пришел, — сказал Сварт.

Тот открыл рот, обнажив беззубые челюсти:

— Призрааак слыхааал, что у тебя есть враааг. Я могу его убить для тебяааа.

Сварт сразу насторожился. Нанять убийцу ему прежде не приходило в голову. Конечно, неплохо было бы заполучить Блика живьем, но, в конце концов, не все ли равно, каким путем достанется победа?

те с другими зверями. Призрак исчез из поля зрения, поэтому хорек продолжал следить за крысой. Вдруг совсем рядом раздался голос горностая-убийцы, который поблизости грел лапы у костра:

— Одно легкое прикосновение — и ты мертвец.

— Что-то не похоже, чтоб крыса была мертва: скумбрию она ест так, что за ушами трещит, — язвительно заметил Сварт.

— Верно, господин, ест последний раааз в жизни!

Неожиданно крыса вскочила, схватилась за горло, зашаталась, издала какие-то булькающие звуки и рухнула на песок. Сварт был поражен результатом:

— Эй, Призрак! Насчет нашего дельца, считай, заметано. Когда думаешь здесь появиться?

— Не увидишь меняааа до тех пор, покааа яааа не заааахочу. Когда дело сделааааю, нааааиду тебяааа саааам.

И Призрак исчез, растворившись в ночи.

Вечером того дня, когда Покров обчистил сонь, самому хорьку тоже пришлось несладко. Разжег он было небольшой костер, сам сел рядом на корточках и стал печь яблоки, одновременно уплетая трофейный хлеб с сыром. Вдруг у костра появились два лиса. Поначалу Покров решил их не замечать, но положил нож с посохом поблизости. Со своей стороны, лисы тоже не проявляли к Покрову никакого интереса. Они молча уселись на корточках по другую

сторону костра. Это были старые и хитрые бестии. У одного было копьё, у второго — праща и мешочек камней. Завернувшись в поизносившиеся накидки, они тихо сидели и бросали лукавые взгляды на одинокого хорька.

Покрову становилось все больше не по себе.

— Откуда вы пришли, друзья? — попытался завязать он разговор с непрошеными гостями.

Тот лис, что был выше ростом, плюнул в костер, едва не попав в пекущееся яблоко.

— Гляди, Брул, юнец-то любопытный попался.

Не спуская с Покрова взгляда, второй лис презрительно осклабился:

— Смотри, Рен, у него есть хлеб, сыр и яблоки — кажись, богатый зверь.

Терпение Покрова лопнуло. Держа наготове палку с ножом, он встал и заорал:

— Прочь свои вонючие лапы от моей еды! Не боюсь я вас, старые оборванцы!

Лисы обошли костер с противоположных сторон и остановились.

Лис по имени Рен аккуратно наколол яблоко концом копья и вытащил его из костра, после чего подул на него и откусил.

— А яблоки у него ничего, хотя...

Покров вцепился в копьё и заверещал диким голосом:

— А ну отдай мое яблоко... ты, грязный, старый... Уххх!

Юный хорек проявил неосмотрительность, повернувшись спиной к Брулу. Выпущенный им из

пращи камень угодил Покрову в голову, и хорек упал.

Медленно приходя в себя, Покров стонал от боли в голове. Две его лапы были высоко привязаны к сосновому суку.

Лисы жадно набивали рот его пищей — хлебом и сыром. Пытаясь освободиться от крепких веревок, Покров бросал на обидчиков ненавистные взгляды:

— Болваны, знаете ли вы, кто я? Я Покров Шестикоготь, сын предводителя Сварта!

Оторвав от одеяла полосу, Рен сделал низкий подобострастный поклон:

— О, прости нас, господин! — С этими словами он туго завязал хорьку рот, до боли стиснув уши и нос. — Подумаешь, сын предводителя! Да я сам кузен орлу и дядя рыбе. Правда, Брул?

И лисы покатались со смеху. Покров, стоя на цыпочках, со связанным ртом, мог лишь отвечать им жалобными всхлипами и яростными взглядами.

Следующее утро выдалось дождливым, небо все заволокло свинцовыми тучами, через толщу которых не пробивался ни один солнечный луч. Бриони с Тогетом наскоро собрали свои пожитки и покинули лагерь.

Тогет терпеть не мог дождя и, прикрыв лапами голову, потрусил впереди Бриони. Крот бубнил что-то не переставая, и Бриони решила переждать дождик под каким-нибудь деревом.

В густом сосняке было сухо и мрачно. Друзья стряхнули с себя капли дождя и принялись распа-

ковываться. Вдруг Бриони насторожилась и принялась.

— Дым, откуда-то тянет дымком, — сказала она.

Товет подергал круглым, как пуговка, носом:

— Твоя правда, Бриони, кто-то жжет костер.

— Может, это Покров? — С этими словами мышка завязала дорожный мешок и перекинула его через плечо. — А может, и нет. Пошли тихо, Товет. Поглядим, кто там сидит у костра.

Мерцание костра первой увидела Бриони. Стараясь не шуметь, они подошли ближе, легли животом на ковер сосновых иголок и выглянули из-за поваленного ствола.

Брул и Рен, закончив завтрак, швыряли яблочные огрызки в живую мишень, подвешенную к сосновому суку.

— Глянь! — Бриони схватила Тогета за лапу. — Это же Покров! Лисы, должно быть, хотят с ним расправиться. Но у меня есть одна неплохая мысль. Вот что мы сделаем...

Лис по имени Рен подбросил в костер несколько веток и растянулся у огня, поглядывая на хорька:

— Как думаешь, дружище, не отвалит ли нам этот Сварт-предводитель какой-нибудь выкуп за возвращение его любимого чада?

— Да ты, Рен, видать, совсем умом ослаб, — ответил ему Брул. — За возврат этого паршивца предводитель разве что снесет тебе голову с плеч, да и только... Ух!

Увесистая сосновая шишка угодила лису прямо по носу, за ней вторая, которая отскочила от лапы его приятеля.

— Кто бросается шишками? — разъяренно закричал Рен, схватив копьё. — Ух!

Следующая шишка попала ему в глаз.

Брул собрался вытащить пращу, но очередная шишка огрела его по лапе.

— Ой! Эй, ты, кончай кидаться... Ай! — Лис повалился назад и схватился за рот, откуда вывалился сломанный зуб.

Обстрел продолжался — удары были сильными, быстрыми и меткими. Под огнем шишек, которые, казалось, летели со всех сторон, лисы совсем растерялись. Рен, которому шишки попали в глаза, почти ничего не видел. Брулу досталось пять ударов подряд по загривку, и он от боли чуть не очумел. Лисы припали к земле, стараясь спрятаться от града ударов, но тщетно: зеленые тяжелые шишки беспощадно колотили их по спине и животу, так что под конец Брул не выдержал и крикнул:

— Хватит! Кончайте! Мы уходим!

Бум! Бум! Бум!

Терпение лисов было на исходе, и они, прихрамывая от боли и не обращая внимания на хлещущий дождь, припустили прочь.

Бриони кинулась освобождать Покрова.

— Покров, бедный мой Покров! — причитала она.

Едва его лапы освободились, как он сразу же сорвал со рта повязку и гневно обрушился на мышь:

— Какого лешего вы за мной увязались, хотел бы я знать? — И, невзирая на боль, которую нанесли его слова Бриони, добавил: — Опять шпионишь за мной? Оставишь ли ты меня когда-нибудь в покое?

— Но... мы спасли тебя, — обескураженно пролепетала Бриони. — Они ведь могли убить тебя, Покров!

Хорек заметался по ложине, потирая лапы, которые занемели и только начинали отходить.

— Я не просил меня спасать! Ясно? Я сам вывернулся бы из этих веревок. Я сам могу постоять за себя. И вообще, где ты была, когда меня выставили из Рэдволла? — ядовито спросил он. — А я отвечаю: сидела в обществе своих благочестивых братьев и сестер, где же еще! А меня объявили изгнанником, и никто не оказал мне помощи!

— Покров, ты ошибаешься! — Бриони ласково положила лапу ему на плечо. — Я всегда была тебе другом, я забочусь о тебе, как никто другой.

Скинув с плеча ее лапу, он вскочил и, прихватив с собой вещички, рывкнул уже на ходу:

— Убирайтесь! Валите в свое драгоценное аббатство и потешьтесь рассказами на ночь о том, какой плохой Покров Изгнанник!

Тоget, вклинившись между Бриони и хорьком, оттолкнул его от мыши:

— Урр, какие бы гадости ты ни говорил, мы тебя все равно это... спасли от злодеев!

Хорек бросился вперед.

— Прочь с дороги! — Он резко оттолкнул Тогета, тот повалился наземь и ударился головой о торчащий камень.

Бриони принялась тузить хорька кулаками:

— Ах ты глупый! Мы с Тогетом единственные твои друзья на земле! Понял?

Он резко дернулся, и Бриони, не удержавшись, повалилась. Затем она подползла к кроту:

— Тогет, ты ушибся? Ну если эта добрая душа из-за тебя пострадает... — Обернувшись, Бриони поняла, что говорит с пустым местом. Собрав остатки своих трофеев, Покров растворился в густом сосняке.

Бриони сидела у костра и, обняв лапами голову друга, мерно покачивалась и плакала. Вдруг веки Тогета чуть дрогнули, он приподнял обессиленную рабочую лапу и смахнул слезинку с носа Бриони:

— Неужто опять это... дождь пошел, урр? Моя бедная голова совсем разламывается.

Мышка вытерла слезы и обняла друга:

— Слава небесам, ты жив!

— Урр, мне крупно повезло. Правда, шишка на голове будь здоров!

За холмами дождь уже прекратился, дул легкий ветерок. День шел к полудню, когда Покров увидел вдали двух старых лисов на берегу реки. Именно там лисы и остановились. Прикладывая вместо примочек мокрую траву, они лечили полученные от острых зеленых шишек ушибы. Когда они замети-

ли Покрова, было слишком поздно. Размахнувшись посохом, хорек звезданул что было мочи Брулу в челюсть, после чего схватил лежавшее рядом копьё и проткнул им Рена. Скотив трупы к речке, он, провожая лисов в последний путь, произнес:

— Когда попадете в Темный Лес, скажите, что вас прислал Покров Изгнанник.

Река текла на запад. Хорек нашел старый ствол ивы, копьём столкнул его с берега, вброд догнал бревно и взобрался наверх. Балансируя на плывущем по течению дереве, хорек достал из дорожного мешка лепешки и засахаренные фрукты. Где-то вдали виднелись высокие горы.

Только в середине дня друзья тронулись в путь. Тоget не умолкая перечислял свои любимые кушанья, и Бриони ему не мешала, зная, что он просто хочет отвлечь себя от головной боли и невеселых мыслей.

В гастрономический перечень входил терносливовый пудинг, ягодный крем, летний салат, картошка с луком и много еще всяческих вкусностей.

За разговором они сами не заметили, как вышли на берег реки. Поблизости не было

видно никаких признаков жизни. Впереди за небольшим склоном лежала зеленая равнина. Спустившись с бугра, друзья устроились с подветренной стороны и разомлели на солнце. Тоget уже мерно похрапывал и веки Бриони смежил сон, когда издалека послышалась песня, а затем показался грубо сколоченный плот с дымящейся хибарой посредине. У румпеля склонился толстый разухабистый еж. Над его головой вдоль плота была протянута веревка, на которой развевалось разноцветное белье.

Бриони, зайдя в воду, принялась размахивать лапами:

— Эй, на плоту! Не прихватишь ли двух пассажиров?

Еж в широкой улыбке обнажил белые зубы:

— Давай забирайся, мышка, сейчас подойду ближе.

Он направил свою махину к берегу, так что чуть было не посадил ее на мель.

— Двоих, говоришь, а где же второй? — осведомился он.

— Урр, второй это я — бедный раненый крот. — Схватившись лапой за голову, из-за бугра показался Тоget.

Из хибарки вышла ежиха, верхняя юбка которой на ветру вздымалась и обнажала толстый слой нижних юбок.

— Эй, Дадл Иглоголов, утиная твоя башка, — тотчас принялась она бранить мужа, — чего стоишь как памятник? Бери беднягу крота с мышкой на борт, и давай накормим их!

Почтительно дернув себя за иголки на голове, еж ответил:

— Слушаюсь, Тути, мой нежный полевой цветочек.

Изнутри хижина была обставлена безвкусно, но броско: кричаще-яркие скатерть с занавесками, толстые аляповатые циновки на полу и большая квадратная печь, на которой кипели и булькали всякие кушанья. Бриони с Тоgetом усадили за полукруглый, пристроенный к окну стол и для начала, чтобы взбодриться, предложили выпить репо-малинового вина. Тем временем Тути суетилась у печи, а ее муж за стеной обувал на прогулку двух маленьких ежат — Розалию и Арундо.

Хозяева готовили обед, а Бриони с Тоgetом тем временем поведали им свою историю. Дадл отхлебнул супа с ложки, трижды причмокнул и пробормотал:

— Не хватает чуток фенхеля, великолепная травка, люблю добавлять ее во все блюда. А что до вашего хорька, доложу я вам, то пойдет он скорее всего вдоль реки, если, конечно, у него голова на месте, — другой дороги нет.

Тути поставила на стол свежий хлеб, и Тоget потянулся за ним, но тут же схлопотал от Тути по лапе.

— Убери клешню! Ты хуже моего Дадла. Вот что, мои дорогие, вы можете жить тут сколько надо, пока не найдете своего хорька. Но зарубите себе на носу: если кто прикоснется к еде прежде, чем стол будет накрыт, не успеет и глазом моргнуть, как я ему хвост отрублю. Ясно?

Она смерила Тогета взглядом, тот в ответ лишь испуганно закивал.

Когда все было готово, играющих ежат позвали к столу. Дадл, отчалив от берега, принятовал румпель, и плот поплыл по течению.

Следующей ночью, когда Покров спал на ивовом стволе, у реки появился небольшой уклон. На развилке реки бурное течение подхватило бревно и понесло его вместе со спящим хорьком по порожистому притоку к водопаду, в сторону от маячивших вдали гор.

38

В Саламандастрон пришло то же дождливое утро, которое заставило Бриони с Тогеом прятаться в сосновой роще. Звери Сварта ютились среди прибрежных скал, стараясь защититься от ливня дымящиеся костры. Сварт, растянувшись на земле, коротал время в обществе капитанов и Темнухи; их костер укрывал от дождя холст старой палатки, прикрепленный к выступу скалы. Все окружение предводителя пребывало в молчании, не зная настроения своего

вождя. Сам же Сварт, а также Темнуха свой последний план держали от всех в секрете.

Они устремили взор на вершину горы, которая утопала в туманной дымке. Хотя Сварт с вещуньей молчали, оба они думали об одном и том же. Удалось ли Призраку проникнуть в горные туннели и пещеры и подкрасться к их смертельному врагу Блику со своим смертоносным каменным ножом?

Призрак же тем временем уже проделал полпути до окна спальных покоев барсука и прилег на горном выступе, чтобы отдышаться. Этот горноста́й был хилым зверем, зато природа щедро наделила его коварством и невероятной способностью маскироваться. Правда, на этом его таланты и заканчивались. До промокших насквозь ушей убийцы донесся стук и звон посуды — в трапезной звери завтракали. Проверив, не промок ли его смертоносный нож в ножнах, Призрак принялся карабкаться дальше по мокрой и скользкой от дождя каменной поверхности горы.

Фолриг и Радл, эти два неунывающих балагура, не упускали случая пошутить, когда выпадала такая возможность. А вот обжора Порти чувством юмора был слегка обделен и представлял собой великолепную мишень для их острот. За завтраком Блик сам дал им для этого повод.

В трапезную после утреннего несения караула ввалились Фолриг и Радл. Расталкивая всех по дороге локтями, они добрались до Блика и принялись уплетать его горячие овсяные лепешки.

— Эй ты, образина, подвинься, уступи место двум изголодавшимся речным псам! Мы сейчас упадем в обморок и готовы сожрать любого, кто попадется на пути.

Большой барсук подвинул им черносмородиновый пирог и мятный чай.

— Эй, вы, — сухо произнес он, когда те жадно накинулись на завтрак, — видите вон того толстого зайца Порти? Это едок так едок: пока он ждет еды, может сожрать вас обоих вместе с вашим домом и его содержимым. Только взгляните на него!

Забыв про завтрак, выдры с открытыми ртами уставились на Порти. С невероятной скоростью тот уничтожал всю еду, до которой мог дотянуться.

— Ну дает! — в восхищении заметил Радл. — Слушай, друг, надо познакомиться поближе с этим толстым мешком провизии.

После завтрака Блик удалился в свои покои. Вместе с Саблезубом и полковником Сандгалом он стоял у окна и глядел на промокших насквозь зверей Сварта, скучившихся вокруг своих дымящих костров. Протерев монокль, полковник прислушался к звукам дождя.

— Хороший дождь! — отметил он. — В самый раз им пораскинуть умом о своем жалком положении. Вид у них, как я погляжу, не из лучших.

Блик принял решение:

— Когда дождь закончится, мы начнем атаку! Одни будут защищать крепость, другие же при полном вооружении пойдут на врага. Лучшей возможности у нас не будет: нас поддержат землеройки, выдры и белки.

— Отличный план, господин, — согласился Сандгал, приложив монокль к щеке, — я сам хотел предложить это.

Призрак затаился прямо под широким карнизом. Он прислушался, что происходит внутри, после чего мельком глянул и удостоверился, что Блик находится у самого окна. Смертоносный кинжал был уже наготове. Все, что нужно было предпринять, — это быстро перегнуться через подоконник и полоснуть кинжалом не ждавшего беды барсука.

В спальные покои влетели Фолриг и Радл. Не прекращая шутовскую перебранку, они приглядывались ко всем углам и щелям.

Блик не мог смотреть на неугомонных выдр без улыбки:

— Эй, страшили, что вы вынюхиваете в моих по-
коях?

— Яхахаха! — захохотали они вместе со всеми. — Вы представить себе не можете физиономию старины Порти, когда мы предложили ему скалистый крем и он клюнул на удочку! Мы сказали ему, что скалистый крем — это сущее объедение. И этот ненасытный Порти не мог дождаться, чтоб его заполучить.

— Ага. Мы пошли на кухню и несколько камней полили ягодным кремом. Сделали так называемый выдрячий скалистый крем.

— Надеюсь, он его не съел? — с усмешкой осведомился Блик.

Фолриг и Радл от смеха не могли удержаться на задних лапах и прислонились друг к другу:

— Хи-хи-хи-хи-хи! Бедняга Порти проглотил первый камень раньше, чем мы успели его остановить. Видели бы вы его морду! Ха-ха-ха-ха!

Полковник подмигнул одним глазом:

— Хмм, очень смешно, но я бы на вашем месте сейчас смылся. Слышите, вон он идет, вряд ли ему ваша шутка пришлась по вкусу.

— Ну я сейчас кое-кому покажу! — раздался голос Порти. — Покажу этим шутам гороховым такой скалистый крем! Куда подевались эти проклятые губошлепы? Я с них живьем шкуру спущу!

Фолриг и Радл спрятались за широкой спиной барсука. Порти обрушился на них. Губы его были перемазаны в креме, в обеих лапах он держал по куску скалистого крема, его физиономия являла собой комическую картину негодования.

Громкое хихиканье сразу выдало выдр. Рассвирепевший заяц вдруг увидел, что у барсука выросло шесть лап. Порти прицелился швырнуть в них скалистым кремом. Блик, учуяв неладное, упал на пол, предоставив Порти выместить свою злобу.

Для Призрака этот день оказался неудачным. Как раз когда пятнистый горноста́й с победным сиянием в глазах показался в оконном проеме, держа наготове смертоносный каменный нож, Порти швырнул вымазанные кремом камни, но выдры молниеносно пригнули головы.

Буммс!

Оба камня угодили в морду горноста́я.

Тот невольно взмахнул лапами и в следующий миг уже оказался в воздухе. В полете его догнал

смертоносный кинжал и резанул по глотке. Далеко внизу горностаи шмякнулся о скалы — последний звук, который произвел он на этом свете. Тело зверя, некогда именуемого Призраком, навечно слилось с мокрыми горными камнями.

Саблезуб, смерив Порти и выдр строгим взглядом, призвал их к порядку:

— Считаю до трех. Если вы не найдете для своих глупых игр более подходящего места, я буду вынужден назначить вам три ночных дежурства вне очереди. Ясно?

Все трое поспешно отдали честь, притопнули задними лапами и скрылись за дверью. В покоях вновь воцарилась тишина.

Полковник Сандгал тщательно протер монокль:

— Что за чертовщина мерещится! Не поверите, но мне почудилось, что с минуту назад на подоконнике стоял какой-то непонятный зверь.

Блик прокашлялся и, перехватив взгляд Саблезуба, заметил:

— Ты серьезно, полковник? Я тоже уверен, что там кто-то был.

Заяц высунулся из окна и посмотрел вниз:

— Очень может быть. Вокруг этой горы слишком часто происходят странные вещи. А дождь, похоже, прекращается. Смотрите, вон уже показалось солнце.

Когда дневное солнце согрело землю, над песком поднялись клубы пара. Сварт стоял, держа увечную лапу на рукояти меча:

— Черт побери, куда запропастился Призрак? Если этот горноста́й так хитер и ловок, как кажется, то барсук уже должен быть мертвым.

— Подождем, господин. — Лиса на всякий случай отодвинулась, чтобы, чего доброго, не угодить под горячую лапу.

— Послушай, лиса, — зарычал на нее Сварт, — еще раз так скажешь, и твой хвост будет болтаться у тебя на шее вместо шарфа!

Ворота Саламандастро́на с тихим скрипом отворились. Впереди всего войска, в медной кольчуге и с булавой, перекинутой через плечо, шел Блик Булава. Левым флангом руководила белка Елочка вместе с выдрами Фолригом и Радлом. Лог-а-Лог, а также Быстролапка и Ловколапка возглавляли правый фланг. Саблезуб вслед за Бликом шел в центре. Бесшумно шествовали белки, выдры, зайцы и землеройки, лишь изредка раздавался лязг их оружия.

Сварт наслаждался теплом и легким ветерком после утренней непогоды. Перед ним, держа на конце меча извивающуюся, с серебристой полоской скумбрию, появился горноста́й. Сварт мельком взглянул вверх и замер. Он уже не видел ни рыбы, ни меча.

— Они идут! — взревел он, указывая на движущегося врага. Сварт мигом вскочил и вытащил меч. — Капитаны, ко мне! Всем приготовить оружие. Занять боевые позиции!

Войско собралось у береговой линии. Под стук барабанов и гудение труб Сварт прошмыгнул в тыл и, вскарабкавшись на скалу, крикнул лисе:

— Нас втрое больше, и сегодня мы свое возьмем. Раз барсук все еще жив, я остаюсь верным своей клятве. Он мой. Его убью я, Сварт Шестикогть, и никто другой.

Порти стиснул лапу Бредбери:

— Мы начинаем, Бредерс. Удачи, старина, покажем им, почему фунт лиха!

Блик поднял булаву.

— Вдвое быстрее шагом марш! — скомандовал он.

Следуя приказу, воины ринулись вниз.

— Лучники на флангах и в тылу, огонь!

Взмывшие в голубое небо стрелы угрожающе зашвистели над передними рядами выстроившихся на берегу зверей.

— В атаку! — Блик поднял булаву над головой.

Припустив что было сил с горы, воины подняли вверх оружие. Сверкали копыя и дротики, блестели мечи и рапиры. Под топот бегущих зверей разносились по округе их крики и боевые кличи:

— Эулалиааааа! Логалогалогалогалоооог! Ельник Зеленый Камень! Знай наших!

Полчища Сварта в ответ застучали щитами и взревели:

— Сваарт! Сваарт! Смееерть!

Словно волна на скалистый берег, обрушились воины Блика на свартовское зверье, и те от неожиданности отступили шагов на десять назад. Барсук как ошалелый бросился в гущу врага, размахивая булавой и протискиваясь в тыл, где на скале виднелась фигура Сварта. Саблезуб со своим полком при-

крывал Блика сзади. Все еще прихрамывая после ранения копьем, мастер фехтования давал отпор всем, кто попадался под клинок его сабли. Стрелы и камни свистели и жужжали над головами, точно безумные осы.

Придя в себя после первоначального потрясения, звери Сварта стали вытеснять воинов Саламандастрона, и многие из храбрых солдат полегли здесь от вражеских копий и сабель. Елочка, Фолриг и Радл яростно сражались на правом фланге, стараясь протиснуться к Блику, фигура которого маячила далеко впереди. Раненый стрелой в плечо, Бредбери упал. Споткнувшись, Порти повалился на своего друга. Не успел он подняться, как на него замахнулась ятаганом крыса, но тут же взвизгнула и упала замертво от дротика Фолрига. Радл тем временем, подмигнув Порти, помог зайцам встать:

— Давай, приятель, вставай! Не поверю, чтоб от скалистого крема ты не держался на лапах.

Противник лихо атаковал землероек, надеясь без труда справиться с такими маленькими существами. Но враг не знал об издавна применяемом маневре землероек, известном под названием Мельница Гуасима. Землеройки выстроились тремя концентрическими кольцами и начали яростно кружиться, причем одни наносили удары низом, другие — на высоте живота, а остальные целились по головам и шеям. Короткие рапиры яростно ходили туда-сюда и по кругу, сметая все на своем пути; одновременно из самого центра над головами товарищей летел нескончаемый поток камней.

Темнуха взобралась наверх, чтобы оценить обстановку:

— Наше преимущество только в центре, господин, потому что барсук слишком поспешно пробился вперед и позволил себя окружить со всех сторон. Гляди, что творится на флангах. Наши сдают позиции. Мы их превосходим числом, но не духом.

Сварт дал лисе под зад, и та слетела вниз.

— Заткнись со своим мнением, пока не спросят. Дай-ка лучше мне лук и стрелы, скоро здесь появится барсук!

Словно бултыхающийся в волнах гигантский морской зверь, Блик отбивался от вражеских ударов. Взыгравшая в жилах бойцовская кровь затуманила ему рассудок, и он не видел никого, кроме ненавистного хорька, взгромоздившегося на скалу за линией прилива.

Вражий лагерь сражался отчаянно. Разбойники были опытными вояками, они безоглядно рвались к захвату крепости, которая им представлялась олицетворением крова, пищи и несметного богатства. Но Темнуха оказалась права: защитники крепости были отважны духом. Когда землеройки прорвались к центру и соединились с силами зайцев и белок Елочки, которые вместе с выдрами находились в гуще врага, в битве наступил перелом. На флангах и в центре войско Сварта несло большие потери. Если кому из разбойников и удалось прорваться сквозь ряды защитников Саламандастроны, то они становились мишенью для лучников. Основные силы Блика шли на сближение с ним, издавая боевой клич:

— Эулалиааааа!

Когда стрела Сварта, выпущенная в Блика, вонзилась в затылок крысе, предводитель в негодовании скорчил гримасу. Он наложил другую стрелу и выстрелил. На этот раз он не промахнулся: стрела попала в не защищенное кольчугой плечо барсука. Не прекращая молотить во все стороны булавой, Блик взревел и вырвал зубами стрелу. Он отбросил ее прочь и, продолжая работать боевой дубинкой, громко крикнул:

— погоди, Шестикогть, сейчас я до тебя доберусь!

Под ударами неутомимых защитников крепости враг обратился в бегство к морю. Неожиданно Блика сзади кто-то стукнул и повалил. Лапа Саблезуба прижимала его к земле, а сам капитан размахивал саблей, как барабанной палочкой.

— За ними быстро! К морю! В атаку! — кричал он.

В мгновение ока Ловколапка и Камнеюг оказались рядом. С двух сторон они помогли изумленному барсуку подняться. протирая глаза от песка, Блик неистово взревел:

— Где Сварт?

Скала была пуста. Сварт Шестикогть с лисой скрылись.

Сгущались сумерки, огненное солнце скрывалось за мрачным, утомленным морем. Вдоль берега стояли копыя с привязанными к ним тростниковыми факелами. Полковник Сандгал проходил сквозь ряды изнуренных воинов и старался кого подбодрить, а кому просто пожать лапу.

К нему подошел Блик. Кровавый блеск в его глазах уже погас, хотя взгляд оставался мрачным и тревожным.

— Я уверен, Шестикоготь улизнул, — заявил он. — Такой не утонет. Эта хитрая бес-

тия где-то недалеко. Считаю своим долгом отыскать его и покончить с ним.

Сандгал протер монокль и с головы до пят оглядел барсука:

— Осмелюсь сказать, владыка, сейчас ты для погони не годишься. Рана на голове, дырка на левом плече от стрелы, задняя лапа повреждена копьем, глубокий порез на правой передней лапе. Росянка, неси сюда медикаменты и скорее займись владыкой!

Пока зайцы оказывали барсуку первую помощь, Сандгал пытался отговорить Блика от немедленной погони за Свартом:

— Завтра Дозорный Отряд отыщет след хорька, и ты сможешь лично свести счеты со своим смертельным врагом. Но если ты попытаешься двинуться за ним в одиночку, тогда мне, увы, придется приказать воинам остановить тебя. Мой долг, как полковника и старшего офицера Саламандастрова, защищать владыку барсука. Надеюсь, ты простишь и поймешь меня, господин.

— Понимаю, — кивнул Блик. — Завтра так завтра, Сандгал. Но я встану с первым лучом солнца.

Сварт вместе с лисой и тремя десятками воинов отступал по мелководью вдоль берега. На южной стороне Саламандастрова они укрылись за высокими холмами. О том, чтобы разбить лагерь и уснуть, не могло идти и речи. Для этого требовалось найти более безопасное место — подальше от Блика Булавы.

В хвосте брела лиса. Прорицательница была в полном замешательстве. Сны и видения предска-

вали ей поражение Блика, и дважды они едва не сбылись, но в последний момент ее видения затуманились, и вместо Блика она увидела старую барсучиху. Для лисы это был полный провал, поскольку она мечтала увидеть Сварта на вершине горы в лаврах победителя. Отбросив все предсказания и несбывшиеся мечты в сторону, она покорно предалась судьбе.

Солнце только начало подниматься, когда на подоконник в покоях Блика взлетел Скарлет. Склонив набок голову, сокол увидел, что барсук еще спит. Раскрыв широко крылья, сокол вздернул вверх свой хищный клюв:

— Криииии! Неужто мой друг хочет проспять всю жизнь? Криии!

Барсук тотчас вскочил и стал протирать глаза:

— Где, что? Я проспал... Скарлет!

Сокол влетел внутрь и сел на плечо Блика:

— Итак, мой златоглавый друг, должно быть, вчерашний бой был труден и кончился победой, раз ты все утро спишь...

Блик сорвал с себя все примочки и повязки:

— Уже рассвет, да? Ну где они, эти сыщики Дозорного Отряда? Сварт сбежал. Я должен его найти!

Скарлет вновь перелетел на подоконник:

— Зайцы на берегу хоронят погибших. Я знаю, что Сварт сбежал. Я видел его следы к югу отсюда. В его банде всего тридцать три зверя.

На сей раз Блик вместо кольчуги надел старый потертый камзол.

— Стало быть, все возвращается на круги своя, — заметил он, улыбнувшись. — У него была такая же по численности банда в те незапамятные времена, когда началась наша вражда. Давай-ка, мой сокол, мы с тобой в последний раз устроим на него охоту.

Завершив погребение погибших, зайцы вернулись в трапезную на завтрак. Росянка сразу поднялась в покои своего подопечного, но, не обнаружив его на месте, бегом спустилась вниз.

— Полковник Сандгал! — крикнула она. — Блик сбежал.

Сандгал шмякнул кружкой с недопитой настойкой по столу, так что обрызгал себе подол.

— Вот напасть! Камнеюг, Быстролапка! Собрать боевое снаряжение и провизию для двенадцати воинов! Найти след владыки и действовать согласно его приказам.

В считанные минуты двенадцать зайцев Дозорного Отряда с Саблезубом во главе обнаружили отчетливые следы Блика и быстро помчались за ним.

Высоко в горах, с соколом на плече и булавой в лапе, Блик шел по следу Сварта, своего смертельно-го врага, которого когда-то поклялся убить.

Бриони с Тоgetом лежали на корме плота, между ними стояли кувшин с настойкой из первоцвета и глубокая тарелка с тортом из груш и красной смородины. Прохладная речная вода ласкала свисавшие с борта лапки мыши.

— Вот бы нам так жить, Тоget! — произнесла она.

— Урр, да уж, Бриони, хоть моряк из меня это... никудышный, все равно это было бы здорово.

Из хижины вышел Дадл и сладко потянулся после короткого утреннего сна.

— Итак, смельчаки, — произнес он, — вы смотрите еще за румпелем?

Тоget, вспомнив о своей обязанности, встал и почесал живот:

— С тех пор как я это... за ним слежу, он ни чуточки не сдвинулся с места.

— А тут будь осторожен, — давал указания Дадл. — Видишь, вон там, чуть южнее, течение ускоряется. Впереди нас ожидают пороги и водопад, а это опасно, очень опасно. Впрочем, твой хорек мог свернуть здесь. Он вполне мог сбиться с пути и не заметить, что поток увлек его в другую сторону.

Бриони оторвалась от пирога:

— Ты и впрямь так думаешь? Но как нам это узнать?

Дадл указал на левый берег:

— Вон там начинается сильное течение. Мы проплывем его и сразу пришвартуемся к берегу. Я спрошу Илфрид, есть тут одна, не видала ли она кого. Только говорить предоставьте лучше мне.

В полосе сильного течения им с трудом удавалось удерживать плот на середине реки. Бриони помогала Дадлу держать румпель. Одолев злополучное место, они пришвартовались к плакучей иве. Вместе с Дадлом и Тути друзья прошли по берегу немного назад. Дадл сделал предупредительный знак, чтобы друзья соблюдали молчание. Усевшись на краю берега, он спустил задние лапы в воду и, бултыхая ими, громко, будто сам себе, произнес:

— Для рыбалки денек удался что надо!

— Прочь отсюда! — раздался недовольный скрипучий голос. — Ишь чего удумал: ловить рыбу в моих местах!

Прибрежная трава расступилась, и, угрожающе размахивая палкой, из нее показалась полевка с кислой физиономией:

— Ха! Так это ты, Дадл! А я тебя сразу не признала. Все равно убирайся с моего места!

Дадл расплылся в широкой улыбке:

— Привет, Илфрид, где же твоя улыбка? Ты же знаешь, не собираюсь я тут ловить рыбу.

Полевка смерила их сердитым взглядом и сильно треснула палкой по камышу:

— Тогда чего тебе здесь надо?

— Мы ищем хорька, друга вот этих мышки и кро-та. Он, случайно, тут не появлялся?

Илфрид почесала тупой подбородок:

— Ты же знаешь, я задарма кому попало ничего не сообщаю.

Тути вытащила из фартука толстый кусок грушево-смородинового пирога:

— А разве кто собирается получить что-нибудь задарма, крабья морда? На, возьми, это даже больше, чем ты заслуживаешь.

Илфрид схватила кусок пирога и стала озираться по сторонам, как будто боялась, что его кто-то сцапает.

— Видала я хорька прошлой ночью. Было поздно, он плыл верхом на ивовом стволе. Спал, как малый ребенок. Ха! Несладкое его ожидало пробуждение.

Илфрид отправилась обратно в свою нору, прихватив с собой кусок пирога.

— Итак, — Дадл ласково погладил Бриони по голове, — теперь ты все знаешь. Твой хорек избрал не лучший путь. Здесь наши дороги расходятся. Я не могу рисковать здоровьем и жизнью своей семьи. Плыть по этому бурному потоку очень опасно. Я не пожелал бы этого никому на свете.

Товет бросил взгляд на бурлящий поток:

— Урр, и я тоже. Не знаю почему, но Бриони неймется отыскать своего негодяя.

— Потому что я за него в ответе, — единственное, что могла промолвить Бриони. — Я заботилась о нем с самого нежного возраста. И не важно, плох он или хорош, я не могу его бросить на произвол судьбы.

Тути в восхищении одарила ее пламенным ежовым объятием:

— Эх, лето земляничное! Кабы таких, как ты, на земле было побольше, жизнь наша была бы лучше.

Покров проснулся в радостном настроении. До сих пор не подозревая, что давно свернул с реки, хорек растянулся на брюхе мордой вперед, так что она оказалась в струе брызг. Плыть на бревне было куда лучше, чем тащиться пешком. Иногда он доставал нож и охотился за мелькавшей в воде рыбой, но безуспешно. Неожиданно течение свернуло в сторону, и хорьку пришлось крепко прижаться к бревну.

Вдруг его вместе с бревном стало швырять вверх-вниз, на пути выросли огромные камни. Выскочив из сени деревьев, поток помчался по узкому уще-

лю. Бревно, задевая за подводные камни, подскакивало и плюхалось обратно в воду. Покров в ужасе вцепился в бревно. О том, чтобы прибиться к берегу, не могло идти и речи, его стремительно несло к порогам. Ослепленный брызгами, он всеми силами держался за бревно, так что лапы начали неметь. Вдруг его оглушил шум воды, в котором потонул и его собственный визг. Отчаянно моргая, он разглядел впереди переливающееся всеми цветами радуги облако водяной пыли, и тут бревно стукнулось о камень, повернулось в сторону и, сначала медленно, но постепенно наращивая скорость, закружилось в бурлящей воде как волчок. Вдруг оно перевернулось, и Покров оказался в воде. Бум! Бревно комлем огрело его по голове. Лишившийся чувств хорек понесся к роковому месту, не подозревая о том, какой головокружительной высоты водопад его ждет.

Бриони с Тоgetом на берегу долго махали вслед удаляющемуся плоту, на котором, подобно государственным флагам, развевалось белье.

Наконец плот исчез вдалеке, а Тоget с Бриони бодро зашагали по пологому, поросшему мягкой травой берегу реки к видневшейся впереди горе. К полудню деревья закончились, и тут Тоget обнаружил в зарослях лаванды кусты черной смородины. С гроздьями сочной ягоды друзья сидели на берегу, болтая задними лапами в воде. Бриони заметила какое-то шевеление на противоположном берегу. Это оказалась полевая мышь, которая наблюдала за ними из своего обвитого плющом укрытия.

— Эй, привет! — поприветствовала ее Бриони, улыбаясь. — Здесь так красиво! Не желаешь ли отведать черной смородины? Мы охотно с тобой поделимся.

Бриони кинула ягоды через ручей, полевка собрала их и принялась жадно уплетать. Вымазавшись по самые уши, она опять уставилась на друзей, желая получить добавки. Бриони кинула еще несколько ягодок и решила справиться о Покрове:

— Не видела ли ты случайно хорька, который плыл на бревне?

Немедленно полевка радостно забегала туда-сюда по берегу.

— Да, да! — затараторила она, энергично жестикулируя. — Был тут хорек, он плыл вон туда. Ихихихи! Несся во весь дух, ух, ух! Там его уже не остановить, ахахаха! Прямоком к самому водопаду! Ваш хорек там костей не соберет, ихихихи!

Бриони больше не бросала ягод и возмущенно топнула.

— Хватит говорить такие ужасные вещи! — строго сказала она насмехающейся полевке.

Однако полевка разошлась еще больше, но Бриони надоело слушать ее причитания. Собрав оставшиеся ягоды, друзья отправились дальше.

Когда день совсем разгулялся, друзья, изнемогая от жары, наконец добрались до узкого ущелья. Внизу бушевала, билась о пороги вода.

Впереди переливалось радугой облако брызг, с каждым шагом шум плещущейся воды нарастал, так что вскоре друзьям, чтобы услышать друг друга, приходилось кричать.

Изрядно промокшие, они недоумевали, что делать дальше, пока вдруг не обнаружили на краю ущелья небольшую пещерку.

Подкрепившись запасами, которыми снабдили их добрые ежи, Тоget и Бриони приободрились. Тоget даже высунул нос наружу, чтобы полюбоваться водопадом, который внизу исчезал в белой водяной пыли.

Тут Бриони осенило, что горы начинаются совсем рядом. Обрыв, похоже, заканчивался на их стороне.

— Я, кажется, знаю, — начала она, — как попасть на дно этого водопада. Если Покров был здесь, он не мог пройти мимо этого места. Но, Тоget, не стоит тебе туда идти. Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за Покрова.

— Раз ты пойдешь, значит, и я, — простодушно заявил тот. — Я пришел, чтобы тебе помогать, Бриони, и не рассчитывай, что я брошу тебя одну разыскивать своего неблагодарного зверя. Ни за что!

К вечеру друзья все-таки решились двинуться вниз по скользким скалам. Лучшее снаряжение, какое они нашли после утомительных поисков, — это несколько плетей виноградной лозы. С помощью поясов и веревки от походного мешка они привязались друг к другу и молча, под оглушительный рокот водопада, принялись спускаться по скользкой, постоянно омываемой водой поверхности скалы. Первой шла Бриони, а Тоget натягивал веревку, покамышь переползала на очередной выступ. Подождав, пока к ней присоединится Тоget, Бриони огляделась вокруг.

Вниз попасть можно было лишь по скалистым выпуклостям, которые наполовину перекрывались водопадом. Бриони осторожно спустилась на первую ступень и почувствовала, что Тоget слегка поскользнулся, но тут же махнул ей рабочими лапами, дескать, с ним все в порядке, и она стала продвигаться дальше. Вдруг Бриони ударил кусок деревяшки, падающий вместе с водой; мышшь потеряла равновесие, но сумела ухватиться за уступ скалы и повисла. Сверху ее колотили струи воды, она жадно ловила ртом воздух и едва различала сквозь шум воды, что кричал ей сверху крот:

— Я сейчас, держись!

Спускаясь к ней, Тоget оступился, и его смыл водопад. Тотчас самодельная веревка натянулась, как тетива на луке, и увлекла Бриони вслед за Тоgetом. Так связанные мышшь с кротом стали пленниками разъяренного потока.

Сварт шел долго и быстро. За два дня без еды и сна он миновал большие холмы, что возвышались позади Саламандастрона. Силы его были на исходе, и он остановился, чтобы немного передохнуть. Высунув язык, предводитель растянулся у ручья, текущего посреди поросшей вереском ложбины, и, тяжело пыхтя, будто загнанный пес, стал поджидать остальных. Рядом с ним уселась лиса и, зачерпывая лапами, принялась жадно хлебать воду.

— Ты что, с ума сошла? — пнул ее под зад Сварт. — Ты же не сможешь бежать!

Темнуха перевернулась на спину, все ее тело дрожало.

— Не все ли равно теперь, господин. Я старая и, что бы ты ни говорил, все равно больше бежать не смогу.

Хорек полил водой себе загривок.

— И что же ты собираешься делать, лиса, остаться здесь и стать добычей барсука? Так и будет, если ты не сдвинешься с места.

Постепенно подтягивались остальные звери и первым делом бросались к ручью.

— Слушай, что я тебе хочу предложить, господин, — начала Темнуха. — Ты берешь двадцать пять зверей с собой, остальных же с луками и стрелами оставляешь со мной. Глянь на восток. Видишь те леса? Скоронитесь там и поджидайте нас. У меня есть при себе немного яду. Мы ляжем в засаде. На тех, которые гонятся за нами во всю прыть, отравленные стрелы обрушатся как гром среди ясного неба. Затем по ручью мы присоединимся к вам. Полагаю, лучшего нам ничего не придумать.

Сварт в недоумении уставился на прорицательницу:

— Странное существо ты, лиса. Зачем ты делаешь это для меня?

— У тебя еще не все потеряно, — сказала Темнуха, закрыв глаза. — Я поступаю, как велют мне видения. Я вижу барсука, лежащего у твоих задних лап, а ты стоишь в лаврах победителя на вершине

горы и улыбаешься... Дальше я вижу очень старую, совсем седую и с виду мудрую барсучиху...

— Барсук, говоришь, пал, а я вышел победителем? — Предводитель резко опустил вниз шестипалую лапу. — Это хороший сон. Еще не все потеряно. А что до твоей седой барсучихи, то я отыщу и уничтожу ее, как только покончу с Близком.

Когда Камнеюг и Быстролапка поравнялись с Близком, барсук открыл рот от удивления. Они достигли его у подъема на последний перевал и отслютовали:

— А денек для охоты выдался что надо, не правда ли, владыка?

Барсук чуть не задохнулся от негодования:

— Скажите на милость, откуда вас двоих принесла нелегкая?

Быстролапка показала через плечо назад:

— На самом деле за нами идет целый отряд. Просто мы с Камнеюгом всегда слыли лихими бегунами и сейчас тоже вырвались вперед.

Блик не успел ничего им ответить, как в небе появился Скарлет.

— Криии! — Сокол приземлился рядом с барсуком. — Лиса с восемью стрелками поджидает тебя в засаде за этой горой, а Сварт с остальными бредет по ручью на восток, в сторону леса.

Блик обернулся к зайцам:

— Вот что мы сделаем. Вы подождете, пока подтянется весь отряд. Я обойду гору вокруг и выйду с южной стороны к ручью. Смотрите в небо: когда

сокол начнет пикировать, стреляйте. Услышите мой крик — быстро в атаку! А сейчас всем отрядом поднимайтесь на вершину горы и следите за соколом.

В низине возле ручья было душно и неудобно, и так же паршиво было на душе у Темнухи. Усердно отбиваясь от насекомых, лиса сквозь затуманивший глаза пот пыталась разглядеть, что происходит на склоне холма. Какая-то сварливая крыса глотнула воды из ручья и тут же ее выплюнула:

— Тьфу! Какая гадость! После того как по ручью прошли двадцать воинов, пить воду стало невозможно.

В воздухе росло напряжение.

— Вот и не пей, дурица! — набросилась на нее лиса. — Лучше гляди в оба на гору и держи лук наготове. Господин Шестикоготь не потерпит промашки.

— Не потерпит промашки? — проворчал крупный горностай. — Послушай, милочка, с тех пор как я примкнул к вашей ватаге, я только и вижу одну промашку за другой. И кто, по-твоему, в этом виноват? Старина Сварт, кто ж еще!

Лиса смерила его тяжелым взглядом:

— Мне самой передать это господину Сварту или ты лучше сообщишь ему сам? Видать, ты храбрый.

Сварливая крыса подала лисе знак:

— Глянь на вершину горы, оттуда за нами следят зайцы.

Темнуха с трудом разглядела наконечники дротиков и кончики заячьих ушей.

— Верно, — согласилась она. — Странно, чего они ждут?

— Возможно, какого-нибудь сигнала, — предположил верзила горноста́й.

— Вот он, сокол, барсучий прихвостень! — воскликнула лиса. — Еще бы, в отличие от нас, он может разнюхать все, что захочет. Пора убрать шпиона!

Она вытерла глаза и вымазала лапы грязью, чтобы они не скользили. Выбрав стрелу, она проверила ее прямизну, сменила обычный наконечник на отравленный, затем прислушалась к ветру, наложила стрелу на тетиву, прицелилась и оттянула тетиву так, что изогнутый лук превратился в правильную полуокружность.

Скарлет пикировал вниз, подавая зайцам сигнал.

Темнуха действовала быстро: мгновенно поймала мишень и выстрелила. Стрела угодила прямо в цель. Скарлет взвизгнул и с расправленными крыльями рухнул наземь.

Лиса ликовала. Едва она обернулась к своим, как заметила мчащегося из-за горы барсука, и мужество изменило ей. Свои горечь и гнев барсук приготовился обрушить на лису. Отшвырнув в сторону лук, Темнуха бросилась наутек, оставив своих зверей на произвол судьбы. Опомнились они слишком поздно. Блик накинудся на них с оглушительным криком:

— Скарлееееет!

С вершины горы Саблезуб слышал этот дикий вопль и видел лежащего на склоне Скарлета, из которого торчала стрела.

По команде капитана зайцы бросились в атаку, вздыбив за собой столб пыли. Саблезуб велел своим воинам двигаться за барсуком, и те, следуя по ручью, ринулись к видневшемуся впереди лесу.

Темнуха улепетывала так, что только пятки сверкали, хвост ее развевался, а сердце выскакивало из груди. Пока Блик гнался за убийцей Скарлета, рана на его задней лапе вновь стала кровоточить, и ручей окрасился в багряный цвет. Лису все сильнее обуревал страх. Она видела, как быстро сокращается расстояние между обезумевшим барсуком и ею.

Сварт вместе со своей бандой в лесу жадно уплетал дикую вишню. Услышав приближающийся топот, он обернулся. Это был горноста́й, которого он оставил караулить на опушке леса.

— Господин, я взобрался на дерево и увидел лису, — задыхаясь, проговорил тот. — Она мчится сюда с барсуком на хвосте. Из наших больше никого, — должно быть, он всех перебил. Похоже, лиса от него убегает. Вдалеке показались зайцы, их примерно с десяток, тоже движутся к лесу.

Предводитель, не раздумывая, приказал банде следовать за ним в глубь чащи, в сторону севера.

— Если лиса попадетя в лапы барсуку, то, стало быть, такова ее судьба, — произнес Сварт. — Если же нет, то она разыщет нас по следам.

Когда лиса вбежала в лес, у нее тряслись все поджилки. Ожидая встретить где-то поблизости Сварта, она сбавила скорость и крикнула:

— Господин, за мной гонится барсук! Держи его! Убей его!

Но лес безмолвствовал. От усталости еле перебирая лапами, Темнуха углублялась все дальше в чащу. Услышав за спиной страшный топот, лиса с ужасом обернулась и, споткнувшись о корень дерева, растянулась на земле. Она попыталась встать, но настигший сзади удар уложил ее вновь. Над лисой стоял Блик Булава, по его золотистой полоске меха стекали слезы, он разъяренно потрясал над лисой своей боевой дубиной. Темнуха рыла когтями землю:

— О нет, господин! Умоляю, поща... Ааааах!

Саблезуб перепрыгнул через мертвое тело прорицательницы и направился к Блику, который лежал неподалеку в небольшой яме, обессиленный от ярости и горя.

Капитан спрятал саблю и, приглушив голос, сказал зайцам:

— Камнеюг и Быстролапка, займитесь владыкой. Надо перевязать ему раны. Всем остальным — «вольно». Преследование хорька начнем на рассвете.

Не дождавшись Темнухи, но зато взбодрившись после небольшого отдыха, Сварт еще быстрее погнал свою банду. Вскоре после рассвета они вышли к реке. Сварт разрешил всем немного передохнуть, а сам подошел к воде и, напившись, стал исследовать глубину.

Его взор был прикован к верховьям реки — к зеленым склонам маячивших вдали гор.

— Эй вы, лентяи, живо встаем! — крикнул он. — Вон куда мы направимся — в те горы. Всем идти по воде, чтобы барсук не напал на наш след. Вперед!

Сероклык шел рядом с предводителем:

— Послушай, начальник, а как же Темнуха? Ты сказал, она сможет отыскать нас по следу.

— Если бы лиса была в состоянии это сделать, — с горечью произнес Сварт, — она бы нашла нас еще ночью.

Блик с воинами Дозорного Отряда отставали от банды Сварта на день пути. К реке они добрались лишь поздним вечером и разбили на берегу лагерь.

Саблезуб обследовал помятую листву прибрежных деревьев, поломанные ветви которых валялись в воде.

— Хмм, их около полутора десятков, — сообщил он, — их следы потонули в воде. Гляди — вон поломанная ива, и на той рябине помята листва. Хмм! А один из них оставил следы на берегу. Похоже, ласка.

Блик залез по пояс в воду, желая освежиться. Вдалеке в дымке жаркого угасающего дня виднелись горы.

— Сейчас мы отдохнем немного и опять в путь — до самой ночи, — объявил он. — Стало уже прохладно, и нам не придется искать следы. Сварт скрылся в горах — я это нутром чую. Когда он напал на Саламандастрон, я думал встретиться с ним там один на один, но этого не произошло. Что ж, встретимся на этой горе — в конце концов, не все ли равно на какой. Главное, что у шестипалого хорька осталось всего два десятка воинов.

Бриони очнулась, но воспринимала все как в тумане. Тогет, чуть дыша, лежал без сознания рядом. Все еще не веря, что осталась жива, мышь, покачиваясь, встала, и с нее потекла вода. Затащив нижнюю часть тела Тогета на плиту, Бриони увидела, что спасательная веревка до сих пор цела. Отвязав себя и крота, мышь свернула ее в бухту и перевесила через плечо.

Бриони вскарабкалась на скалу и села рядом с Тогетом, озираясь вокруг. Они находи-

лись в гигантской пещере внутри горы. В нее запросто мог бы поместиться весь Рэдволл. Водопад заканчивался широкой рекой со скалистыми островками и порогами.

Неподалеку от друзей плавал их походный мешок. Бриони выловила его и вывалила на скалу содержимое. Фрукты были в порядке. Она вытерла и откусила яблоко.

Тоget зашевелился и приоткрыл один глаз:

— Бриони, мы уже, как это... умерли или еще живы?

Бриони с усмешкой протянула Тоgetу бутылку с лопухово-одуванчиковым напитком.

— Как видишь, мы живы, — произнесла мышь. — Но все, что у нас осталось, — это немного фруктов и этот напиток. Отдохнем чуток и пойдем искать Покрова. Теперь, когда мы остались в живых, я уверена, что и Покров тоже уцелел.

— Урр, а если нет? — предположил Тоget, выжимая одежду.

Мышь была не расположена обсуждать эту тему:

— Не говори так, Тоget. Я уверена, что он жив.

— Урр, Бриони! — Верный крот покачал меховой головой. — Зря ты тратишь свою жизнь, гоняясь за хорьком. Этот паршивец ничего, кроме горя, тебе не принесет.

Сложив в мешок то немногое, что уцелело из еды, Бриони приступила к поискам.

— Покров не всегда был плохим. Помнишь его, когда он был малышом? Он был просто чудо. Когда-нибудь он изменится, вот увидишь.

Плюх!

Рядом в воду плюхнулся огромный камень.

— Изменится! Он изменится! — передразнил ее чей-то голос. — Хахаха! Эй вы, придурочные, опять тащитесь за мной?

Бриони повернулась и взглянула наверх. За их спинами на скалистом уступе стоял Покров, на его морде играли какие-то странные отсветы. Он махнул красной лапой и исчез в темной расщелине.

Бриони бросилась наверх, Тоget за ней.

— Покров, погоди! Подожди нас! — кричала она в ту сторону, где недавно стоял хорек. — Он жив, Тоget, жив!

Трещина в скале оказалась замаскированным входом в извилистый туннель. Вслед за Покровом друзья вступили в темный подземный переход, откуда в нос им шибануло сыростью и затхлостью.

Покров спрятался от Бриони с Тоgetом в небольшом углублении в стене. Спотыкаясь, мышь с кротом передвигались вслепую, пытаясь нащупать Покрова передними лапами. Хорек про себя посмеивался над ними, ожидая, когда их шаги стихнут вдали. Провести их не составляло труда. Он выбежал наружу, решив поскорей смыться, пока те плутают в извилистом коридоре.

Но тут в глаза Покрову бросился огромный, продолговатой формы камень, опасно торчащий над входом в туннель. Покров услышал голоса зовущих его Бриони с Тоgetом. Похоже, они уже шли обратно. Хорек вскарабкался на камень и стал яростно на нем скакать. Камень угрожающе заходил вверх-

вниз, сдвинулся и стал медленно сползать. Покров спрыгнул вниз и стал наблюдать за тем, как сползает камень. Тот достиг скалистого уступа и остановился, закрыв собой выход из туннеля. На морде хорька играла ликующая дьявольская улыбка.

Вход в подземный переход был наглухо закрыт.

— Ха-ха-ха! — злорадствовал Покров. — Теперь попробуйте за мной пошпионить, рэдловльские недотепы! Или попробуйте сдвинуть камень своей добротой!

— Ловко сработано! — За Покровом наблюдал крупный хорек, державший лапу на рукояти меча и окруженный двумя десятками вооруженных до зубов зверей. Приблизившись, он обошел вокруг молодого хорька, изучая его с головы до пят любопытным взглядом. — Там что, твои друзья? — осведомился незнакомец.

— Они мои враги — у меня нет друзей.

Глядя на двух хорьков, звери зашутукались. Если не брать в расчет разницу в возрасте, то младший хорек являл собой уменьшенную копию старшего.

Сварт буравил молодого хорька взглядом:

— Кто ты такой и как сюда попал?

— Спустился я сюда по водопаду, — сказал Покров, смело отвечая Сварту тем же взглядом, — а зовут меня Покров Изгнанник по прозвищу Шестикогть.

Услышав эти слова, все разинули пасти от удивления.

— А я тебя знаю, — продолжал Покров. — Ты предводитель Сварт Шестикогть.

Хорьки стояли, впившись друг в друга взглядами.

Сварт кисло улыбнулся и с сарказмом в голосе произнес:

— А ты, сосунок, суров! Покров — и кто тебя так назвал?

Прежде чем Покров успел ответить, из дальнего выхода туннеля послышался громкий голос Сероклыка:

— Начальник! Барсук с зайцами движутся вверх по реке, через пару часов они будут здесь.

Сварт указал на скалистые переходы, что зияли мраком у них над головой:

— А ну-ка проверим, куда они нас приведут.

— А как же я? — Покров преградил Сварту путь. — Я умею воевать.

Сварт презрительно отстранил его:

— Держись от меня подальше, сосунок! Мне и без тебя хватает хлопот.

— Это и видно, — с насмешкой произнес Покров. — Значит, барсук задал тебе жару, и ты бросился наутек. Ха, а еще предводитель!

Сварт чуть было не потерял равновесие. В ответ на оскорбление он бросил на Покрова уничтожающий взгляд.

— Будь осторожен, щенок! — сказал он взбирающемуся вслед за ним Покрову. — Иначе твой острый язычок может стоять тебе жизни.

Сазведчики Саблезуба с осторожностью осматривали мрачную пещеру, из которой вытекала горная река.

Убедившись, что там нет вражеской ловушки, Отряд во главе с Бликом вошел в пещеру. Там разведчики вновь отправились вперед. Остальные собрались на островке посреди реки. Они стояли и молча глядели в зияющую жутким мраком пещеру.

— Тс! — произнес Саблезуб. — Что это за шум?

— А вдруг они устроили нам ловушку? — тихо предположил Бредбери. — Откуда идет звук?

— Трудно сказать, — повела плечами Ловколапка, — за плеском воды невозможно что-либо различить. Может, это Камненог с Быстролапкой возвращаются?

Звук напоминал бряканье камешков.

— Там громадный водопад, — доложил Камненог Блику. — Они не смогли бы уйти этой дорогой.

Блик посмотрел вверх на высокие выступающие скалы и чернеющие темнотой туннели.

— Значит, они где-то здесь, — заявил он. — Саблезуб, ты с Отрядом осмотришь вершину горы. Сдается мне, что именно там засел Сварт. Я же постараюсь добраться туда другим путем. Возможно, нам удастся взять их в клещи. Это мой приказ. Идите!

Капитан понимал, что перечить барсуку бесполезно, и Отряд зайцев подчинился приказу.

Блик немного подождал. Среди шума плещущейся воды по-прежнему слышался непонятный скрежет. Барсук взобрался на первый уступ, и странный звук усилился. Блик, осторожно ступая, дошел до большой каменной плиты.

Тук! Тук! Тук!

— Есть кто там? — выкрикнул Блик, прижав морду к щели в стене.

Стук внутри прекратился, и раздался голос:

— Урр, нас тут это... двое! Мы угодили в ловушку!

Барсук несколько раз с силой надавил на камень, который лишь слегка пошатнулся.

— Я постараюсь вас освободить. Отойдите подалее!

Блик взобрался наверх и, упершись задними лапами в верхний край преграждающего путь камня, всей силой нажал на него. Тот слегка подался и вновь остановился.

— Я слегка сдвинул его, — сообщил он. — Попытайтесь пролезть через щель. Держите! — Сняв с плеча булаву, Блик просунул ее внутрь, так чтобы вниз свисала привязанная к ней бечева.

— Я держусь! — раздался голос мыши. — Тащите меня, пожалуйста!

Бриони удалось вызволить довольно быстро. С Тогетом из-за его упитанного телосложения пришлось повозиться, но в конце концов и он выскочил, как пробка из бутылки.

Не успели они познакомиться, как вдруг в воду что-то плюхнулось. Блик спустился в реку и выловил раненную стрелой летучую мышь.

— Бедненькая! — вскричала Бриони и бросилась к ней на помощь. — Положите ее сюда.

К счастью, стрела вошла в мембрану крыла и не задела жизненно важных органов. Бриони аккуратно вытащила стрелу.

— Вот так, — ласково приговаривала она, — больше больно не будет. Крыло заживет и станет как новенькое.

Летучая мышь обнажила в улыбке маленькие зубы.

— Спасибо, спасибо, — шепотом начала благодарить она Бриони. — Меня зовут Темнокож. Я правитель Горного Логова летучих мышей, мышей. Мои владения наверху, наверху. Там спрятались злые зве-

ри, они вооружены, вооружены. Мы, летучие мыши, перед ними бессильны, бессильны.

Произнося слова так, будто им вторило эхо, Темнокож вкратце описал встречу со Свартом и его бандой.

— Эти звери — мои враги, — перебил его Блик. — Я поклялся убить их. Не мог бы ты показать, где они находятся?

Крошечные глаза правителя Горного Логова быстро заморгали.

— О могущественный, подними меня, подними меня, и я покажу тебе, где они, где они.

Сварт с бандой неосторожно забрались прямо в логово летучих мышей. Разъяренные мыши заматались, выгоняя непрошенных гостей. Одна крыса выпустила в них стрелу, которая, отскочив от скалы, упала в пропасть.

Покров с ехидной усмешкой наблюдал за действиями воинов Сварта:

— Пока твои тупорылые идиоты разбрасываются стрелами, пойду заберусь наверх — посмотрю, откуда идет свет.

Сварт решил приструнить наглеца.

— Эй! Попридержи язычок, — ядовито заметил он Покрову, когда тот начал взбираться вверх, — а то не долго и в пропасть слететь. погоди, вот разберусь с барсуком и возьмусь за тебя. Это я тебе обещаю.

Покров, взглянув вниз со скалы, на которую только что взобрался, ослабил:

— Это мы еще поглядим, кто за кого возьмется, однолапый!

Далее он продолжил восхождение не оборачиваясь. Покров с юношеской проворностью вскоре достиг места, откуда шел свет. Это оказалась щель в деревянной двери, встроенной в камни. Отодвинув завес, хорек открыл дверь и на четырех лапах выполз наружу. Его ослепил яркий солнечный свет. Он оказался на плоской площадке на самой вершине горы.

Далеко внизу карабкались по крутому склону зайцы. Недолго думая, Покров стал скатываться на них камни. Глядя, как лавина осколков горной породы обрушивается на скалолазов, он радовался, как маленький ребенок. Зайцам ничего не оставалось как прижиматься к скале, хватаясь за обнаженные корни кустарника. Хорек ликовал, ощущая свою власть. Жаль только, что на месте зайцев не были ненавистные ему рэдловльцы.

Тем временем Блик тихо взбирался по извилистым горным проходам с раненым Темнокожем на плече, который указывал ему дорогу. Бриони и Тогета барсук подхватывал обеими лапами и, словно те ничего не весили, переносил их с места на место.

Враги были совсем рядом, и эхо донесло их голоса до Сварта. Сварт оценил расстояние, которое предстояло пройти, и у него зародилась одна мысль. Он выбрал нескольких крыс и двух горностаев.

— Вы остаетесь здесь, — еле слышно приказал он им, — и позаботитесь о летучих мышах и прочей мелочи, что там внизу. Когда с этим справитесь, присоединитесь к нам. Эта работенка для вас не составит труда.

И Сварт с остальными направился к верхнему выходу.

Не успел Блик поставить Тогета на очередной скалистый уступ, как в плечо крота впилась летящая со свистом стрела. Барсук быстро поставил крота рядом с Бриони.

— Он ранен, — сказал Блик. — Позаботься о нем, и чтоб от вас не было слышно ни звука!

Отложив в сторону булаву, барсук выбрал два крупных камня и, высунувшись, глянул наверх. Увидевшая его крыса взялась прилаживать стрелу в лук, но Блик ее опередил. Бросок оказался точным и сильным.

Бум!

Крыса полетела в темную бездну. Лишь далеко внизу плеском отозвалась вода.

Неподалеку от места, где стояла крыса, показался горноста́й. Его постигла та же участь.

Оставшиеся в живых другие крыса и горноста́й заметили огромного барсука, когда тот наклонился за очередным камнем. Звери в панике стали карабкаться наверх.

Блик понимал, что этих двоих нужно остановить, иначе они поднимут тревогу.

Отложив в сторону булаву, барсук, перебирая всеми четырьмя лапами, пустился в погоню за врагом. Вскоре он настиг крысу, которая ползла по скользкому скалистому склону, и, схватив ее за хвост, стащил вниз.

Между тем уже начали сгущаться сумерки. Сварт расхаживал по площадке, наблюдая, как его воины

сбрасывают камни и пускают стрелы и дротики в беззащитных зайцев, которые все же мужественно продолжали подниматься на гору. Покров встал на край острой каменной плиты и принялся раскачивать ее. Когда же та обрушилась вниз, хорек довольно потряхнул с лап пыль.

— Эй, в чем дело? Ты что, боишься перепачкаться? — с вызовом бросил он Сварту. — Толку от тебя не больше, чем от раздавленной жабы, а еще предводитель называется!

— Я тебе покажу раздавленную жабу! — зло проскрежетал Сварт в ответ. — Будешь распускать язык, превратишься в раздавленного хорька, усек, долговязый?

Пока войны занимались своим делом, Сварт припал к расщелине и прислушался. До него донесся визг крысы и душераздирающий крик горноста, когда тот угодил в лапы Блика. Хорек быстро сунул нос в отверстие и увидел барсука. Тот, наклонив голову, взбирался наверх. Такой случай невозможно было упустить.

Сварт схватил обеими лапами огромную каменную глыбу и, подняв ее над головой, отошел в сторону, чтобы обрушиться на барсука сзади. Едва хорек успел выпрямиться, как изнутри показалось туловище Блика. Удар пришелся барсуку по загривку и оказался настолько сильным, что камень раскололся пополам. Блик потерял сознание, продолжая торчать наполовину из расщелины.

— Взять его, принести веревку! Вытащить его отсюда и крепко связать! Я поймал барсука!!!

Урр, и где только берутся такие стрелы, что делают это... так больно? — проговорил Товет, крепко стиснув зубы от боли.

Бриони внимательно изучала наконечник стрелы, который вытасила из плеча крота.

— По крайней мере, он не отравлен. Ты везунчик. Не возьмете ли вы на себя труд приглядеть за Товетом? — обратилась она к мышам. — Я должна пойти узнать, что случилось.

Крепко сжимая в зубах единственное оружие — маленький нож, она стала медленно взбираться к верхнему выходу из пещеры.

Посреди площадки, которая раскинулась на вершине горы, горел костер. Часовые бродили по кругу, выглядывая какого-нибудь засевшего в кустах зайца. Неподалеку от костра, все еще без сознания, лежал на спине Блик Булава. Его крепко привязали за вытянутые в разные стороны передние и задние лапы к двум дротикам, которые были вбиты в трещины скалистой породы.

У костра сидел Сварт и закалял на огне наконечник ясеневого дротика. Напротив него, не спуская глаз с предводителя, в вольготной позе развалился Покров.

— Итак, после долгих зим и лет ты поймал-таки своего врага, — сказал он.

— О да, после долгих-долгих зим и лет, — ухмыльнулся Сварт, — еще с тех пор, как тебя, щенка, на свете не было.

— Это лишь говорит о твоей нерасторопности, — продолжал подначивать его Покров. — Будь барсук моим врагом, его бы давно уже не было в живых.

Сварт был не склонен отвечать на вызов юнца.

— Послушай, недоумок, сколько у тебя вообще врагов было?

Покров буравил Сварта взглядом:

— Не переживай, мне хватит! Главное, у меня есть один крупный враг — трусоватый папаша, которого отцом я никогда не называл. Негодяй, бросивший меня на поле боя в том возрасте, когда я

едва научился ходить. Теперь он мой главный враг, и я еще попляшу на его могиле.

— Только попробуй, и будешь умирать, как завтра утром вот этот зверь. — Сварт указал дротиком на лежащего барсука. — Долго и мучительно.

Тем временем Бриони подползла совсем близко к лагерю Сварта. Она старалась держаться подальше от отсветов пламени и от Покрова. Часовые следили за горными склонами, но двоих, на счастье Бриони, сморил сон.

Вдруг под лапой Бриони треснул кувшин с каким-то напитком. Она замерла, но, к счастью, из-за потрескивания костра ни один из хорьков подозрительного звука не услышал. Мышь подняла кувшин и поползла дальше, продолжая двигаться справа от барсука и вне поля зрения хорьков. Медленно-медленно она наконец достигла морды барсука и увидела на его золоченой полоске запекшееся кровавое пятно. Он лежал неподвижно, чуть приоткрыв рот. От страха чуть дыша, Бриони подняла кувшин и влила немного напитка в рот барсука. Через некоторое время он закашлялся и застонал, затем приподнял и повернул голову, так что жидкость из кувшина плеснула ему в морду.

В это мгновение дротик Сварта больно огрел Бриони по спине, и она растянулась на скале.

— Ха-ха-ха! Попалась, мышь! Чего тебе здесь надо?

Сварт грубо схватил ее и поставил на задние лапы. Блик продолжал кашлять и выплевывать попавшую в глотку жидкость. Тем временем к ним подскочил Покров и наотмашь ударил Сварта в челюсть. Тот невольно отпустил Бриони.

— Бриони, скорей отсюда! — крикнул ей молодой хорек. — Беги!

Сварт обрушился на Покрова, и, пока они сражались, Бриони принялась ножом резать веревки, связывающие Блика, приговаривая тонким голоском:

— Поднимайся, Блик! Вставай!

Отшвырнув сына в сторону, Сварт вновь завладел дротиком.

— Барсук мой! — вскричал он.

Бриони обернулась и увидела, что хорек прицелился в нее дротиком. Что-то мелькнуло у нее перед глазами, и она услышала крик:

— Не тронь ее! Уууууух!

В следующее мгновение у ее задних лап лежал Покров с торчащим из спины дротиком. Бриони открыла рот, но не могла выдать ни звука.

Сварт бросился вперед, но тут раздался оглушительный боевой клич:

— Эулалиааааа!

Блик вскочил на задние лапы, и дротики, к которым он был привязан, сломались, как два прутика. В отсветах пламени сверкнул изогнутый меч Сварта и полоснул Блика по боку. Хорек взмахнул мечом во второй раз, теперь вознамерившись нанести удар по голове. Но барсук поймал меч в воздухе и крепко вцепился в клинок лапами; Блик истекал кровью, но ничто уже не могло остановить его, ибо в нем кипел дух воителей-предков. Увидев, как его меч разломался пополам в лапах барсука, хорек невольно открыл рот. Вращая обеими лапами, в которых все еще сжимал обломки меча хорька, Блик одним прыжком достиг

Сварта и треснул его с такой невероятной силой, что показалось, будто деревянной палкой расплющили гнилое яблоко. Задние лапы хорька подкосились, и он упал бездыханный, словно поверженный алебардой. Никто из банды не решился приблизиться к Блику Булаве. Схватив тело своего смертельного врага мертвой хваткой, он поднял его высоко над головой и, приблизившись к краю площадки, бросил его в темную пропасть.

— Эулалиааааа!

Насмерть перепуганные часовые пустились наутек вниз по склону, съезжая по мелкой горной породе на своих хвостах, но были достойно встречены зайцами Дозорного Отряда, которые, едва услышав о начале схватки, бросились к вершине горы.

Бриони сидела, держа на коленях голову Покрова. Взор молодого хорька затуманился, дыхание стало хриплым и слабым. Казалось, слова Бриони доходят до него, словно из Темного Леса:

— О Покров, мой Покров! Ты меня спас... Почему?

— Иди... к себе в аббатство... больше не придется искать меня... Иди... дай мне уснуть!

Бриони ласково его покачала, как делала прежде, когда он был ребенком, и юный хорек навечно закрыл глаза.

Так завершили свой жизненный путь отец и сын — предводитель Сварт Шестикогть и Покров Изгнанник Шестикогть.

Лагерь разбили на берегу реки и провели там три дня, отдыхая и заживлявая раны, чему немало помогали летучие мыши с целым арсеналом своих целебных средств.

Блик бесконечно мог слушать рассказ Бриони о его матери, старой барсучихе Белле Броктри. Какое счастье для него было узнать, что она еще жива!

— Белла, Белла, — неустанно повторял он ее имя. — Я непременно должен ее увидеть, я пойду в Рэдволл вместе с вами.

— Ну да, из нас троих вполне получится один здоровый зверь, который вернется в Рэдволл! — впервые за последние дни улыбнулась Бриони.

— Саблезуб, до моего возвращения командование переходит к тебе с полковником Сандгалом, — распорядился Блик. — На обратном пути похороните тело моего друга Скарлета на солнечном склоне, обращенном к морю. А вы, Камнег и Быстролапка, будете сопровождать нас в аббатство Рэдволл.

— Отправляйтесь сегодня вечером, вечером, — произнес стоящий у входа в пещеру Темнокож. — Через два дня на реке вас встретит Иглогод, Иглоголов. Идите с миром, миром.

На третий день рано утром путники добрались до места, где ручей впадал в реку. Илффрид, как никогда в дурном расположении духа, немедленно высулась из своей норы:

— Эй, какого лешего вас тут носит? Кто такие?

Прямо перед ее носом опустился в землю металлический наконечник булавы, и взору Илффрид тут же предстала золоченая морда барсука.

— Я Блик Булава, владыка Саламандастрона! — прорычал он. — Иногда на завтрак я предпочитаю полевых мышей. А ты кто?

Илффрид, неистово семеня лапками, заторопилась восвояси, успев по дороге пропищать:

— Эх! Я просто несчастное создание, которое здесь живет само по себе. Господин, твоя воля ходить где захочется.

Друзья, рассмеявшись, уселись на берегу реки.

Вскоре появился плот Дадла.

Из хижины выскочил Арундо и, с восхищением уставившись на барсука, сказал:

— Можно мне попрыгать на твоём животе?

— Конечно, можно! — подмигнул ежонку Кам-
неног. — Только сперва Блик попрыгает на твоём,
идет?

Розалия погрозила им лапкой:

— А вы знаете, что сделает моя мама, если увидит, как вы скачете на чьем-нибудь животе?

— Да, — улыбнулся ей Товет, — она... это... одним махом всем хвосты поотрубает.

— Прямо сейчас, одним махом! — со знанием дела подтвердил Арундо, резко взмахнув лапкой.

Когда друзья забрались на плот, Дадл отчалил от берега. Вскоре путешественников пригласили в хижину, где их ожидал праздничный завтрак.

На этот раз хижина показалась Бриони меньше, чем прежде. Вероятно, такое впечатление создавала громадная фигура Блика. Хотя из-за разносящихся с печи ароматов у Дадла уже текли слюнки, он все же счел своим долгом произнести вступительную речь:

— Итак, дорогие гости, позволю себе рассказать, каким курсом мы будем с вами двигаться. Я избрал маршрут по рекам и ручьям, который приведет нас почти к самому аббатству Рэдволл. Ни о чем не беспокойтесь, друзья, вы находитесь в хороших и надежных лапах...

Тути угрожающе подняла ковшик:

— Да ты что, рыба твоя голова, собираешься распинаться до самого ужина? Давай пошевеливайся, не то я тебе хвост поотрубаю!

Перекинув салфетку через лапу и что-то бормоча себе под нос, Дадл засновал между печью и столом с разными угощениями.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя фиалочка! Но если б все было, как ты говоришь, на берегу ступить было бы некуда — везде валялись бы отрубленные хвосты.

Солнечные лучи уже начали разгонять утренний туман, когда Сьюмин, белка, после ночного обхода окрестностей стучался в ворота аббатства. Ответа все не было.

Наконец Барлом широко распахнул ворота, пропуская доблестного зверя.

Сьюмин слегка отряхнулся от росы и целеустремленно направился в аббатство.

— У меня нет времени, — по дороге бросил он, — спешу сообщить аббатисе хорошие новости.

Посуда после завтрака еще была не вымыта, кухонные работники облепили аббатису со всех сторон и в ожидании усталились на Сьюмина.

— Куда полезней занять делом лапы, а не уши, — сказала Мериам, смерив их строгим взглядом, и поднялась из-за стола.

Они тотчас вняли ее словам и вернулись к своим обязанностям. Мериам сделала глазами знак Сьюмину, что желает поговорить с ним наедине. Когда они вышли из трапезной, рэдволльцы начали строить догадки.

— Урр, это хорошие новости! — успокоил всех голос кротона начальника, который аккуратно сворачивал скатерть. — Думаю, аббатиса, как только сочтет нужным, сразу все нам расскажет.

Казалось, рассказ Сьюмина о победном сражении длился целую вечность. Многие из рэдволльцев, оставив свои повседневные дела, просто слонялись по Большому Залу, изнывая от любопытства.

Из кухни в сопровождении поваров и их помощников пришли Банфолд с Миртой. Стряхнув с лап муку, Монах уселся на стул Мериам:

— По крайней мере, лучше ждать сидя, чем стоя. Эй, вы, незачем изображать бурную деятельность, присаживайтесь! Я сам до жути любопытный.

Едва Банфолд закрыл рот, как в Зал вошли Мериам и Сьюмин. Монах тотчас подскочил с места, словно сел на гвоздь, и уголком фартука принялся усердно оттирать со стола воображаемое пятно.

Мериам сердечно пожала лапу Сьюмину и одарила присутствующих своей редкой улыбкой:

— Завтра к полудню прошу вас приготовить не просто праздничный обед, а незабываемый праздничный пир.

Мирта подняла лапу, желая разузнать поподробнее:

— А на скольких зверей нам рассчитывать?

Ответ Мериам всех еще больше озадачил:

— Рассчитывать на вдвое больше, чем обычно.

Большой Зал наполнился гулом одобрения.

Мериам подняла вверх лапы, ожидая, пока стихнут удивленные возгласы.

— Послушайте, друзья, — продолжила она. — Дело вот в чем. Завтра мы ожидаем в гости друзей: одни из них нам знакомы, другие — нет. Большого я вам сказать пока не могу, потому что хочу сделать сюрприз для одного нашего замечательного друга, имя которого пока тоже останется в тайне. Итак, я призываю вас всех держать рот на замке и заниматься своими делами, а завтра нас ожидает событие, которого никогда еще не случалось в Рэдволле, — прибытие великого зверя в наше аббатство. Простите, но больше ничего пока не могу к этому добавить.

Весь день и ночь в Рэдволле кипела работа. Садовники сновали туда-сюда с охапками цветов для украшения столов. Выдры с белками, проявляя мастерство акробатов, прикрепляли к стенам флаги, цветы и фонари. Белые крахмальные скатерти были вывешены на проветривание, вышивальщицы трудились над

салфетками и ковриками, покрывающими скамьи. Дважды подметенный каменный пол был устлан заново раскрашенным плетеным ковром. Взгромоздившись на высокий уступ, Монах Банфолд руководил работой поваров на кухне со свойственной ему деловой сноровкой. Он умудрялся одновременно следить за плитой, за приготовлением блюд и за чересчур шустрыми малышами.

— Эй вы, там, кроты! Не забудьте, перед тем как будете готовить начинку для своего многослойного пирога, вытащить из миски вон того малыша. Мы не любим пироги с запеченными кротятами. Фруктовый пирог уже пора ставить в печь! Глазурь еще не готова?

Одни рэдловльцы катили из винных погребов бочонки, другие наперегонки с ними — головки сыра из кладовых. Так всю ночь напролет и еще часа два после рассвета рэдловльцы носились по лестницам туда-сюда — кто по делам, а кто, наоборот, в спальню, чтобы немного вздремнуть.

В Корабельной Бухте уже все было готово к встрече Лорда Барсука. Почетный караул из белок и выдр, затаив дыхание, выстроился вдоль берега. Наконец Блик вышел на берег. В исполосованных шрамами лапах он сжимал свою устрашающую булаву. Рыжуха вышла вперед и, поклонившись, обратилась к барсуку:

— Минуту терпения, владыка, — вот-вот здесь появятся твои друзья.

Невдалеке от них из прибрежной чащи раздался голос белкозайца Джода:

— Пожалуйте сюда, ребята. Вот мы и пришли!
Из зарослей появился долговязый заяц, а за ним небольшая толпа маленьких зверюшек.

— Ба, владыка Блик, это ты! Совушка по имени Древоклюва сообщила этим добрым зверюшкам, что ты плывешь сюда, и они проделали длинный путь из своей пещеры, чтобы свидеться с тобой.

Откинув в сторону булаву, Блик бросился друзьям навстречу:

— Тори Лингл! Бруф Дуббо! Вязник! О мои дорогие друзья! Мила! Лули! Как выросли ваши детки!

Девочки-кротята и четверо ежат, визжа от восторга, накинулись на барсука и, едва не повалив его, принялись тискать его задние лапы.

Мила Лингл и Лули Дуббо прикрикнули на детей, которые, как комары, облепили Блика:

— Битти, Гиллер, Гурмил, Тирг, оставьте бедного господина в покое. У вас еще будет возможность повисеть на нем, прежде чем он состарится.

Лули обратилась к своим дочкам:

— Нили и Подд, покажите-ка барсуку, что мы принесли в подарок для его сокола.

И она достала из фартука кусочек белого сыра. Взяв его, барсук печально покачал головой:

— Друзья, по дороге в Рэдволл я расскажу вам очень грустную историю.

Велико было удивление сестры Ивы и аббатисы Мериам, когда они вошли ранним утром в покои Беллы и увидели ее в красивом пурпурном одеянии; ее тщательно причесанный мех лоснился и отливал серебром, а голову украшал венок из левкоев и белых розочек.

Мериам невольно поклонилась царственного вида особе и произнесла:

— Белла, у тебя такой величественный вид!

Седая барсучиха подняла резной, с серебряным набалдашником посох:

— Благодарю, Мериам. Сегодня, когда мне предстоит встреча с моим сыном, я должна выглядеть лучше, чем когда-либо.

Мериам чуть не задохнулась от изумления:

— Но... откуда ты узнала? Кто тебе сказал? Ума не приложу...

— Успокойся. — Белла села в кресло и потрясла посохом. — Мне было предсказано это во сне.

— Ах да, — понимающе кивнула Мериам, — не иначе как от твоих предков.

Белла поманила их лапой:

— Не совсем. Это рэдволльский герой, основатель нашего аббатства Мартин Воитель. Несколько месяцев назад, когда я спала в этом кресле, он явился мне при всех доспехах и со своим огромным мечом. И он рассказал о моем сыне и о том, как тот победит предводителя Шестикогтя, но потеряет при этом своего друга Скарлета. Он сообщил мне, что я доживу до тех дней, когда Блик прибудет сюда, и что случится это в первые дни осени. Сердце мое наполнилось такой светлой радостью и умиротворением, которых я никогда не испытывала за всю свою жизнь. После этого Мартин просил меня передать вам вот что.

Две мыши обратились в слух, когда Белла начала:

Добрые звери, живущие в этих стенах,
Честными будьте в помыслах и в делах.
Дух мой с вами, я ваш немеркнущий свет,
В годину лихую подмогу дам и совет.
До скончания сезонов от вас не уйду никуда,
Рэдволл — обитель покоя, достойное братство.

Живите счастливо, и если случится беда —
Мартин Воитель вечно хранит аббатство.

— Раз сам Мартин Воитель взял нас под свое покровительство, значит, аббатство будет всегда в безопасности, — произнесла в изумлении Мерриам.

— Подойдите сюда, — перебила ее Белла, протягивая вперед лапы, — и помогите мне встать. Сегодня только легкий завтрак. Поберегу аппетит до полудня, когда придут дорогие гости.

К разгару утра все уже было готово. На всех стенах аббатства среди виноградной лозы и цветов развевались флаги и знамена. Каждый рэдволлец был чисто вымыт, тщательно причесан и по-праздничному одет. Поднявшись на стену, Сьюмин нацелил свой зоркий глаз на уходящую вдаль лесную тропу и прислушался, не приближаются ли к аббатству гости. Малыши рьяно отплясывали, взрослые громко переговаривались, строя предположения, как же выглядит этот неистовый барсук. Впрочем, Сьюмину такая атмосфера веселья только мешала.

— Тише вы! — шикнул он на гомонящих поблизости рэдволльцев и приложил к уху лапу. — Дайте прислушаться!

Уцепившись хвостом за зубец крепостной стены, он перегнулся и наострил уши. Рэдволльцы тоже насторожились.

Стоило ежейке Мирте кашлянуть, как все осуждающе обернулись на нее.

— Открывай ворота! — крикнул Сьюмин, яростно делая знаки Барлому. — Они идут! Я слышу голоса!

Из лесу на дорогу вышел возглавлявший процессию Шкипер:

— Поглядите, друзья. — Он указал концом дровяка в сторону Рэдволла. — Видите вон тот шпиль, это и есть наше аббатство.

Истомившиеся ожиданием рэдволльцы понеслись вниз со стены к главным воротам и стали там ждать, пока спустится барсучиха; прежде всего это был особый день в ее жизни. Когда Белла вышла на дорогу и поравнялась с остальными, рэдволльцы дружно приветствовали ее.

— Хотите услышать боевой клич барсуков? — осведомилась Белла, обернувшись к остальным. — Когда я подам знак, выкрикните слово «эулалиа», но нужно, чтобы оно прозвучало громко и протяжно. Готовы? Начинай!

— Эулалиаааааа!

Блик, крутя булаву над головой, набрал в необъятную грудь воздуха и взревел:

— Эулалиааааааа!

Кротоначальник заткнул лапами уши:

— Урр, словно это самое... гром перед бурей! Смотрите, он идет!

Блик увидел движущуюся к нему во главе процессии седую барсучиху. Он знал, что это его мать Белла. Передав булаву Шкиперу, он бросился к барсучихе навстречу; от его тяжелых шагов столбом

поднялась пыль, а с обеих сторон грянули радостные приветствия.

Вдруг Блик остановился и последние три шага прошел медленно. Перед ним было то же благородное лицо, что являлось ему во снах. Среди наступившей тишины коротко прозвучали слова:

— Мама.

— Сын мой.

Так Блик Булава, владыка Саламандастрона, пришел в аббатство Рэдволл и встретился со своей матерью Беллой Броктри.

48

В тот же час начался пир, которому, казалось, не будет конца.

Бриони сидела с Барломом и аббатисой Мериам под своей любимой яблоней. Писарь прихватил с собой гусиное перо, чтобы увековечить то, что рассказывала мышь. А говорила Бриони откровенно, стараясь не упустить ни единой детали. Когда ее повествование подошло к концу, в воздухе повисла тишина.

— Значит, мы с Беллой оказались не правы. — На Бриони смотрели добрые глаза аббатисы. — Все-таки в Покрове было что-то хоро-

шее, хотя, чтобы это проявить, ему пришлось пожертвовать жизнью. Прими мои извинения, Бриони.

— Вам вовсе не за что просить прощения. — Бриони почтительно поцеловала лапу аббатисы. — Покров был плохим, теперь я это знаю. Белла была права. Кое-кто не может вести себя как положено. Сколько мы его знали, Покров ни к кому не проявил душевной доброты. После его смерти я много всего передумала, но так и не смогла себе твердо ответить, спас ли бы он меня, если бы точно знал, что его отец бросит в него дротик. Однако не любить я его не могла, это было сильнее меня, хотя я знаю, что без таких, как Покров и Сварт, жизнь на земле будет лучше. Такие, как они, приносят лишь смерть и несчастья.

Прежде чем ответить, Мериам обменялась взглядом с Барломом:

— Ты повзрослела, Бриони. Ты вернулась к нам более мудрой, благоразумной и зрелой, чем свойственно для твоих лет. Как считаешь, Барлом?

— Я считаю, что в свое время, — произнес он, свернув свои свитки, — аббатство Рэдволл не останется без хорошей аббатисы, когда ты, Мериам, почувствуешь потребность передать кому-нибудь свои полномочия.

Мериам обняла Бриони за плечи:

— О лучшей будущей аббатисе Рэдволла я и мечтать не могу.

— Я — аббатиса Рэдволла? — Бриони не могла поверить своим ушам.

— А Товет в свою очередь займет место кротоначальника. Вы оба достойны всяческого восхищения и уважения.

Байчонок Бурбоб задергал носом и выжидающе уставился на Рилбрука Странника:

— И это все? Вот проклятие! Я бы не прочь эту историю слушать и слушать хоть до скончания века.

Старик выдра поднялся и потянулся, балансируя на своем рулеобразном хвосте.

— Итак, щекастенькие, слышали, как в таких случаях говорят? Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец. А если кому мало, начинай сначала.

— А что случилось с Джодом и Быстролапкой? Они поженились? — осведомилась зайчиха, поставив перед пожилым гостем угощение.

— Да, и остались жить в Рэдволле. А вот Камненог вместе с Бликом вернулись в Саламандастрон. Но произошло это много лет спустя, и только после того, как Белла отправилась в Темный Лес. Блик ни за что не покинул бы аббатство, пока мать его была жива. Ушла из жизни она мирно и счастливо, прожив гораздо дольше, чем бывает отпущено даже барсукам. Никто на своем веку не помнит таких долгожителей, как Белла.

— И Бриони в конце концов стала аббатисой?

— Да, в зрелом возрасте. Мериам ушла на покой и передала свои полномочия Бриони. Тотет стал кротона начальником. А теперь, может, хватит терзать меня вопросами, пока моя стариковская морда от них не посинела?

— Еще только один. Правда ли, что Блик, когда вернулся сюда, отрекся от обязанностей воителя?

— Нет, он всегда был готов защищать приморье, сражаясь с любыми врагами. Несмотря на то что он безумно любил заниматься земледелием, враги его знали только под именем Булавы. Благодаря ему горные склоны Саламандастрона превратились в плодородные плантации, какими они пребывают и поныне. Со временем

он стал опытным земледельцем. Имя Блика он сменил на более благородное — Солнечная Полоса. Помимо того, он первым из барсуков начал писать стихи — весьма редкое дарование для тех, у кого в жилах течет кровь воителя.

— А ну-ка идите за мной, я вам кое-что покажу, — позвала всех зайчиха.

Дети вслед за зайчихой и стариком выдрой направились по скалистой тропке, с одной стороны от которой раскинулся насыпной сад. Рилбрук остановился у скамьи, сложенной из каменных плит:

— Смотрите, я вам покажу, что мне показал когда-то отец, а ему — его отец...

Щекастый Бурбоб пробубнил себе под нос:

— А его отец показал его отцу, равно как его тетушка показала ему и... Уххх!

В качестве предупреждения зайчиха ущипнула его за ухо, и он замолчал, наблюдая, как Рилбрук приподнимает верхний камень скамьи. Показался нижний камень, на котором красивым барсучьим почерком были вырезаны стихотворные строки:

Здесь я часто сидел и на море глядел,
Когда стаявал снег и ветра затихали злые.
Только пчелы да бабочки в суете своих дел
Окружали меня, пока я вспоминал дни былые.
Скарлет, тебя вспоминал я — кружил ты всегда надо мной
Или сидел на плече, озирая округу.

Сколько долгих путей и дорог отмахали с тобой,
Помогая друг другу, во всем доверяя друг другу.
С сердцем тяжелым сидел я в печали один,
Долго сидел и плакал в молчанье суровом.
Воин могучий, Владыка Горы, господин —
Я не могу тебя вызвать условленным зовом...

Опершись на посох, Рилбрук наблюдал за зайчатами, собравшимися гурьбой вокруг плиты и читающими стихи.

— Да, при его правлении Саламандастрон процветал, — заметил он. — Хорошо бы этим зайчатам посчастливилось иметь такого учителя, как Блик.

— А как ты думаешь, будет ли когда-нибудь барсук опять править в Саламандастроне? — Бурбоб с надеждой устремил взгляд на рассказчика.

Рилбрук усадил зайчонка на каменную скамью.

— Эта гора никогда не останется надолго без Лорда Барсука. Дух воителя как будто притягивает их из дальних стран. Если каждый день будешь сидеть на этом самом месте и глядеть вниз на берег, однажды ты увидишь идущего сюда барсука. Растите сильными и честными и хорошо служите барсуку. Это долг каждого живущего в Саламандастроне зайца.

Облачившись в плащ, Рилбрук Странник взял свой рябиновый посох и отправился в путь:

— Прощайте, друзья, спасибо за гостеприимство. Ветер меня манит в холмы. До свиданья!

Брайан Джейкс — великолепный рассказчик.

Он родился и вырос в Англии, в Ливерпуле, и сменил множество профессий. Он был моряком и портовым грузчиком, клоуном и водителем грузовика, работал почтмейстером и полицейским, занимался боксом, руководил музыкальной фолк-группой, вел собственную передачу на радиостанции Би-би-си. Литературную карьеру он начал как сценарист и успел получить признание, но интереснее ему оказалось писать книги. Сериал «Рэдволл», общий тираж которого превысил 30 миллионов экземпляров, принес Джейксу титул одного из самых популярных писателей мира.

Сегодня Брайан Джейкс работает над очередным романом из цикла «Рэдволл» и придумывает новый сериал.

Книги сериала «Рэдволл» снискали своему автору, Брайану Джейксу, славу одного из лучших детских писателей мира. В чем секрет их популярности? Наверное, в том, что Джейкс, сам воспитанный на книгах Стивенсона и Хаггарда, Лондона и Дефо, пишет о простых, но важных и увлекательных вещах — о том, что жить надо весело, но радостную жизнь подчас приходится защищать от злобы и зависти; о том, что, заступаясь за слабого, ты становишься сильнее и можешь совершить подвиг; о том, что каждого, кто готов сделать первый шаг в неизведанное, за порогом ждут настоящие приключения.

Рэдволл — больше, чем просто книги, — это большой и интереснейший мир. Не случайно столько людей в разных странах причисляют себя к сообществу его поклонников. О приключениях героев Рэдволла снят мультипликационный сериал, поставлены спектакли и мюзиклы, а число интернет-сайтов, посвященных сериалу, исчисляется десятками. Начать знакомство с жизнью Рэдволла в сети мы советуем с ресурсов: www.redwall.org и www.redwall.net

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Читайте девятую книгу
из сериала «Рэдволл»
«ЖЕМЧУЖИНЫ ЛУТРЫ»

*Где-то далеко от аббатства Рэдволл
лежит остров Сампетра, которым правит
император Ублаз. Гипнотический дар Ублаза
держит в страхе и повиновении многочисленную
армию хищников. Но настоящим императором
Ублаз почувствует себя лишь тогда,
когда его корону будут украшать
шесть розовых жемчужин, спрятанных
его бывшим сообщником в стенах аббатства.*

Книгу можно заказать
в Интернете по адресу
WWW.OZON.RU

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ

- Санкт-Петербург** *Издательство «Азбука»*
тел. (812) 327-04-56,
факс (812) 327-01-60
«Книжный клуб „Снарк“»
тел (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан»
тел (812) 589-29-75
- Москва** *ООО «Азбука-М»*
тел. (095) 150-52-11,
792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93, 261-24-90
www.club366.ru, club366@aha.ru
- Екатеринбург** *ООО «Валео книга»*
тел. (3432) 42-07-75
- Новосибирск** *ООО «Топ-книга»*
тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru
- Калининград** *Сеть магазинов «Книги и книжечки»*
тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38
- Хабаровск** *ООО «Мирс»*
тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmtrs.khv.ru
- Челябинск** *ООО «ИнтерСервис ЛТД»*
тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»

WWW.OZON.RU

КНИГА-ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300 тел. (812) 268-90-93;
www.areal.com.ru e-mail: postbook@areal.com.ru

Литературно-художественное издание

Брайан Джейкс
ИЗГНАННИК

Редактор Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Киселева, Елена Орлова
Верстка Липона Вальского
Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 26.01.2004.
Формат издания 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 18 000 экз.
Усл. печ. л. 20,46. Изд. № 710. Заказ № 1618.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Пещера
Линзла и Дуббо

Ладерь
Криволапа

Озеро

Престошь

Болото

Лес
Цветущих Мхов

Карьер

Море

Саламандастрыон

Водопад

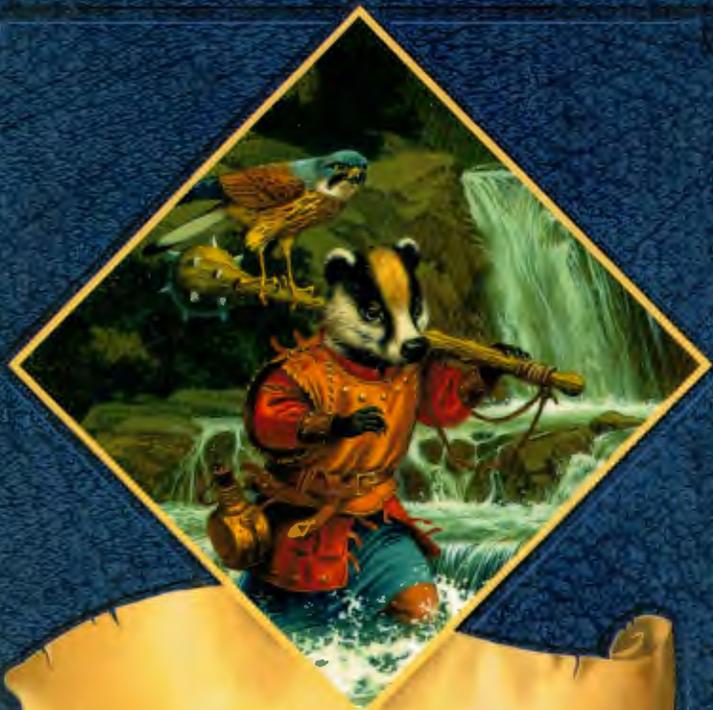
Аббатство
Радвола

Река Широкая

Гс

Совсем юны
поп
Сварту Шес
изде
пока дух ле
Саламанда
и веревок.
пленник о
Цветущи
решитель
обиженных
ненавистному
обречен жит
не подозр
смертельны
которого ког

«РЭДВОЛЛ»

Совсем юным барсук по имени Солнечный Блик попал в плен к безжалостному Сварту Шестикогтю. Много сезонов терпел он издевательства слуг разбойника, пока дух легендарных предков — правителя Саламандастроны не оказался сильнее цепей и веревок. Вырвавшись на свободу, бывший пленник стал Великим воином — Страна Цветущих Мхов давно не видела такого решительного и беспощадного защитника обиженных, но думал барсук только о мести ненавистному врагу. Отныне Сварт Шестикогт обречен жить в страхе возмездия, но он даже не подозревает, что у него есть еще один смертельный противник — собственный сын, которого когда-то приютило аббатство Рэдволл.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 5-352-00710-3

9 785352 007105

